

ИХИЛОВ
Михаил Мататович:
ученый, воин, гражданин

Народы **НД** Дагестана

ИХИЛОВ
МИХАИЛ МАТАТОВИЧ:
ученый, воин, гражданин

Сборник статей

Издательский дом «Народы Дагестана»

Махачкала 2004

ББК 63.3 (2) Г.
УДК 93 (07)

Составитель и редактор сборника Мусаханова Г.Б., кан. фил. наук.

И-95 Ихиллов Михаил Мататович: ученый, воин, гражданин: Сборник статей/Сост. Г.Б. Мусаханова. - Махачкала: Изд. дом "Народы Дагестана", 2004 - 148 с.

Сборник посвящен памяти известного дагестанского ученого, доктора исторических наук, Заслуженного деятеля науки Дагестана Михаила Мататовича Ихилова.

Состоит из трех разделов. В I-ом представлены материалы Вечера памяти М.М.Ихилова, проведенного в Институте истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН 5 ноября 2002 г., в связи с его 85-летием.

Во II-ом разделе публикуются 2 статьи из архива ученого.

В III-ем разделе представлен ряд публикаций, свидетельствующих о продолжении и развитии на современном этапе научных традиций М.М.Ихилова в дагестанской, отечественной и зарубежной науке.

Сборник издан на средства семьи М.М.Ихилова.

ISBN 5-297-01139-6

© Мусаханова Г.Б.
составление 2004 г.

I

**Материалы Вечера памяти
Михаила Мататовича Ихилова, проведенного
в Институте истории, археологии и
этнографии Дагестанского научного центра
РАН 5 ноября 2002 г., в связи с его 85-летием**

М.М. Ихилов, 1967 г.

Османов А.И., директор
Института ИАЭ ДНЦ, чл.-корр РАН, д.и.н.

ЧЕЛОВЕК – ЛЕГЕНДА

Волею судьбы рождение Михаила Мататовича Ихилова совпало с днем 7 ноября 1917 г., когда случилась Великая Октябрьская социалистическая революция. И естественно, что на его судьбе отразились все сложности того исторического времени нашей Родины. Достойный сын своего народа – горских евреев, многонационального Дагестана и всей Великой Отчизны, он прошел большой путь творческой деятельности, начавшийся в сфере образования и закончившийся в науке.

Достаточно глубокое по тем временам и требованиям образование, полученное им в Дербентском педагогическом техникуме, а затем на историческом факультете Учительского института Дагестана, общая личная эрудиция позволили ему, еще совсем молодому человеку, активно включиться в первоочередной важности дело – культурное строительство. В Дагестане, как и в стране, это было время смелых дерзаний и больших свершений. И среди этих дерзаний приоритетной и важнейшей задачей были ликвидация неграмотности, подготовка высокообразованных юношей и девушек, способных овладеть высотами науки.

Но смелые планы и дерзания, мечты советских людей были прерваны войной. Еще до начала войны в 1940 г. с должности завуча и преподавателя общеобразовательной школы в Кайтагском районе Ихиллов М.М. ушел в армию. С первых же дней Великой Отечественной войны молодым лейтенантом – выпускником артиллерийского училища, он мужественно сражался, защищая Родину от фашистов. О том, что он был достойным воином, свидетельствуют его боевые награды.

После тяжелого ранения офицер Ихиллов продолжил образование. Окончив в 1944 г. в Махачкале педагогический Институт им. С.Стальского, он посвящает свою последующую жизнь науке. Вся его научная деятельность связана с Институтом истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, где он проработал свыше 40 лет. Из этого коллектива он был направлен в аспирантуру Института этнографии АН СССР в Москве, где под руководством известных ученых-этнографов – профессора М.О.Косвена, академика С.П.Толстого получил высокую квалификацию, защитив в 1949 г.

кандидатскую диссертацию, посвященную истории, быту и культуре горских евреев с древнейших времен до наших дней.

С тех пор вся научная деятельность Михаила Мататовича отдана интенсивному и планомерному изучению истории, культуры, этнографического уклада, быта народов Дагестана. Его имя стало широко известно в среде кавказоведов, как в России, так и за ее пределами. Его связывали интенсивные творческие контакты с многими именитыми учеными Северного Кавказа, Азербайджана и Грузии. Труды М.М.Ихилова получили известность в научном мире и не потеряли своего значения сегодня, когда переосмысливаются многие ценностные ориентиры.

Список трудов его достаточно обширен, но особого внимания заслуживает его докторская диссертация «Народности лезгинской группы», опубликованная в 1967 г. и представляющая собой историко-этнографическое исследование лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров и агулов с древнейших времен до начала XX в.

Он был первым доктором наук из среды своего малочисленного народа, автором десятков научных работ, в том числе нескольких монографий. Был удостоен высокого звания Заслуженного деятеля науки РД, высоких знаков отличия за добросовестный труд. Михаила Мататовича отличало редкое трудолюбие, активная жизненная позиция, принципиальность.

Среди его научных интересов особое место занимали две любимые им темы – история его родного города Дербента и история горских евреев, над которыми он продолжал работать всю жизнь. Его статьи о родном народе вышли в сборниках «Народы Дагестана», «Народы Кавказа», изданные Институтом этнографии в Москве, в «Большой Советской энциклопедии», в «Энциклопедии мировых культур», изданной в США.

Большой общественник, Михаил Мататович любил выступать перед населением республики с лекциями на исторические темы. Его увлеченные, страстные выступления не оставляли никого из слушателей равнодушными. Его лекции – рассказы, преподносимые им со свойственным ему жаром, горячностью, любовью к своим слушателям, завоевывали их симпатии.

В живом общении с людьми, со студенческой аудиторией в Даггосуниверситете, где он читал курс лекций, проявлялась его высокая эрудиция, глубокие знания истории народов Кавказа, Ирана стран Ближнего Востока, античного и арабского мира.

Щедрая улыбка, звонкий с хрипотцой голос, выразительные жесты, все располагало к нему. Был он очень живым, эмоциональным

человеком самостоятельного мышления, яркого, самобытного характера. Знал цену доброго слова поддержки, которое вдохновляет, умел сострадать, умел и радоваться.

У Михаила Мататовича складывались искренние отношения с коллегами, окружающими его людьми, что снискало заслуженные симпатии и уважение всех, кто его знал. Безусловно, это был человек творческого мышления, своего рода, человек – легенда, который обладал глубокими знаниями во многих направлениях исторической науки и общественной мысли. Таким он остался надолго в памяти его коллег, ибо время, столкнувшись с памятью, узнает о своем бесправии.

ТЕЛЕГРАММА

Института этнологии и антропологии имени Н.Н.Миклухо-Маклая РАН Москва. 5.XI.2002 г.

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ,
АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ДАГЕСТАНСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН**

В день 85-летия со дня рождения Михаила Мататовича Ихилова, известного ученого, мы выражаем чувства глубокого уважения и любви к его памяти.

Михаил Мататович внес большой вклад в изучение этнографии народов Дагестана, оставив множество научных трудов, являющихся ныне классикой этнографического дагестановедения. Специалисты особенно ценят его исследования, посвященные изучению культуры и быта горско-еврейского населения, которое в лице Михаила Мататовича нашло вдумчивого и пытливого исследователя.

Имя Михаила Мататовича Ихилова навсегда вошло в историю отечественной науки.

Заведующий отделом народов
Кавказа чл.-корр. РАН,
д.и.н. С.А.Арютунов,
к.и.н. Б.А.Калоев,
д.и.н. Я.С.Смирнова,
к.и.н. Г.А.Сергеева
и др. сотрудники отдела

Агаширинова С.С., д.и.н., проф.,
зав. кафедрой истории России ДГУ

М.М.ИХИЛОВ – УЧЕНЫЙ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ, ГРАЖДАНИН

История развития научной мысли Дагестана знает много славных имен ученых, общественных и государственных деятелей, чьи труды и дела проникнуты любовью к Родине и истории ее народов. Среди них видное место занимает Михаил Мзатович Ихиллов – историк, этнограф, Заслуженный деятель науки РД, который прожил достойную гражданина России жизнь. Его биография яркая иллюстрация советской истории: педтехникум, дагестанский пединститут, армия, в годы войны мужественно сражался с фашистскими захватчиками, получил тяжелые ранения. После Великой Отечественной войны, завершив учебу в институте, посвятил свою жизнь науке. Вся научная деятельность Михаила Мзатовича Ихилова была связана с институтом истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Отсюда он был направлен в аспирантуру в Москву в Институт этнографии АН СССР. В 1949 г. защитил кандидатскую диссертацию. В этом же институте в 1968 г. защитил докторскую диссертацию. и был первым доктором наук среди своего малочисленного горско-еврейского народа в Дагестане.

М.М.Ихиллов отличался редким трудолюбием, активной жизненной позицией, принципиальностью, открытостью характера, доброжелательностью к окружающим его людям. Мужество ученого, стойкость и принципиальность – вот качества определившие судьбу М.М.Ихилова.

Важной стороной научно-исследовательских трудов его надо считать богатство источниковедческой базы, глубину проникновения в источники. Особенно хочется подчеркнуть повседневное обращение его к этнографии, опору на нее.

Ряд трудов М.М.Ихилова расценивается нами и всеми этнографами-кавказоведами как образцы историко-этнографических исследований.

Прежде всего хочу подчеркнуть с именем М.М.Ихилова связан в отечественной науке II-й половины XX века новый этап исследования этнической истории горских евреев, являющихся в Дагестане одним из титульных народов нашей Республики, с изучения которого он начал свою научную деятельность.

К сожалению, ему не удалось полностью опубликовать свою монографию «Горские евреи», над которой он много лет работал,

хотя еще первый вариант этого труда, защищенный в качестве кандидатской диссертации в Москве, был рекомендован к печати, тогда же Ученым советом Института этнографии АН СССР. А не опубликован: «по не зависящим от него обстоятельствам» - скажем так для начала.

Однако, уже автореферат его диссертации (1949 г.) и последовавшие затем обобщающие статьи «Горские евреи», опубликованные в сборниках «Народы Дагестана», «Народы Кавказа», совместно изданные Институтом ИЯЛ Даг. ФАИ СССР и Институтом этнографии им. Миклухо-Маклая в Москве (1955 г.), как и его статья о горских евреях в Большой Советской энциклопедии (1955 г.) получили известность среди кавказоведов не только у нас в стране, но и за рубежом. В конце 60-х гг. он получил через Президиум АН СССР приглашение из Иерусалимского университета для чтения курса лекций по истории горских евреев, но вынужден был отказаться из-за разрыва дипломатических отношений СССР с Израилем в тот период. И опять скажем: «по не зависящим от него обстоятельствам».

Следует отметить широкий диапазон исследований М.М.Ихилова уже в первые годы его работы после возвращения из аспирантуры: от проблем этногенеза народов Дагестана и вопросов средневековья до современных исторических и этнических процессов. В центре внимания его были и вопросы развития религий в их исторической последовательности в Дагестане, и проблема «Хазария и Дагестан».

Напомню лишь некоторые его работы этой поры: брошюра «К проблеме этногенеза народов Дагестана» (по материалам исторической этнографии) (Махачкала, 1952) и «Значение персидского похода Петра I для Дагестана (1722-1723)» (Махачкала, 1954), «Дагестан в VI-XV вв.», глава для I тома «Очерков истории народов Дагестана» (1957).

Одновременно с публикацией его статьи по горским евреям в указанном сборнике «Народы Дагестана» дана и его статья «Табасараны». В том же 1955 г. в БСЭ появились и статьи «Табасараны» и «Таты» (см. т.т. 37, 38). В эти же годы М.М.Ихиллов являлся ответственным редактором сборника «Русско-дагестанские отношения (XVII-первая четверть XVIII вв.). Документы и материалы». Составитель Р.Маршаев. (Махачкала, 1958).

В первой половине 50-х гг. ученый активно выступает в «Дагестанской правде» и в дербентской газете «Знамя коммунизма» с интересными статьями «К вопросу о проникновении ислама в Дагестан», циклом статей «О происхождении народов Дагестана» и особенно большой серией статей по истории Дербента.

Список трудов М.М.Ихилова очень обширен. Особого внимания заслуживают его монография «Народности лезгинской группы» (этнографическое исследование прошлого, настоящего лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров, агулов), изданная в 1967 г., над которой начинает работать в конце 50-х гг. Она явилась результатом его кропотливой работы, многочисленных поездок по Южному Дагестану и Северному Азербайджану, вызвавшая уважительное отношение к нему у многих представителей этих народов, сохранивших добрую память о нем.

Именно этот труд, которому предшествовала целая серия отдельных публикаций по различным вопросам истории и быта изучаемых им народов, в том числе и о кубинских лезгинах, в «Ученых записках» института ИЯЛ и в центральном научном журнале «Советская этнография», был представлен им в качестве докторской диссертации.

Интересно, что этот труд и через 28 лет после его издания, оказался востребованным лезгинской общественностью: Республиканская «Лезги газет» в 1996 г. почти полгода публиковала главы из этой книги на лезгинском языке в переводе известного журналиста Д.Бейбутова, о чем сам автор не знал. Редакция «Лезгинской газеты» преподнесла ему такой подарок к новому 1997 году, пригласив его для получения гонорара и 20 номеров газеты с опубликованными главами его книги. Мне известно, что многие читатели газеты сбросьюрвали для себя на родном языке этот материал.

Никто не мог предположить, что 1997 год, начавшийся с такого приятного сюрприза, окажется последним годом жизни Михаила Мататовича...

Весьма ценным трудом, которому ученый отдал много сил, является и коллективная монография «Материальная культура аварцев», изданная Институтом ИЯЛ в 1967 г. М.М.Ихиллов был ответственным редактором книги и автором Введения, Заключения и первой большой главы «Хозяйство». В этой главе раздел «Домашние производства и ремесла» выполнены совместно с С.Агашириновой, которая была и автором главы «Одежда». Авторами трех других глав являются А.Исламмагомедов и М.Агларов.

Я хорошо помню в наших экспедициях по Аварии как общительность, открытость характера Михаила Мататовича, присущее ему чувство юмора располагали к нему людей. И открывались сундуки, показывались старинная одежда и украшения, ковры и паласы, посуда и кувшины, светильники и домашнее убранство, текстиль

интересные рассказы из истории селений, где мы бывали, о хозяйственной жизни, о легендах и былях, о выдающихся людях.

Еще запомнились во время наших поездок лекции и беседы, с которыми выступал М.М.Ихилов перед населением по различным вопросам истории Дагестана. Любимыми темами его были вопросы происхождения народов Дагестана, историческая общность их, ислам в Дагестане, история Дербента.

А когда он бывал в Дербенте – это был праздник души для него. Именно благодаря знаменитым памятникам родного города, которые со школьных лет завораживали его, он стал историком.

Пожалуй, тема Дербента со всем многообразием проблем его многовековой истории в прошлом и в XX в. была главным исследованием всей его жизни. Хотя эта тема ему никогда не планировалась в Институте, он с увлечением работал над ней и знаю с одобрения академика Сергея Павловича Толстого, которому он показывал план своего исследования, и нередко консультировался с ним, когда бывал в Москве.

По этой теме, помимо большой серии газетных статей, он опубликовал прекрасную статью «Город-музей мирового значения» в журнале «Советский Дагестан» (№ 4, 1972), а в 1980 г. выступил на Всесоюзной конференции «Особенности феодализма народов Северного Кавказа» с докладом «Средневековой Дербент». (Тезисы доклада опубликованы в материалах конференции, состоявшейся в Махачкале).

Работа над этим трудом, думаю, была для него отдушиной от тех наветов, которым он подвергался в течение многих лет из-за своего противостояния искажению истории горских евреев.

Михаил Мататович Ихилов даже в самые трудные годы, в 60-70-е и начале 80-х годов XX века, в период разгула государственного антисемитизма в СССР, никогда не изменял своему научному убеждению, утверждая, что горские евреи и таты это совершенно разные этнические группы, имеющие свое происхождение, свою этническую историю. Он настаивал на своих научных убеждениях даже тогда, когда шла специальная кампания при проведении двух последних переписей населения бывшего СССР в 1979 и 1989 гг., когда печать в республике утверждала, что горские евреи не евреи, а «таты – иудансты», что в Дагестане живут лишь таты (которые к тому времени давно слились с азербайджанцами и т.п.) и таким образом призывали всех горских евреев отказаться от «устаревшего» национального названия и записаться «татами».

Хорошо помню, сколько в то время публиковалось в республиканских газетах псевдонаучных статей не только группы

лиц из горских евреев, не имеющих отношения к исторической науке, но и некоторых историков Дагестана, которые утверждали, что горские евреи – это таты, которые пришли с севера, и что они чуть ли ни потомки скифов и сармат (не буду указывать фамилии этих авторов, пусть это лежит на их совести). Не буду подробно вдаваться и в эту научную проблему, хочу лишь подчеркнуть твердую позицию ученого М.М.Ихилова, который противостоял шквалу нападок на него. В этой ситуации большой поддержкой ему была позиция ученых Института ИЯЛ.

Я сама в конце 70-х годов также столкнулась с этой проблемой, когда у меня студентка Юсупова из Дербента (имя, отчество не помню) выполняла дипломную работу по теме «Горские евреи. (Этногенез и этническая история)». Она была отличница и, когда работала над своей темой, собрала очень интересный материал и представила отличную работу, которую я послала на Всесоюзный конкурс студенческих работ в Москве, где она получила почетную грамоту за лучшую научную работу. Почти перед экзаменами меня вызвали к ректору профессору А.А.Абилову, когда я зашла к нему, там сидел представитель КГБ. Это было уже в мае месяце, почти перед защитой дипломных работ. И он говорит мне как я могла дать такую тему дипломной работы «Горские евреи» - такого народа в Дагестане нет и т.п. Я, конечно, вступила с ним в полемику. Профессор А.А. Абилов заставил меня переделать название работы на «Социалистический быт и культура горских евреев» с сохранением все-таки названия «горские евреи». Должна сказать, студентка Юсупова неоднократно обращалась к Михаилу Мататовичу за консультацией, хотя научным руководителем была я. Он очень помог ей и поддержал ее.

Этот пример еще раз свидетельствует о том, насколько сложная была проблема – «Горские евреи». Сейчас в истории горских евреев наступил новый этап. когда можно давать объективную историю народа.

Последней публикацией М.М.Ихилова по теме «Горские евреи» стала его большая статья «Горские евреи», вышедшая в США на английском языке в «Энциклопедии мировых культур» в 1994 г. Горско-еврейский народ никогда не должен забывать своих отважных сыновей как известный ученый, общественный деятель и педагог Михаил Мататович Ихилев, который в такие трудные для них времена отстаивал свою честь, совесть и объективную историю народа.

Мы с М.М.Ихиловым проходили аспирантуру в Москве под руководством ученого с мировым именем Марка Осиповича Косвена.

Михаил Мататович был одним из первых учеников Косвена М.О., а я была его последним аспирантом. После окончания аспирантуры я 10 лет работала вместе с М.М.Ихиловым в Институте

ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, и особенно больше узнала его, когда мы готовили коллективную монографию «Материальная культура аварцев», о которой уже говорила.

Так что я М.М.Ихилова знаю очень хорошо и это дает мне право говорить о нем, как о прекрасном и принципиальном человеке, и как об известном ученом историке-этнографе Дагестана и Кавказа. Деятельность таких личностей как М.М.Ихилов, несомненно, является вкладом в золотой фонд горско-еврейского народа.

Алимова Б.М., д.и.н.,
вед.н.с. ИИАЭ ДНЦ РАН

ВКЛАД М.М.ИХИЛОВА В РАЗВИТИЕ ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

Бесконечно рада, что представился случай выразить нашу признательность Михаилу Мататовичу Ихилу и добрую память о нем, как о замечательном человеке, чья жизнь – пример высокого трудолюбия, доброты и порядочности.

Мы знаем Михаила Мататовича как ученого историка, который оставил заметный след в исследовании истории Дагестана. Он был человеком с обширным, многообразным диапазоном научных интересов. Помним его как человека, внесшего значительный вклад особенно в развитие этнографической науки в Дагестане.

История Дагестана – это история и этнография всех ее народов и этнических групп. Сегодня мы – авторы монографий о народах Дагестана (народы эти, как известно, продолжают оставаться одним из важных объектов исследований), извлекаем из научного наследия ученого то ценное, что способствовало бы расширению наших знаний по этнографии этих народов.

Ценны в трудах Михаила Мататовича – методологические принципы изучения своеобразия и исторической общности наших народов.

Начав свою научную деятельность с исследования истории своего народа – горских евреев, затем он обратился к изучению других народностей Южного Дагестана. Первой была опубликована работа «Табасараны», которая вошла вместе со статьей «Горские евреи» еще в первый академический сборник, изданный Институтом ИЯЛ Даг. ФАН СССР в 1955 г. в Москве совместно с Центральным Институтом этнографии АН СССР. Вскоре появились в печати его статьи и исследования «Кубинские лезгины», «Рутулы», «Хновцы: историко-этнографический очерк», «Старый и Новый Куруш» и многие другие разработки, на основе которых выросла его монография «Народности лезгинской группы. Этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров, агулов», изданная в 1967 г. Этот труд стал первым опытом сравнительного историко-этнографического исследования этой группы народностей. В 1968 г. по этой теме он защитил докторскую диссертацию, восполнив пробел совокупного исследования пяти близкородственных народов Южного Дагестана и Северного

Азербайджана. С тех пор прошло 35 лет. Широкий спектр вопросов, получивших освещение в труде Михаила Мататовича не потеряли своего значения и на современном этапе.

Тогда же в начале 60-х гг. Михаил Мататович обращается к этнографическому изучению аварцев в качестве руководителя группы молодых ученых института, в которую входили С.С.Агаширинова, защитившая уже диссертацию, и двое молодых тогда научных сотрудников – М.А.Агларов и А.И.Исламмагомедов, имена которых теперь общеизвестны в науке.

Результатом их совместных разысканий стал коллективный труд «Материальная культура аварцев», изданный в том же 1967 г., когда была опубликована его монография о народностях лезгинской группы.

Специальных трудов, посвященных материальной культуре аварцев до этой книги не было, хотя в кавказоведческой литературе были отдельные ценные данные по этой проблеме. Авторы труда, естественно, использовали эти сведения, имевшиеся как в дореволюционной, так и в советской этнографической науке. Но основным источником для написания глав этой книги послужил этнографический материал, собранный этим коллективом в период экспедиции в течение 2 лет. Михаил Мататович Ихиллов был ответственным редактором этого труда, автором введения, заключения и центральной главы «Хозяйство», вобравшей в себя все необходимые сведения об аварцах, о природно-географических и социально-экономических условиях жизни их в XIX-начале XX в., рассматриваются им основные отрасли хозяйства, сельскохозяйственные и другие орудия труда, средства связи, а также кустарные промыслы. В этой большой главе раздел «Домашние производства и ремесла» выполнен вместе с С.С.Агашириновой, которая является и автором отдельной главы «Национальная одежда».

Главы «Поселения» и «Жилища» выполнены А.И.Исламмагомедовым, а М.А.Агларов является автором главы «Питие».

Так с участием М.М.Ихилова, первого в Дагестане ученого-этнографа, намечался новый этап фронтального этнографического изучения народностей Дагестана, который на современном этапе получил широчайший размах.

Следует напомнить: если М.М.Ихиллов после возвращения из аспирантуры был единственным этнографом в небольшом тогда коллективе Института ИЯЛ, то в последующие годы ряды их стали пополняться и прежде всего здесь следует назвать имя его коллеги – Сакинат Шихамедовны Гаджиевой, которая после аспирантуры

продолжила свои исследования по кумыкам, создав свои, теперь широко известные труды о кумыках и других народах Дагестана. И самое главное с ее именем, впоследствии доктора исторических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Дагестана и РФ, было связано дальнейшее развитие этнографической науки в Дагестане: она возглавила созданный впервые в Институте отдел этнографии в середине 60-х гг. На этом посту она была 29 лет.

Вопросов истории и этнографии отдельных народов и этнических групп И.М.Ихиллов касается не только в монографиях, но и в многочисленных статьях. Весьма заметен его интерес к происхождению народов Дагестана. Следует вспомнить одну из первых его публикаций по этнической истории наших народов, еще в 1952 г. на страницах «Дагестанской правды» - «К вопросу о происхождении народов Дагестана», в 60-е годы появились «К вопросу о происхождении народностей лезгинской группы» и др.

Михаил Мататович Ихиллов умел сказать свое веское слово, показать свое принципиальное отношение к тем или иным проблемам. Он часто выступал со статьями в журналах, на страницах газет, на Всесоюзных и Международных конференциях, симпозиумах. Так, на первом Международном коллоквиуме в Баку, который назывался «Горские евреи: история и современность», Михаил Мататович выступил с докладом «О фальсификации этнической истории горских евреев на страницах советской прессы в 70-80-х гг.». Следует отметить, что его позиция относительно горских евреев занимает особую страницу в истории этого народа и заслуживает внимания как историков, так и этнографов.

Научная деятельность Михаила Мататовича Ихилова не ограничивалась только названными проблемами. Как ученый Михаил Мататович в равной мере проявлял интерес к разным аспектам духовной жизни народов Дагестана («Язычество в Дагестане. Пережитки древних верований у народов Дагестана»; «Иудаизм в Дагестане (пережитки иудаизма)»; «Ислам в Дагестане»; «Христианство в Дагестане»; «Пережитки ислама в семье и быту народов Дагестана» и др.).

Так уж случилось, что со второй половины 60-х годов Михаил Мататович работает на новом секторе социологии, но его связи с этнографами и этнографией не прерываются. Будучи на новом секторе, он готовит к изданию уже названные труды, защищает докторскую диссертацию, а его работы, выполненные по социологии, созданы на стыке истории, этнографии и социологии, что особенно проявилось в исследованиях по изучению степени религиозности народов нашей

Республики. Кроме того, он публикует ряд статей в тематических сборниках, издаваемых отделом этнографии, например «Семья и быт табасаранцев», «Большая семья и патронимия у горских евреев».

В этот период плодотворной продолжала оставаться его связь с отделом этнографии, как члена Ученого совета Института, а затем и члена Ученого совета по защите кандидатских диссертаций по истории и этнографии, созданном в нашем Институте. Он принимал активное участие в обсуждении и в рецензировании многих работ. Ясная продуманность его суждений нередко в спорной ситуации разряжала обстановку, а иногда и накаляла, т.к. полемистом он был не без юмора.

Связи его с Институтом и этнографами не прерывались и после выхода на пенсию в 1986 г. Он часто получал приглашения на научные конференции, проводившиеся в Институте, на которых дважды выступил с очень серьезными дополнениями по обсуждаемым вопросам.

В начале 90-х годов, когда наши этнографы выполняли статьи по народам Дагестана для американской «Энциклопедии мировых культур», Мамайхан Агларович Агларов, курировавший эту работу в Дагестане, попросил Михаила Мататовича принять участие в ней и написать статью о «Горских евреях». Так появилась его публикация вместе с нашими статьями в столь авторитетном зарубежном издании в 1994 г. в Бостоне, в переводе на английский язык. Статья Михаила Мататовича вызвала положительный отклик в среде горских евреев, живущих в Канаде и США, о чем свидетельствуют письма, полученные от наших земляков его семьей после кончины Михаила Мататовича.

Долго наши сотрудники вспоминали и его, наверное, последнее выступление в Институте. Как-то зайдя в институтскую библиотеку, он увидел объявление об обсуждении докторской диссертации одного из известных историков Дагестана. Это было примерно за 2-3 часа до обсуждения. Ему оказалось достаточным этого времени, чтобы довольно подробно проанализировать эту работу и особенно авторскую концепцию происхождения кумыков.

Все это говорит о широте научных интересов Михаила Мататовича Ихилова, о весомости его вклада в различные области истории и этнографии. Как ученый Михаил Мататович в равной мере проявлял интерес к истории и этнографии, фольклористике, философии. Именно это многогранное, широкое понимание Михаилом Мататовичем истории и этнографии народов Дагестана делает его творческое наследие интересным для ученых и его научная деятельность составляет заметную страницу и в истории отечественной этнографической науки.

Гамзатов Г.Г., академик РАН,
д.филол.н., проф. директор ИЯЛИ ДНЦ РАН

ДОБРЫМ СЛОВОМ ВСПОМИНАЮ Я МИХАИЛА МАТАТОВИЧА

Мы с Михаилом Мататовичем не были в закадычных друзьях. Мы были просто сослуживцы. Работали в одном институте – Институте истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Относились друг к другу с подобающим тактом и уважением.

Когда я пришел в Институт, а это было в 1950 году, Михаил Мататович уже был сложившийся ученый-историк, кандидат исторических наук. Я же только начинал работать и по приглашению известных филологов Магомед-Саида Саидова и Шихабудина Михайлова влился в их творческую группу по подготовке русско-аварского словаря – первого академического труда подобного масштаба и значения. Аналогичные словари составлялись тогда и по другим языкам – даргинскому, кумыкскому, лакскому, лезгинскому.

В институте сотрудников было мало – в общей сложности где-то около 15 человек. И это был в целом слаженный и дружный коллектив. В этих рамках складывались и наши с Михаилом Мататовичем отношения. Он, как бы на правах старшего, был ко мне внимателен, давал советы и в целом благоволил мне. Я же, как начинающий и младший чувствовал себя обязанным по отношению к нему предупредительным и послушным. В нем я признавал и почитал ряд достоинств. Во-первых, это был испытанный воин, инвалид Отечественной войны, чью грудь украшал целый ряд знаков отличия и боевых наград. А потом это был уже «остепенившийся» ученый-историк, каковых в те годы было не ахти много не только в институте, но и республике. Особо подчеркивался – Михаил Мататович сам акцентировал внимание на этом – тот момент, что он прошел кандидатскую подготовку у самого Расула Магомедовича Магомедова, тогда уже видного ученого-историка, который возглавлял институт и одновременно занимал пост заместителя председателя президиума Дагестанского филиала союзной академии, вначале при академике Иване Ивановиче Мещанинове, а впоследствии – профессоре Хабибуге Ибрагимовиче Амирханове.

Поначалу пути сложившегося историка и будущего филолога мало в чем соприкасались. Со временем, уже в начале 50-х годов, когда мне довелось исполнять обязанности ученого секретаря института, нам приходилось сталкиваться с работой Михаила Мататовича чаще и по существу. Через меня проходили как его научно-

исследовательские работы, так и текущие отчеты о ходе выполнения плановых заданий. Должен сказать, что Михаил Мататович был аккуратным и обязательным, как было принято тогда отмечать – дисциплинированным сотрудником. Он отличался широтой научных интересов, легко откликался на новые инициативы и подхватывал самые современные направления научных поисков и разработок. При всех условиях Михаила Мататовича никак нельзя было отнести к числу ученых пассивных, равнодушных, замкнутых в себе. Он всегда старался идти в ногу с жизнью общества, с движением научной мысли.

Я не историк, и не могу судить о научных изысканиях Михаила Мататовича, об их достоинствах или неудачах. И все-таки в туманной памяти моей живо всплывают некоторые страницы жизни и творчества ученого-историка. Как мне представляется, замстным явлением в исторической науке Дагестана явилась работа Михаила Мататовича, посвященная истории и культуре народов Южного Дагестана. Думаю, что это был, пожалуй, один из первых серьезных трудов по сложной истории многонациональной Страны гор в региональном ее осмыслении. И труд этот был удостоен доброго слова специалистов и признан как определенный вклад в дагестанскую историческую науку. Исследования Михаила Мататовича данного плана поныне не утратили своего значения.

Вообще мы хорошо помним, что научные изыскания Михаила Мататовича не оставались незамеченными и, как правило, вызывали широкий общественный отклик, зачастую вылившийся в острую дискуссию. Так было, например, с его известным выступлением на страницах дагестанской периодики по поводу современного состояния дагестанского общества. Кажется, это был журнал «Советский Дагестан». Время было «брежневское», впоследствии обозванное «застойным». Вся общественная, идеологическая и научная жизнь в стране протекала под знаком брежневской оценки состояния движения советского народа как единой многонациональной общности. Одним из первых в Дагестане на это «открытие» откликнулся Михаил Мататович и, следуя аналогии, объявил, что в современном Дагестане мы имеем дело с многонациональной общностью «дагестанский народ», сформировавшейся якобы на основе русского языка. Надо сказать, что реакция общественности на концепцию М.М.Ихилова была далеко неоднозначной. Одни были не прочь признать ее как новое слово в творческом развитии дагестанского обществоведения, а другие отвергали как надуманную, не имеющую под собой объективной научной базы. Должен признать, что автор настоящих воспоминаний принадлежал к числу тех, кто скептически отнесся к увлечениям Михаила

Мататовича, считая их, скорее всего данью моде, нежели плодотворным итогом глубоких социологических исследований и обобщений. Дело в том, что при всей обоснованности общепризнанной роли русского языка как языка-посредника и средства межнационального общения, а также при всей реальности формировавшегося в стране советского образа жизни – все-таки проводить в одночасье более тридцати дагестанских этнических образований и самостоятельных языковых реальностей неким единством и общностью и лишить их реальных перспектив самостоятельного бытия, функционирования и развития нам казалось весьма преждевременным и опрометчивым, да и в целом не соответствующим реальной картине современной дагестанской действительности. И, как известно, время сказало по этому поводу свое веское слово. Такое, однако, случилось не только с дагестанскими учеными. И думаю, что персональных упреков в данном случае Михаил Мататович не заслуживает: таким было само время.

Известно также, что путь Михаила Мататовича в историческую науку пролегал через этнологию (этнографию). Его кандидатская диссертация была посвящена этническим судьбам горских евреев. И с данной проблемой Михаил Мататович не расставался, как мне представляется, всю жизнь. Мне довелось оказаться свидетелем многих эпизодов, в которых обнаруживались и обнажались различные точки зрения на вопрос. Уже в кандидатской диссертации Михаила Мататовича, которую я прочел в свое время по просьбе автора, прослеживалась мысль о якобы обширном распространении «горского еврейства» среди дагестанских народов – как в историческом, так и географическом планах. В работе в изобилии приводились, например, наименования многочисленных дагестанских, в частности достаточно крупных и исконно национальных аварских населенных пунктов, – как поселений традиционного татско-еврейского обитания. Многие из них расположены в глубинных районах гор, в приличной отдаленности от современной татской популяции. Для подтверждения своих наблюдений М.М.Ихилов ссылался на отдельные лексические и топонимические созвучия дагестанских и татского языков. Оперировал он и древним хазарским прошлым Дагестана. Правда, в научных кругах дагестановедов поиски Михаила Мататовича в данном ракурсе воспринимались не без иронии, с доброй улыбкой. Был такой эпизод в начале 50-х. Я с упомянутым выше дагестанским лингвистом и одновременно выдающимся арабистом Магомед-Саидом Саидовым прогуливался у тогдашнего здания нашего института на Комсомольском бульваре (ныне – Ленинский проспект, 14): так проводили у нас обычно часть обеденного перерыва. В одну из таких

прогулок вижу - торопливо и деловито в нашу сторону идет озабоченный чем-то Михаил Мататович. Вплотную подойдя к маститому ученому, он сказал:

- Магомед-Саид! Как на аварском языке звучат такие татские слова... - и привел целый перечень слов - И в каких аулах они встречаются у аварцев?

Магомед-Саид опешил:

- Михаил Мататович! Это очень интересный вопрос. Но наука делается не походя. По крайней мере, не на бульваре! Вот институт. Вот библиотека. Вот читальный зал. Иди, садись, читай, ищи. Исследуй! И пиши об аварских евреях сколько угодно.

Михаил Мататович не обиделся. И не растерялся. Разглядел улыбчивый взгляд на с виду суровом лице требовательного учителя, сам смущенно улыбнулся. Поблагодарил за «урок». И удалился. Позже интерес Михаила Мататовича к истории Аварии стал шире. Под его научной редакцией и с его участием как автора разделов, вышла в свет коллективная монография «Материальная культура аварцев» (1967).

Другой пример. Кажется, шли 80-е годы. В стране вводилась новая паспортная система: взамен старых выдавались новые паспорта. И особое значение при этом придавалось национальной принадлежности граждан и ее фиксации в основном гражданском документе. В Дагестане же особую остроту обрела извечная дилемма: как писать - «тат» или «горский еврей». По данному вопросу была развернута целая дискуссия. Жаркие противостояния возникали в среде самих представителей этого народа. Дебаты имели место также в центральной и местной печати. Сторонники «татской принадлежности» мотивировали свой выбор тем, что национальная принадлежность не может определяться вероисповеданием, как это имеет место с понятием «горские евреи», которые-де кичатся своей древней иудейской принадлежностью. Напротив, сторонники «горско-еврейской принадлежности» придерживаются того, что как горским евреям, так тем, кто назвал себя татом, присуща безраздельная общность в историческом происхождении, культуре и быту, в образе жизнедеятельности, в поведении и мышлении.

Разобраться во всех этих сложностях, как правило, поручалось институту, который в те годы назывался «Институт истории, языка и литературы». И мне как директору института приходилось вести интенсивную переписку, устраивать разного рода диспуты, встречи сторонников различных концепций. В силу условий в институте мы не нашли лучшего решения, чем принятие рекомендации: пусть каждый горский еврей или каждый, кто называет себя татом, сделает

свой собственный выбор и пусть волеизъявление каждого из них станет основанием для соответствующей записи в паспорте: «тат» или «горский еврей». Все это, конечно, не очень научно, но именно такой «компромисс» был в целом реализован в дальнейшем в административной практике в отношении лиц этой национальности при выдаче новых паспортов.

В этой связи вспоминается один из любопытных эпизодов. По моей инициативе в моем кабинете состоялась встреча ведущих представителей той и другой концепции. М.М.Ихилов с Г.Б.Мусахановой всегда являлись убежденными сторонниками «горского еврейства», а народный писатель Дагестана Х.Д.Авшалумов – сторонником коренного «татства». При этом присутствовали и некоторые другие лица. После долгих, ожесточенных дебатов, порой доходивших до перебранок, Михаил Мататович обратился к Хизгилу Давыдовичу:

- Ответьте мне на один простой вопрос. Если вы действительно тат и не признаете за собой еврейства, то почему же вы и так называемые таты столь болезненно реагируете на все еврейские беды и вообще сочувственно относитесь к израильтянам? И почему ваши таты так рьяно и валом устремляются на землю обетованную?

- Очень просто! – сказал Хизгил Давыдович, несколько не смущаясь. – Вашему Израилю, как обиженной нации, сочувствуют не только люди еврейской принадлежности, но и другие народы, например, дагестанцы, которым присущи гуманистические принципы мировосприятия.

Право же, вряд ли можно отказать народному писателю – при всем лукавстве его ответа – в мудрости и достоинстве взгляда на столь непростую проблему, выдвинутую сложной жизнью.

Между тем татско-еврейский вопрос, на котором сломалось столько копий, так и остался неразрешенным в Дагестане. Два течения одной единой народности, искусственно навязанные обществу и волею судьбы возглавляемые двумя незаурядными деятелями национальной культуры и науки – выдающимся народным писателем Дагестана Хизгилом Давыдовичем Авшалумовым и известным ученым доктором исторических наук, заслуженным деятелем науки Дагестана Михаилом Мататовичем Ихиловым. Оба они славные сыны своего народа, патриоты своего отечества в лице Кавказа и России, участники, инвалиды и ветераны Великой Отечественной войны. Прах их покоится в столице родного Дагестана. Вечная им память! Пусть они найдут покой и согласие в том неизбежном мире.

Гаджиев В.Г., д.и.н., проф.,
гл.н.с. Института ИАЭ ДНЦ РАН

М.М.ИХИЛОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ ЛЕЗГИНСКОЙ ГРУППЫ НАРОДНОСТЕЙ

Научно-исследовательская деятельность М.М.Ихилова проходила в послевоенное время, когда в республике шел процесс становления академической науки. Победоносно завершившаяся Великая Отечественная война, в которой он принимал активное участие, открыла перед молодым офицером - историком по образованию, возможность реализовать свои устремления к научной деятельности. Еще во время учебы в высшем учебном заведении он задумал заняться изучением исторического прошлого своего народа. И надо сказать в послевоенное время его заветной мечте суждено было осуществиться. Ему сопутствовал успех и он поступил в аспирантуру Института этнографии АН СССР. Повезло М.М.Ихиллову с научным руководителем. Его куратором кандидатской диссертации был утвержден крупный ученый профессор М.О.Косвен. В качестве квалификационного труда научный руководитель и аспирант избрали весьма актуальную тему «Горские евреи (опыт монографического исследования)». В положенное время М.М.Ихиллов завершил исследование. И вскоре в 1949 г. это сочинение защищено на ученом совете Института этнографии АН СССР. Ободренный успехом, автор вернулся в Дагестан и продолжил работу в качестве научного сотрудника Института истории, языка и литературы сначала Дагестанской базы Академии наук, откуда он был послан в аспирантуру, а затем Дагестанского филиала АН СССР, где он беспрерывно работал вплоть до того, как вышел в 1986 г. на заслуженный отдых. За время работы он изучал различные аспекты истории и этнографии народов Дагестана. Увлеченно работал в авторском коллективе по созданию первых книг «Истории Дагестана». Казалось бы жизнь и научная деятельность одного из первых дипломированных ученых из горских евреев ни чем не была омрачена. Но эта не совсем так: в 60-70-е годы некоторые его соплеменники, скажем прямо недоброжелатели, довольно часто стали обращаться в различные директивные органы с беспочвенными донесениями, обвиняя М.М.Ихилова в том, что он будто бы преднамеренно превращает и татов в горских евреев. Естественно, что эти нападки не могли не отравлять жизнь ученого и не мешать публикации отдельных его трудов.

Мне, как зав. отделом истории ИИЯЛ, не раз приходилось отвечать на запросы компетентных органов, партийных и

государственных структур о его научной деятельности, а также писать опровержения на эти донесения в редакционные коллегии Большой Советской энциклопедии и энциклопедии Союзных республик.

Среди публикаций М.М.Ихилова особенно выделяется его основной труд «Народности лезгинской группы» (1967), который является обширным исследованием, внесшим вклад в развитие этнографии народов Дагестана и в отечественное кавказоведение.

Труд этот — итог многолетней кропотливой работы. В основу исследования положены разнохарактерные историко-этнографические материалы, значительная часть которых выявлена самим автором в результате многолетних поездок в районы Южного Дагестана и Северного Азербайджана и изыскательной работы в центральных и местных архивохранилищах страны.

Естественно, что в работе широко использованы также специальная этнографическая, историческая и экономическая литература.

Исследование М.М.Ихилова, объемом около 30 п.л., состоит из двух частей. Первая часть посвящена дореволюционному прошлому народностей лезгинской группы и состоит из следующих глав: «Общие сведения», «Вопросы этногенеза», «Общественно-политическое положение», «Хозяйство», «Селения, жилища, одежда, пища», «Семья и семейный быт», «Религия и народные верования». Во второй части рассматриваются вопросы становления новой культуры и быта, освещается как и в каких условиях происходила национальная консолидация народностей лезгинской группы. Эта часть состоит из глав «Основные этапы развития хозяйства и материальной культуры», «Современная семья и быт», «Культура и идеология», «Национальная консолидация и сближение». Все это показывает, что в монографии М.М.Ихилова нашли освещение все основные вопросы этнической, социально-экономической, культурно-бытовой жизни изучаемых народов.

Автор поступил правильно, предприняв исследование не отдельного народа, а всей лезгинской группы (лезгины, табасаранцы, рутулы, цахуры, агулы). Это дало ему возможность рассматривать исследуемые народы не изолировано, а в целом как группу, что позволило избавиться от частых повторов при описании быта и культуры, и воедино представить исследуемые близкородственные народности.

Книга открывается введением, в котором дается история изучения исследуемых автором народностей и разделом, содержащим

сведения об исследуемых народностях: их численность, язык, территория расселения, характеристика природно-географических и хозяйственных зон, экономические и культурные связи их с соседними народами Дагестана и Закавказья. Большой научный интерес представляет раздел книги посвященный проблеме происхождения народностей лезгинской группы. Причем этот сюжет основан на большом фактическом археологическом и этнографическом материале и что особенно важно, здесь широко использованы данные языкознания и антропологии, а также сведения письменных источников. М.М.Ихилов, как нам представляется, приходит к правильным наблюдениям и обобщениям о том, что народности лезгинской группы являются родственными между собой по происхождению, языку, культуре и быту, и являются древнейшими жителями Южного Дагестана и Северного Азербайджана. В разделе на большом фактическом материале рассмотрен уровень развития изучаемых народностей и что особенно важно: автор эту сложную проблему раскрывает на конкретных явлениях социального развития Кубинского, Дербентского, Кюринского, Табасаранских владений, а также в так называемых лезгинских «вольных» обществах. Автор приводит интересные данные о характере землевладения и землепользования, о социальной структуре этих обществ. Удачей автора, на наш взгляд, является описание соответственно естественно-географическим зонам хозяйственной деятельности народностей лезгинской группы земледелие, садоводство, животноводство, домашние производства, приводит основные данные о сельскохозяйственной технике, дает сведения о сельскохозяйственном календаре, анализирует обряды и обычаи, связанные с хозяйственной жизнью народностей лезгинской группы.

Довольно обстоятельно охарактеризовано ремесленное производство народностей лезгинской группы. На основании изучения хозяйственной деятельности народностей лезгинской группы автор приходит к выводу, что весь комплекс производственной деятельности их содержит общие черты.

Несомненный интерес представляют так же описания лезгинских селений, и их жилища, сопровождаемые сведениями, освещающими историю образования сел и хуторов, и объяснениями их топонимов. Со знанием дела повествуется об одежде, пище лезгин. По всем вопросам материальной культуры народностей лезгинской группы приводится аналогия с другими народами Дагестана и Кавказа.

Раздел «Семья и быт» создан преимущественно на полевом материале. Новое слово автором сказано и о структуре пережиточного

тухума, больших семей. Значимым представляется анализ всех сторон семьи и быта, обрядов и обычаев народностей лезгинской группы.

В разделе «Общественно-политическое положение» автор справедливо критикует мнение дореволюционных и советских исследователей, утверждающих о господстве в Дагестане в XVIII-начале XIX в. родового строя.

Несомненный интерес, особенно в наши дни, представляет раздел монографии «Религии и народные верования», где приводятся интересные материалы о язычестве, о проникновении в Дагестан иудаизма, христианства, ислама.

В заключение не могу не сказать, что многогранное исследование М.М.Ихилова «Народности лезгинской группы (Этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров, агулов)» было успешно защищено на ученом совете Института этнографии АН СССР в 1968 г. на соискание ученой степени доктора исторических наук.

Каймаразов Г.Ш., д.и.н., проф.
гл.н.с. ИИАЭ ДНЦ РАН

УЧЕНЫЙ И ГРАЖДАНИН

Михаила Мататовича Ихилова я знал еще в детстве. В пятом классе Маджалисской средней школы Кайтагского района физическую географию нам преподавал преподаватель немецкого языка (такое совмещение нередко встречалось накануне войны), впоследствии крупный ученый, академик, академик-секретарь одного из отделений и член президиума Академии педагогических наук СССР Алексей Иванович Пискунов. Когда Алексей Иванович уехал из Маджалиса, кажется, ушел в армию, в один из дней директор школы привел в класс смуглого, с очень густой черной шевелюрой молодого человека небольшого роста и сказал, что это ваш новый преподаватель географии. Директор добавил – он окончил институт.

Ученики по началу не очень ласково встретили нового учителя. Привыкли к Алексею Ивановичу. Кроме того, мы очень гордились, что изучали иностранный язык. С отъездом же преподавателя наши надежды на приход нового сводились к нулю. Время было тревожное. Нехватка учителей, особенно преподавателей иностранных языков, ощущалась очень остро.

Должен признаться, когда я учился в начальных и даже в 5-7 классах, был довольно непоседливым учеником. Правда, когда дошел до старших классов, от этой непоседливости не осталось и следа. Все годы учился хорошо и был удостоен «красного» аттестата о среднем, а затем и «красного» диплома о-высшем образовании.

Не могу вспомнить за какую именно шалость однажды Михаил Мататович потребовал, чтобы я вышел из класса. Я возмутился и сказал дословно следующее: «Не имеете права! Это Вам не капиталистическая страна!» Но так как учитель имел полное право заботиться о том, чтобы ученики соблюдали дисциплину особенно на уроке, и в социалистической стране, я был выдворен из класса. Случай этот мне запомнился хорошо потому, что был одним из двух за все время моей учебы, когда пришлось уйти с урока по велению учителя. Второй же случай никак не был связан с Михаилом Мататовичем. Да и он оставался в школе совсем недолго, тоже был призван в армию.

Хотя мы мальчишки и не подозревали, оказалось, что уже чувствовалось дыхание приближающейся войны.

Прошли годы, окончив педагогический институт, и год с небольшим проработав директором Маджалисской средней школы, я

поступил в 1952 г. в аспирантуру. И вдруг в одном из кабинетов, где работали историки, увидел Михаила Мататовича. Потом я узнал, что Ихиллов прошел войну, был ранен, стал офицером и с наградами вернулся с войны. После войны окончил исторический факультет Дагестанского педагогического института, затем аспирантуру в Институте этнографии АН СССР, стал, если не ошибаюсь, первым дагестанцем – кандидатом исторических наук по специальности «Этнография».

Конечно, ни в период учебы в аспирантуре, ни позже в годы продолжительной совместной работы в Институте истории, языка и литературы им. Г.Цадасы, я не касался темы о «школьном инциденте», а Михаил Мататович об этом, естественно, и не помнил. Наверное в его преподавательской практике было немало таких эпизодиков.

В моем представлении, Михаил Мататович был весьма упорным, целеустремленным человеком, очень трудолюбивым научным работником. Он стал одним из первых доктором наук по этнографии, автором большого количества научных трудов по различным вопросам истории Дагестана. Коллеги – Сария Садрутдиновна Агаширинова и Барият Магомедовна Алимова подробно рассказали о его научном наследии.

Ихиллов запомнился мне и как деятельный общественник. В конце 50-х-начале 60-х годов мне довелось быть на общественных началах секретарем партийного бюро Дагестанского филиала АН СССР, затем ряд лет членом партбюро и парткома. Не помню случая, чтобы Михаил Мататович хотя бы раз отказался от выполнения общественного поручения. Как известно, выполнению таких поручений коммунистом придавалось в то время огромное значение.

Особенно большую активность проявлял Михаил Мататович в пропаганде исторических знаний среди населения. Мне доводилось ездить с ним с лекциями по городам и сельским районам республики. Можно было видеть с какой увлеченностью, эмоциональностью, прямо таки, с задором излагал он материал, как хорошо умел заинтересовать аудиторию темой своего выступления. Любимой темой его лекций была история древнейшего дагестанского города Дербента.

Ряд лет мы жили с Михайлом Мататовичем в одном доме. Он был добрым соседом, обладал прекрасными человеческими данными, душевной теплотой, был очень общителен. По-моему многим, в их числе и мне, импонировало, что Михаил Мататович Ихиллов имел собственное мнение по обсуждаемому научному и не только научному вопросу и высказывал его публично.

Михаил Мататович был заядлым шахматистом. Я часто наблюдал, как после работы он, реже Гаджи Бадавиевич Муркелинский и почти всегда Фрид Гасанович Кисриев, Нажмутдин Джабраилович Унчиев – все видные ученые, и Шапи Гарунович Аминтаев – известный в Дагестане инженер – строитель, подолгу засиживались во дворе дома за шахматной доской, эмоционально и бурно комментировали ходы, свободные от игры подсказывали ходы играющим, бывало кипятились, когда, тронув фигуру, кто-то пытался сделать другой ход, что запрещено правилами. Но не помню случая, чтобы эти высокоинтеллектуальные люди выходили за рамки благопристойности. Подшучивали над проигравшим. И несмотря на проигрыши никто не признавался, что он играет в шахматы хуже другого. Мне кажется, самым темпераментным, эмоциональным членом этой небольшой дружеской компании был Михаил Мататович.

Михаил Мататович Ихилев был известным ученым-историком, замечательным человеком, достойным гражданином нашей страны. Таким он останется и в нашей памяти.

Шихсаидов А.Р., д.и.н., проф.,
гл.н.с. ИИАЭ ДНЦ РАН

ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ ЭТНОГРАФОВ ДАГЕСТАНА

Михаил Мататович Ихиллов – один из старейших представителей дагестанской исторической науки, один из старейших научных сотрудников Института истории, языка и литературы Дагестанского научного центра, один из первых кандидатов исторических наук в Дагестане. Еще в 1949 г. он защитил в Москве кандидатскую диссертацию «Горские евреи», а позже и докторскую, в Москве же («Народности лезгинской группы»). Он был участником Великой Отечественной войны, инвалидом войны. За большие заслуги в области исторической науки он получил почетное звание Заслуженный деятель науки Дагестана.

Я познакомился с Михаилом Мататовичем в 1955 г., когда я перешел на работу в Институт истории, языка и литературы. Меня удивили два его особых качества: это исключительная скромность и простота, он никогда не «козырял» тем, что он сражался на фронтах Отечественной войны, имел боевые награды. Он отличался еще тем, что всегда выражал свою готовность оказать помощь молодым, начинающим ученым.

Как ученого Михаила Мататовича отличала широта научных интересов. Он обращался к сложным мало разработанным вопросам истории и культуры Дагестана. Происхождение народов Дагестана, их религия, воззрения, быт, культура, традиции, борьба с иноземными завоевателями, социальная и экономическая история раннесредневекового Дагестана, русско-дагестанские отношения – в разработку этих важнейших вопросов он внес свою лепту, опубликовал много статей, созданных как на основе литературных источников, так и на очень важном и ценном полевом материале. Главным его научным трудом была большая книга «Народности лезгинской группы. Этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров, агулов» – плод многолетних трудов, научного поиска, работы в библиотеках, архивах, особенно – многочисленных выездов в районы Дагестана. Впервые в дагестанской историографии была создана и издана (в 1967 г.) цельная специальная монография, посвященная ретроспективе многих узловых вопросов истории, быта, культуры носителей лезгинских языков на протяжении более чем 200 лет. Это был первый опыт сравнительно-этнографического изучения прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров, агулов.

Михаил Мататович удивлял нас постоянно своей бодростью,

огромной энергией, добрым, отзывчивым характером. Мне неоднократно приходилось участвовать вместе с ним в этнографических экспедициях во многих районах Дагестана, и меня поражало его умение незамедлительно, уже в день приезда войти в доверие к местному населению, найти информаторов, убедить их поделиться своими знаниями о своем народе, дать сведения о быте, культуре, религии, обычаях, культурном наследии данного селения, общества, владения. Так набирался бесценный полевой материал, составивший основу монографии и большого числа статей. Он не сетовал на тяжелые экспедиционные условия, на необходимость ежедневно трястись на грузовой машине, переезжая из одного селения в другое, испытывая, традиционные для полевой жизни, трудности. Такое мужественное поведение руководителя экспедиции не оставляло нам более молодым ученым малейшего шанса на жалобу и уныние.

Михаил Мататович был активным общественником, пропагандистом исторических знаний. Это сейчас не в моде поделиться с народом своими открытиями, бывать в районах, встречаться с тружениками села, рассказать им о работе ученых, о замечательных страницах истории и культуры наших народов, о связях с народами других стран, соседних областей, о героической многовековой борьбе за свободу и независимость, о знаменитых личностях Страны гор. Тогда во всю работало общество «Знание», практически прекратившим сейчас, к сожалению, свое существование.

Михаил Мататович своей гражданской обязанностью считал распространение исторических знаний, он видел, с каким вниманием и интересом слушали в дагестанских селениях рассказы ученых о нашем героическом прошлом и настоящем, о памятниках истории и культуры, мне несколько раз приходилось выезжать по заданию общества «Знание» в районы вместе с Михаилом Мататовичем. Особенно запомнилась поездка в г. Дербент. Наша лекторская группа состояла из четырех человек: заместитель председателя Президиума Дагестанского филиала АН СССР профессор Х.-М.О.Хашаев, доктор наук М.М.Ихилов, кандидат филологических наук Фируза Вагабова и я, мл. научный сотрудник Института. Наша аудитория состояла из самых уважаемых людей – участники Гражданской войны. Основным докладчиком был М.М.Ихилов, он говорил о героях-дагестанцах, участниках этих исторических событий, Михаил Мататович был в ударе. Говорил легко, красиво, увлеченно, без каких-либо записей. Зная, что его родной Дербент – интернациональный город, он называл поименно его героев, не забывая упомянуть добрым словом и тех, кто сидел в зале. Оратор говорил полчаса, в зале стояла гробовая тишина, потом аплодировали, стоя долго; Михаил Мататович был растерян, по-детски улыбался, долго приходил в себя.

Алиева В.Ф., к.э.н.,
в.и.с. ИИАЭ ДНЦ РАН

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ УЧЕНЫЙ ОТДЕЛА СОЦИОЛОГИИ

С Михаилом Мататовичем мы знакомы были еще до моего прихода в Институт истории, языка и литературы. Его дочь Алла училась у меня в 4 школе г. Махачкалы с 1 по 4 класс. Я его знала, как доброго, отзывчивого, ласкового и умного отца, который много занимается своими детьми, помогает им быть трудолюбивыми, честными и внимательными к своим друзьям и одноклассникам.

С 1970 года я перешла работать в Институт истории, языка и литературы в отдел социологии, где работал Михаил Мататович. О себе он оставил незабываемую память, как старший и уважаемый человек, который мог дать добрый совет. Ко всем в отделе он относился с большим вниманием и тактом. Если рецензировал работу, то старался высказать пожелания так, чтобы не задеть самолюбия товарища. Для него не существовало национальности, т.к. в отделе была одна многонациональная семья. Младшие всегда старались прислушиваться к страшим товарищам, как по возрасту, так и по знаниям.

Михаил Мататович был своеобразным центром на секторе социологии как многоопытный человек, к которому не раз обращались все мы. Его опыт историка и этнографа очень помогал в основном молодому составу сотрудников отдела социологии: при планировании тем, в составлении анкет для социологических опросов. При обсуждении работ сотрудников он вносил ценные пожелания по вопросам национальных отношений, демографии, особенно по проблемам быта и семьи на современном этапе, национальных традиций, а так же по вопросам религии, степени религиозности народов республики, над изучением которых он сам работал в последние годы.

Знание национальных традиций в среде народов Дагестана имели большое значение в республике для воспитания молодежи в духе морали, честности, справедливости и дружбы между народами республики. Изучая степень религиозности в среде народов Дагестана, исповедующих в основном три религии, он отмечал проявления их, больше по традиции, объясняя это переплетением здесь народных обычаев и традиций с религиозными, более фиксированных им в сельской местности, чем среди горожан. Обычно было принято эти проявления в нашем атеистическом обществе считать «религиозными пережитками и предрассудками» и перед учеными ставилась задача

как можно шире разработать рекомендации в преодолении их с целью использования рекомендации в практической работе. Поэтому работа социологов в этой тематике была под пристальным вниманием идеологических структур республики.

Я много раз рецензировала работы Михаила Мататовича, они всегда были написаны на высоком профессиональном уровне, и мне было приятно такие работы рецензировать.

Выполненные же им исследования в этой тематике, представляют собой по существу огромный труд (в 20 а.л.) по истории религий в Дагестане в их исторической последовательности, начиная с домонотеистических форм. Самая большая часть его труда, естественно, посвящена исламу.

Уход Михаила Мататовича на пенсию был для нас всех неожиданным. Нам не хватало его присутствия в отделе.

Память об этом ученом сохраняется у каждого сотрудника Института, особенно у тех, кто с ним работал, делился своими достижениями и радовался успехами старшего товарища.

Семин И.Г., к.и.н.,
ИИАЭ ДНЦ РАН

М.М. ИХИЛОВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЭТНОГРАФИИ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ И НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

М.М. Ихтилов был известен как многогранный человек с разносторонними научными интересами. Мне хотелось бы остановиться на двух основных темах, разработка которых принесла ему наибольшую известность.

1. Изучение М.М. Ихтиловым истории и этнографии горских евреев происходило в условиях, крайне тяжелых для отечественной иудаики. Существовал негласный, но вполне явный запрет на изучение истории и культуры евреев, а для М.М. Ихтилова ситуация осложнялась еще и тем, что среди подавляющей части горско-еврейской интеллигенции был очень моден миф, который в наше время именуется «татским». М.М. Ихтиловым была показана надуманность версии о татском происхождении горских евреев, и оставаясь на строго научных позициях, он во всех своих публикациях придерживался сочетания «горские евреи», введенном в этнографию еще в XIX веке. В этом проявилась не только научная принципиальность М.М. Ихтилова, но и его мужество, ведь его позиция в этом вопросе в корне отличалась от той, на которую ориентировались представители власти в Дагестане и в республиках Северного Кавказа. Кстати, в то время М.М. Ихтилов был единственным этнографом из среды горских евреев, и весьма показательно, что, будучи именно этнографом, он и выступил против татского мифа. Этого ему до сих пор не могут простить творцы татского мифа, они еще и сегодня пытаются, что называется, вешать на него всех собак, обвиняя его, в частности, в непоследовательности. Однако осмелюсь заявить, что почва для подобных обвинений полностью отсутствует. Будучи знаком с его работами и с ним лично, могу засвидетельствовать, что в отличие от своих оппонентов в этом вопросе, М.М. Ихтилов никогда не уподоблялся флюгеру, совершающему головокружительные повороты – в зависимости от того, куда подул поллитический ветер.

2. Сидящим в зале известно, что в течение уже более тридцати лет дагестанская этнографическая наука переживает настоящий взлет. И теперь, оглядываясь назад и оценивая работы тех, кто прокладывал путь дагестанской этнографии, можно с удовлетворением отметить, что ученики переросли своих учителей. Этот факт не может не радовать, потому что семена, посеянные старшими, дали более, чем

обильный урожай. И это естественно в условиях постепенного освобождения исторической науки от многих идеологизированных схем, заданности результатов, сковывавших исследователей. При всех современных переориентациях и новых подходах монография М.М.Ихилова, посвященная народам лезгинской группы, не потеряла своей значимости: это была первая монография по этой теме. М.М.Ихиллов был пионером в этой области, и на его монографии выросло целое поколение этнографов. Это был маяк, ориентируясь на который, молодые исследователи открывали новые берега. Таким образом, имя М.М.Ихилова прочно утвердилось в истории дагестанской этнографической науки и в этом смысле вполне резонным является утверждение одного из молодых этнографов о том, что в кавказоведении М.М.Ихиллов был и остается «глыбой».

Сосунов Г.С., соискатель
Института ИАЭ ДНЦ РАН

БЛАГОДАРНОСТЬ

У каждого народа есть свои выдающиеся личности, и такой личностью являлся представитель горских евреев Михаил Мататович Ихиллов. Впервые о деятельности Михаила Мататовича я узнал еще будучи студентом Дагестанского государственного университета им. В.И.Ленина в 1979-1985 гг. Интересуясь историей горских евреев Дагестана, я приложил немало усилий, чтобы познакомиться с Михаилом Мататовичем Ихилловым, с именем которого было связано изучение истории нашего народа с середины XX в. В 1989 г. я впервые появился у Михаила Мататовича дома и выслушал те советы, которые помогли мне в моей работе по эпиграфике горских евреев. Именно благодаря профессору М.М. Ихиллову мне посчастливилось участвовать в работе Международного коллоквиума по теме «Горские евреи: история и современность», который проходил в Баку в 1992 г. в Академии наук Азербайджана.

Так с поддержкой Михаила Мататовича я оказался на этом знаменательном научном форуме, где впервые обнародовал собранные мной материалы по эпиграфике горских евреев Дагестана и Северного Азербайджана.

Незабываемые впечатления от этого замечательного собрания, под председательством знаменитого ученого Азербайджана – академика, вице-президента Академии наук Азербайджана Зия Гасановича Буниятова. Его обширное вступительное слово на открытии коллоквиума и заключительное слово, как и доклады и выступления участников этого первого в мире широкого научного обсуждения истории и культуры горских евреев, заострили внимание на назревших проблемах истории и современности нашего народа, опровергли идею татизации горских евреев как не научную, а азербайджанские ученые удивили разнообразием тем по истории горских евреев, которыми занимались и археологи, и историки, и этнографы.

Незабываемым было и выступление Михаила Мататовича, ему было предоставлено слово в числе первых докладчиков.

Услышав доклад Михаила Мататовича на коллоквиуме, я понял как глубоко он переживал ситуацию, связанную с искажением этнической истории горских евреев Дагестана. Эта проблема, как я понимал, упиралась и в то, что с 1949 г., т.е. со времени защиты

Михаилом Мататовичем диссертации под названием «Горские евреи: опыт монографического исследования» эта работа в полном объеме так и не была издана. Вероятнее всего и поэтому в долгих и частых беседах наших с Михаилом Мататовичем, я обращал внимание на горячность его, когда затрагивалась эта тема. При этом ни в наших беседах, ни в его докладе не было личной обиды: он стремился к объективному освещению истории горских евреев. Он боролся за научный подход, против искажения научных критериев и подмены их политической демагогией. Коллоквиум в Баку в этом отношении стал праздником для него, как и для меня, и Галины Бенъяминовны Мусахановой, старшего научного сотрудника Института ЯЛИ ДНЦ РАН, и Евгении Моисеевны Назаровой, младшего научного сотрудника того же Института, приглашенных лично академиком З.Г. Буниятовым. Их доклады были тоже очень интересными. Газеты Азербайджана на русском и азербайджанском языках широко оповещали о ходе проведения коллоквиума, у Михаила Мататовича репортеры брали интервью. А одно из них в тот же день прозвучало и по телевидению Баку.

Хочу сказать «спасибо» судьбе, что познакомила меня в этой жизни с выдающимся представителем горских евреев, большим знатоком своего дела, автором многих исследований по истории народов Дагестана, человеком с большой буквы, доктором исторических наук Михаилом Мататовичем Ихиловым. Являясь гордым и непреклонным в своих научных убеждениях, он до конца своей жизни отдавал себя работе. Я надеюсь и уверен, что мы – представители молодого поколения – продолжим дело Михаила Мататовича Ихилова, который всегда будет являться для нас образцом служения науке, своему народу и своему Дагестану.

II

**Статьи из архива
Михаила Мататовича Ихилова**

М.М. Ижиллов, 1970 г.

ГОРСКИЕ ЕВРЕИ (из неопубликованного)

Горские евреи – небольшая, со сложной исторической судьбой, народность Дагестана и Азербайджана; и в то же время – субэтническая группа рассеянных в мире древних евреев, формировавшаяся веками в пестрой этнической, естественно-географической, социально-экономической и культурной среде мидийцев, персов (татов), гиляков, татышей, курдов, армян, тюрков, особенно кавказско-горских народностей: лезгин, кайтагцев, табасаранцев, даргинцев, кумыков, аварцев, чеченцев, кабардинцев и др.

К сожалению, теперь трудно достоверно говорить о численности их. По данным последних переписей населения бывшего СССР (1979, 1989 гг.), когда в стране была раздута антиссионистская и антисемитская пропаганда, многие из горских евреев по конъюнктурным соображениям показали себя «татами», а некоторые из них умудрились записаться – татарами, азербайджанцами, кайтагцами, табасаранцами, лезгинами и даже «дагестанцами» по национальности.

Общая численность горских евреев в стране по переписи 1989 г. была, примерно, 50 тысяч.

Самоназвание народа «джууро» (евреи). Еще в XIX-начале XX в. большей частью они жили в горах, отсюда и получили название «горские евреи» («джуурой догъи»). Известны они также под названием компактного их расселения «дербентские», «кайтагские», «табасаранские», «кубинские», «грозненские» (чеченские), «нальчинские» евреи. Т.н. мусульманские народы Кавказа и Дагестана называли их – «джуут», «джуудлар» (евреи), а кумыки, непременно добавят – «бизин джуудлар» (наши евреи). Персы, в отличие от тюркоязычных и горских народностей Кавказа и Дагестана, называют евреев – «яхуды» (яудей, т.е. выходцы из древней Иудей).

Старшее поколение горских евреев донесло до нас и свой древний этноним «гъиври» (евреи) да и племенные названия: «исроэль» (израильтяне) и «еуди» (выходцы из Иудей).

В трудах антропологов довольно хорошо освещены физико-антропологические особенности евреев. Они, по характеристике В.В.Бунака, представляют группу, состоящую из: средиземноморского, средневропейского и кавказского типов евреев. Г.Ф.Дебед, обобщая антропологические данные по еврейским этническим группам Кавказа и Ирана, заключает, что «горские евреи Азербайджана, Дагестана и Кабарды в антропологическом отношении не отличаются от иранских

евреев. Вместе с ними образуют локальный и сравнительно низкорослый вариант каспийского типа» (Г.Ф.Дебец. Антропологические типы. Народы Кавказа, т.1. М., 1969). По общему физическому облику горских евреев не трудно отличить. У них явно выраженная брахицефалия (короткоголовость), преобладание сравнительно низкого роста, темных (черных) вьющихся волос; имеют они грустные мидалевидные глаза и четкие контуры бровей, немало носов с горбишкой, в прошлом носили бороды и оставляли пейсы, характерные для евреев, на голову надевали кипу (ермолку). Встречаются среди них (особенно в среде грузинских евреев) рыжеволосые. Сохранение общих черт среди кавказских и персидских евреев объясняется обособленностью их от окружающего населения: они были поселены в особых кварталах (махале), где религиозная община контролировала их жизнь, противилась их смешению с другими народами.

Данные истории и антропологии опровергают затеянную в годы антиссионистской кампании группой горских евреев, не имеющих отношения к науке, попытку фальсифицировать этническую историю горских евреев, чтобы скрыть их и выдать за исторических татов-иранцев, ибо появившиеся на исторической арене государство «Израиль» (1948 г.) объявило всех евреев мира ее потенциальными гражданами. Новым научным фактом, опровергающим эту затею, является труд известного антрополога М.Л.Хить по дерматоглифике народов бывшего СССР. Она на основе дерматоглифического анализа группы исторических татов (иранцев) и группы горских евреев Азербайджана пришла к заключению, что первые являются иранцами по этносу и представляют каспийский вариант антропологического типа, и что горские евреи ничего общего с ними не имеют, и, сохраняя общие еврейские черты, больше проявляют близость к кавказионам (М.Л.Хить. Дерматоглифика народов СССР. М., 1983. С. 101).

Обнародование этих научных данных вызвали новые нападки фальсификаторов на науку: не поняв значения слова «кавказионский», они разделили его на «Кавказ» и «сионистский», объявили антропологию - империалистической расистской наукой, а ученую М.Л.Хить - эмиссаром по обращению Кавказа в сионистский край, о чем свидетельствует их телеграмма в Институт этнографии и антропологии АН СССР при защите М.Л.Хить докторской диссертации по этой книге.

Несмотря на курьезность и дикость сказанного, эти воители с сионизмом, продолжают иметь поддержку и терроризировать общественное мнение своими псевдонаучными откровениями, хотя

борьба уже эта отпала, в связи с происходящей в стране демократизацией общества, восстановлением прерванных дипломатических культурно-исторических связей России с Израилем, принятием правительственного постановления (1989 г.) о свободном выезде и въезде в страну наших граждан. К тому же не только в Дагестане, но уже за его пределами прекрасно знают, что под «татами» в годы антисюионистской кампании скрывалась часть горских евреев, в то время как исторические таты отказались от этого термина и называются теперь азербайджанцами. Сегодня это уже не имеет значения, и не является препятствием для выезда. Более того, теперь, когда у горских евреев Дагестана созданы свои национальные еврейские культурные центры и они их охотно посещают, проявляют интерес к истории еврейского народа, добровольно изучают потерянный древнееврейский язык - иврит, упомянутая группа продолжает вмешиваться в жизнь народа, заставляет переименовывать их еврейские культурные центры в «татские». Этого нет ни в Азербайджанской республике, ни в нашей Кабардино-Балкарии, где проживает значительная часть горских евреев.

* * *

Еще в начале XX века в предгорных и горных районах юга Дагестана многочисленны были горско-еврейские поселения: Алаби, Мюшкур (Нюгда), Ханжалкала, Мамрач, Рукель, Нукаль, Орог, Гарчог, Джерах, Хелешевжа и др. В Кайтаге и Табаране до сих пор известны еврейские ущелья и долины: «Джуут-Гатте», «Дерей-Гатте». Здесь до сих пор сохранились остатки больших населенных пунктов: Маджаллис (Тубень-аул) и Нюгда (Янгикент). Число горско-еврейских поселений здесь резко сократилось в период мюридизма, особенно во II половине XIX в. и в годы гражданской войны и интервенции в Дагестане (1918-1920 гг.) В упомянутые годы десятки горско-еврейских сел были разрушены и ограблены бандами Деникина и Бичерихова и местными антисемитскими элементами. Многие беженцы с гор вынуждены были спуститься в г. Дербент. Десятки горско-еврейских семей из Дербента и Кубы еще тогда отправлялись морем в Палестину.

Ныне основная масса горских евреев является жителями городов в Дагестане: Дербента, Малачкалы, Буйнакска, Хасавюрта, Кизляра. Единицы горско-еврейских семей сохранились в сел. Маджаллис и Янгикент (Нюгда) в Кайтагском районе, в кумыкских селлах - Костек, Тарки. В Азербайджане они живут в г. Куба (Еврейская слобода), Баку, Хачмас и в селлах: Мюджи и Варташен. В Чечне уже их нет, в связи с развязанной здесь войной, остатки их выехали в Израиль; в Кабарде (г. Нальчик), в «еврейской колонке».

Сравнительно недавно часть кайтагских горских евреев

переселилась из Дагестана в г. Пятигорск и образовала там свою общину со своей синагогой и раввином. Инициатором и покровителем их стал выходец из их среды бизнесмен И. Гаврилов. Небольшие группы горских евреев обосновались в Москве, С.-Петербурге, Казани и Краснодаре.

Горские евреи относятся к таким этносам, которые в конкретно-исторических обстоятельствах своей истории перешли со своего родного языка на другой. В среде их предков (в условиях диаспоры) происходит постепенное вытеснение (через этап двуязычия) из живого бытования их древнееврейского языка (иврита) широко распространенным в Прикаспийской Мидии одним из иранских языков, ставшим известным в языкознании в конце XIX в. под названием «татский». На одном из диалектов этого языка постепенно сложился язык горских евреев, сохранивший множество древнееврейских – арамейских бытовых слов, ставший известным в науке только как «еврейско-татский», а древнееврейский язык, у них, как и всех еврейских этнических групп, остался как язык богослужения, книжности, грамоты, официальной документации и некоторой своей религиозно-дидактической литературы.

Выдающийся российский ученый, академик В.Ф. Миллер в своих ценных исследованиях о языке горских евреев, охарактеризовал их язык так: «Это иранское наречие, произносимое с семитской артикуляцией и построенное отчасти фонетически, отчасти морфологически на тюркский лад». В.Ф. Миллер не только как большой ученый – лингвист (иранист), но и прекрасный ориенталист, пришел к выводу, что «По всей вероятности, горские евреи являются остатками древних евреев ассириовавилонского племени, но и, живя веками среди ираноязычных народов, усвоили их персидскую речь, а затем на их персидскую речь оказали влияние пришлые на Восточный Кавказ тюркские народы» (В.Ф. Миллер. Материалы для изучения еврейско-татского языка. СПб, 1892; Он же. О семитском элементе в татском наречии горских евреев // Древности Восточные, издаваемые Московским Археологическим обществом. 1903, т.2. Вып. 3; Он же. Очерк еврейско-татского языка. М., 1920. См. также: И.Я. Черный. Горские евреи. «ССКГ». Вып. III. Тифлис, 1870; Горские евреи. Краткие исторические сведения. «ССТО». Вып. II. Владикавказ, 1874).

Лишь в начале XX в. одним из ученых-раввинов из Дербента, где сложился этнокультурный центр горских евреев, была создана на основе древнееврейского алфавита письменность для еврейско-татского языка, на котором еще до революции появились первые публикации, а затем в 20-30-е гг. получает развитие «горско-

еврейская* советская литература, (позже названная «татской» литературой, якобы по языку, на котором говорит народ, при этом была упущена существенная первая часть характеристики его языка, данная В.Ф.Миллером как «еврейско-татского»).

Именно наличие в прошлом у горских евреев старописьменного алфавита способствовало тому, что их язык приобрел статус одного из первых пяти письменных литературных Дагестана в советское время. В первое советское десятилетие в горско-еврейских школах велось обучение на этом старописьменном алфавите. Все последующие языковые реформы в СССР – переход на латиницу (1928), затем – на кириллицу (1938) коснулись и этого языка вместе с другими письменными языками Дагестана.

Язык же исконных татов (иранцев), остался бесписьменным. В советское время в качестве языка обучения они пользовались азербайджанским языком, затем, как было отмечено выше, слились с азербайджанцами и выступают под одним этнонимом с ними. И когда говорят о татской письменности, о татском литературном языке все знают, что это только письменная культура горских евреев.

Кроме того, горские евреи владеют также азербайджанским и многими другими языками Дагестана, как и их языком владеют многие представители других народностей Дагестана.

* * *

Первые сведения о предках горских евреев упоминаются в древних «священных» книгах евреев. В связи с процветавшими в советской науке идеологизированными концепциями и атеистическими запретами, эти древние источники почти не использовались, и мы, ограниченные объемом небольшой статьи, остановимся лишь на отдельных исторических фактах, получивших в них освещение, подтверждающих, что горские евреи являются потомками древних евреев ассирово-вавилонского племени, осевших затем в Иране и на Кавказе.

Так, представляет исключительный интерес повествование в «Книге книг» Библии (Тора или Пятикнижие) о падении Израильского и Иудейского царств под ударами Ассирии и Вавилонии и массовом угоне покоренного еврейского населения в плен. В Библии указывается, что «после взятия Самарии ассирийским царем Саргоном, 30 тысяч евреев было отведено в плен и переселено в Калахе (в Ассирии), на р. Хабуре (в Сузане), на р. Гозан и в горах Мидийских» («История царств», кн. IX, гл. XVII. С. 6).

(Подчеркнутые нами названия мест расселения евреев очень близки с сохранившимися топонимами в районах древнего Дербента.

Возможно поселение в Қалахе сближается с табасаранским селом «Халаг», а упомянутая река Гозан – с кайтагским – «Озсь». Земли Кайтага и Табасарана считаются древнейшими районами заселения горскими евреями, где до сих пор сохранились еврейские урочища, кладбища, родники и т.д.).

Также в Библии, в «Книге Эсфирь» рассказывается о наличии на обширной территории Персии до Дербента богатых еврейских земледельческих общин вавилонского пленения, управляемых своими старейшичами и Князем – изгнания (реш голутом-эскилерхом) и сообщается, что наряду со своим еврейским языком, они говорят и по-персидски. Здесь же подробно повествуется и о заговоре царедворца Амана Вагуяна против евреев и о том, как он был раскрыт царицей Истирс-мелке (голутянка – жена царя Артаксеркса (IV в. до н.э.) и ее дядей Мардахаем. В честь этого события евреи Ирана и Кавказа, как и все древнееврейские этнические группы мира отмечают праздник избавления от гибели – «Пурим» (пур – жребий). (Библия «Книга - Эсфирь», гл. I-II, с. 1-23). Во времена ассирийского и особенно вавилонского пленения, на чужбине оказалось большинство еврейского народа. В этих условиях идет дальнейшее совершенствование иудейского монотеизма, получает развитие идея прихода мессии – избавителя. У горских евреев, он известен под именем Мошиях. Центром сосредоточения духовной жизни становится Багдад (Вавилония). Здесь издается «священная» литература, молитвенники, готовятся кадры священнослужителей. Поэтому представляет интерес упоминание об участии в составлении знаменитого «Вавилонского Талмуда (Тавли-Бовли)» в III в. до н.э. среди 70 ученых толкователей и двух представителей горско-еврейских общин Кавказа и Дагестана: один из Шсмахи (Ширван), Наум Гамадни (мидийский); другой – из крепости Сангари, по-видимому г. Дербент, по имени Симон Сафро де Дарбан (ученый или писатель). Талмуд – это кодекс (свод) религиозно-бытовых предписаний иудаизма, основанный на толковании еврейских «священных» книг «Ветхого Завета».

Итак, передаваемые из поколения в поколение предания горских евреев о том, что они являются потомками двух из десяти легендарных библейских колен (Истахара и Винямина (Бинами), выведенных из древних царств: Израиля (Самарии) и Иудей (Иерусалим) в плен (голут, ессири – рабство) ассиро-вавилонскими завоевателями в VIII-VI вв. до н.э. и поселенные в Иране и Мидии (т.е. на Кавказе и Дагестане), подтверждаются. Первые считают себя пленниками ассирийского царя – Салманасара и Саргона в 723-720 гг. до н.э.; вторые – спустя 136

лет – пленниками вавилонского царя Навуходоносора 658 г. до н.э. Поэтому горские евреи Азербайджана и Дагестана считают себя потомками евреев ассирийского пленения, а среднеазиатские, т.е. бухарские и самаркандские, как и грузинские евреи, считаются потомками вавилонского пленения. Но это по сути не имеет значения: все они являются евреями по этносу, одновременного появления и расселения. Те, кто осели в Иране, Азербайджане, Дагестане и Средней Азии подверглись иранизации по языку, грузинские же освоили грузинский язык.

В течение веков ряды этих еврейских этнических групп пополнялись новыми выходцами как из Палестины, так и со стран Месопотамии в III-I вв. до н.э. и в первые века нашей эры. Происходило это не только войнами и завоеваниями, но добровольными миграциями в силу ряда причин, в частности экономических. Особенно усилился приток еврейского и армянского населения с Восточного Кавказа в Дагестан во времена господства здесь сасанидской Персии (III-VI вв. н.э.). В этот период персидские цари Сасаниды возводят руками порабощенных народов Кавказа крепости на важных военно-стратегических рубежах для охраны и отражения натиска северных кочевников (гуннов, савиров, хазар), правители из центральных областей Ирана выводят сюда большое количество военных колонистов. В связи с этим напомним, что бывшие колонизаторы – персы-сасаниды (огнепоклонники) при господстве арабов в VII-IX вв., особенно при тюркских завоевателях Кавказа X-XI вв., были не только, как язычники, обращены в ислам, но и покоренные и превращенные в рабов (слуг), получили унижительное тюркское прозвище «таты». В «Истории Азербайджана», также предельно ясно объясняется, что они – персы и что «этих переселенцев, впоследствии называемых «татами», размещали в тех районах, которые в стратегическом отношении представляли наибольший интерес для сасанидского государства» (т. 1. Баку, 1958, стр. 84). Как уже упоминалось, эти таты (иранцы) мусульмане – не создали своей письменности и ныне более того ассимилированы с азербайджанцами и в официальных документах выступают азербайджанцами по национальности. А освободившейся их тюркской социальный термин «тат», наши фальсификаторы, будучи потомственными евреями, решили присвоить себе и горско-еврейскому народу, чтобы в условиях антисемитской кампании скрыться от антисемитизма.

Вместе с колонизацией земель Кавказа, сасанидские жрецы (зороастрийцы) стали преследовать представителей иранских

народностей края: евреев, армян и др. и насаждать среди них огнепоклонничество. Особенно ухудшилось положение еврейского и армянского населения, когда начались сопернические религиозные и политические войны за обладание Кавказом между сасанидской Персией, христианской Византией и мусульманским арабским халифатом (VI-IX вв.).

Дошедшие до нас древние и средневековые исторические хроники: персов, армян, грузин, азербайджанцев, дагестанцев, а также известных византийских, арабо-мусульманских, еврейско-хазарских историков и географов свидетельствуют о существовании на Кавказе многочисленного еврейского населения, многие из которых оказавшись преследуемыми, как сасанидскими, так и арабо-мусульманскими и византийскими завоевателями, вынуждены были бежать (по Прикаспию) на север и осесть на территории веротерпимой страны горцев и хазар (Дагестан) и слиться с давно осевшими здесь соплеменниками. Оказавшись в благоприятной дагестано-хазарской среде, они вносят свою лепту в становлении здесь раннефеодального хазарского государства (VII-X вв.). Свой опыт они вносят в хозяйственную и культурную жизнь края, в частности в развитии виноградарства и виноделия, рисоводства, мареноводства, способствуют росту ремесла, принимают активное участие во внешней и внутренней торговле страны, а также влияют на развитие культуры. Имея свою письменность и монотеистическую веру, этот народ не мог не оказывать влияния на языческое население горцев и хазар. Горские евреи сближаются с горцами и хазарами в борьбе за независимость от персов-сасанидов и византийских и арабских завоевателей. Об этом сообщают арабские и еврейско-хазарские историки. Все это позволяет нам говорить об их роли в общеизвестном историческом феномене - принятии хазарами иудейской веры и превращения ее в идеологическую надстройку Хазарского Каганата, что способствовало независимости Хазарии от мусульманского Арабского халифата и христианской Византии.

Факт иудаизации горцев и хазар и прежде всего самого Кагана Булана (740 г.) стал возможным в результате сближения хазарских каганов с местной горско-еврейской знатью, с их иудейским духовенством (раввинатом), в руках которого сосредоточились в стране молитвенные дома (синагоги), духовные школы, обучение языку богослужения, еврейской письменности и просвещения. Несомненно, в этой обстановке духовная знать из среды хазарских евреев становилась чиновниками при дворах хазарских правителей. Поэтому новая династия хазарских каганов со II половины VIII в. с именами: Авнил, Изро, Манашир, Обадия, Иосиф (Юсуф), сохранившиеся поныне без изменения у горских

евреев (частично и у других народов Дагестана) являются еврейско-хазарскими. К сожалению, в нашей конъюнктурной исторической науке, до сих пор муссируются вопросы о Хазарии и хазарском иудаизме, которые ничего общего не имеют с действительной историей.

После распада Хазарского Каганата народы Восточного Кавказа и Юга Дагестана были покорены VIII-IX вв. арабскими, а затем тюркскими завоевателями (сельджуками) X-XII вв. и исламизированы. В этот период земли Ширвана, Дербента, Кайтага и Табасарана, с многочисленными еврейскими поселениями, были колонизированы персами, арабами, тюрками. Часть еврейско-хазарского населения уходит от преследования и ассимиляции вглубь гор, со временем они сливаются с лезгинскими, даргинскими, аварскими прозелитами; другая часть остается на покоренных землях и становится политически и экономически зависимыми от местных мусульманских правителей. Те, кто не принял ислам, за сохранение своей веры платили подушную подать джизья (налог). Затем, в течение многих веков они становятся феодально-зависимыми крестьянами (райятами). За покровительство кубинских, дербентских ханов, кайтагских уцмиев, табасаранских майсумов, шамхалов и беков, они должны были нести феодальные повинности. В результате они оказались в вековой политической и экономической феодальной кабале. Их положение осложнялось с ростом мусульманского экстремизма на Кавказе и в частности в Дагестане в XIX в. — в период т.н. «священной» войны с неверными. В этот период многие из горских евреев, даже целыми селами, во избежание преследований и притеснений за свою веру, оказались вынужденными перейти в мусульманство. Так, горские евреи конца XIX в. оказались в ситуации неизбежной ассимиляции и вымирания.

С присоединением Дагестана к России, горские евреи, ставшие подданными России, также не были избавлены от политического и экономического гнета, от социального и национального произвола властей. Единственной силой в тех условиях, которая могла принести избавление массам малых народов страны оказалась победа Советской власти на Кавказе и, в частности, в Дагестане. И как бы мы ее сегодня не подвергали критике, историческим фактом является возрождение горских евреев в первые два десятилетия во всех сферах социально-экономической, политической и культурной жизни. Правда, это происходило ускоренной активизацией их жизни, нивелировкой особенностей их культуры. Большая работа проводилась по созданию интеллигенции, росли кадры специалистов по различным отраслям хозяйства, культуры и просвещения. Впоследствии десятки

горских евреев стали докторами и кандидатами наук, профессорами, среди них всемирно известный хирург-ортопед, академик, лауреат государственной премии, Герой Социалистического Труда Гаврил Абрамович Илизаров. Десятки тысяч горских евреев вместе со всеми народами страны встали на защиту своего Отечества от немецко-фашистских захватчиков в 1941-1945 гг., и внесли свою лепту в Победу в Великой Отечественной войне. Сотни воинов горских евреев награждены боевыми орденами и медалями. Двое из числа небольшого народа, овеянные славой храбрых, удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Известны и трудовые подвиги народа и в послевоенные годы. Семеро горско-еврейских колхозников-виноградарей г. Дербента получили звание Героя Социалистического труда. Невозможно перечислить все, что достиг небольшой народ, в совместной дружной тогда семье народов Дагестана и страны.

* * *

До Великой Отечественной войны основные массы горских евреев стали жителями городов. К тому же владели и пользовались русским языком, по сути ставшим межнациональным языком многонационального Дагестана.

В 1939 г. так называемые лидеры горских евреев сочли более перспективным обучение своих детей на русском языке. С тех пор их «еврейско-татский» язык не преподается в городских школах, даже как предмет. Народ фактически стал русскоязычным населением. Выросли новые поколения, не владеющие т.н. родным татским языком. И потому, издаваемая еще на этом языке т.н. татская литература, остается зачастую не востребованной. Ряд писателей перешел на русский язык, из-за финансовых трудностей распался действовавший в Дербенте народный театр и перестал выходить ежегодный альманах «Ватан советиму» (Советская Родина), кстати, при своем появлении в 1960 г., повторивший название журнала евреев России «Советиш Геймланд», выходившего на идише в Москве. Сохраняется радиовещание на «татском» языке, где помимо последних известий в основном передается народная музыка, песни и фольклорные произведения, статьи и очерки о некоторых известных представителях народа, бесконечно повторяются статьи фальсификаторов истории горских евреев и передачи, восхваляющие их и их родню и сторонников. И это продолжает считаться «расцветом» т.н. «татской» культуры. В послевоенный период, особенно с образованием государства Израиль (1948 г.), создание которого было поддержано СССР – как одной из великих держав, в силу ряда причин ухудшилось положение еврейского населения страны.

II. Сталин, недовольный тем, что не смог обратить Израиль в очаг своих коммунистических целей на Ближнем Востоке, да и участвовавшая эмиграция еврейского населения на т.н. возрожденную историческую родину и связанные с этим потери известного числа ученых, деятелей науки и культуры, и к тому же личная неприязнь его к еврейскому народу, привели в 60-80 годы к разрыву дипломатических отношений СССР с Израилем, насаждением антисемитизма и к раздуванию в стране антисионистской кампании. В эти годы появились, т.н. «отказники», «безродные космополиты», сфабриковано было «дело» врачей и т.д. Еврейский народ стал неуютным. Как теперь выясняется, еще при И.Сталине над ним нависла угроза депортации. Но смерть его (1953 г.) помешала осуществлению злодеяния – отправки евреев в подготовленные в Хабаровской тайге лагеря. Щупальцы распутившегося антисемитизма, особенно в годы застоя и горбачевской горе-перестройки, приведшей страну к разорению, непредсказуемости негативных процессов, как и негласное, но ошутимое, ограничение прав евреев, вызвали и среди части горских евреев тенденцию к выезду в Израиль. Именно в этот период упомянутой группе – осевшему в Москве М.Мататову (выдающему себя то за тата, то за татарина) и т.н. татскому писателю Х.Авшалумову дозволяется на страницах дагестанской и всесоюзной печати публиковать «статьи», искажающие историю горских евреев, выдавая их за татов. Их безапелляционность поддерживалась тем, что вступление в полемику с ними всячески пресекалось. Особенно активизировалась их деятельность в период подготовки двух последних переписей в СССР (1979 и 1989 гг.) и кампании (1977-1978) по обмену паспортов в стране. Таким путем, под нажимом их группы при поддержке соответствующих идеологических структур бывшего СССР, увеличилось число татов в этих переписях и в паспортном учете. Тяжелым следствием этого оказалось, тот факт, что горские евреи и та часть их, записавшихся татами, представлены в переписи как два отдельных народа. Расчленив механически один народ на горских евреев и тех из них, кто заменил свою национальность в паспортах на татов, а затем, ссылаясь на лозунг марксизма «Религия не признак нации», они вновь объединяют и без того единый народ в «единый неделимый народ», но уже под названием «таты». И как это ни печально на этой антисемитской основе, мало чем отличающейся от произвола, всемирно известный народ Кавказа горские евреи превращается в придуманных «татов» - «иудаистов». Кстати, сами таты (иранцы) никогда не отождествляют себя с этими «мататовско-авшалумовскими татами». Они только со стороны наблюдают как некоторые представители самих горских евреев

искажают свою историю.

В отличие от ученых Дагестана, не поддержавших фальсификацию этнической истории горских евреев, дирекция Института этнографии (ныне этнологии и антропологии РАН) в согласии с руководством Дагестана и указанием «свыше», все эти годы оказывала не только «научную» помощь фальсификаторам из Дагестана, но и придавала их опусам наукообразную форму и публиковала на страницах академических журналов. Установлено, что первая статья, положившая начало фальсификации этнической истории горских евреев, выполнена в стенах упомянутого института с помощью докторов наук С.И.Брука и В.И.Козлова, и из-за нежелания ученых института подписать ее, опубликована она одним лишь упомянутым М.Мататовым, не имеющим никакого отношения к исторической науке (М.Мататов. К вопросу о татском этносе. 1981, № 5, стр. 109-112). Вступивший с ним в полемику московский ученый Владимир Чернин со статьей «Нуждаются ли гипотезы в научной аргументации. О статье М.Мататова «К вопросу о татском этносе» на страницах журнала Российских евреев на идиш «Советиш Геймланд» (№ 10, 1982, с. 132-138), убедительно показавший научную несостоятельность, надуманность утверждений М.Мататова об этногенезе горских евреев, был наказан и исключен из аспирантуры ИЭ АН СССР.

Спустя пять лет эта же «статья» Мататова в переработанном виде с добавлением отсебятины М.Мататова, восхваляющей его отца Е.Р.Мататова, как «тата-революционера», «большевика», «гвардейца», «ленинца», который в конце 30-х гг. оказался репрессированным, публикуется с рекомендацией упомянутого института по указанию идеологического отдела ЦК КПСС на стр. другого академического журнала «Вопросы истории», но с изменением названия и для пущей важности в соавторстве с принужденным к этому научным сотрудником бывшего института М-Л при ЦИКПСС. И уж, конечно, давая информацию о своем отце, М.Мататов даже не повинился за деяния своего отца, на совести которого бывшего ЧОНовца и партийного функционера, немало загубленных жизнью так называемых «буржуазных националистов» и «врагов народа» не только в среде горских евреев. Последней акцией «бдительности» Е.Р.Мататова, хотя и сам потом погиб в ссылке, было его обвинение своих коллег – членов Пленума Обкома партии в 1937 г., которые почти все были арестованы тогда, о чем довольно подробно сообщает Абдурахман Даниялов в своей книге «Дагестан: время, судьбы. Воспоминания» (Махачкала: Дагкнигоиздат, 1991. С. 173-174).

Вслед за публикацией этих фальшивок упомянутые ученые Института этнологии и антропологии, руководимого директором В.А.Тишковым (бывший работник ЦК КПСС) сами уже открыто вступают на путь искажения: в новых коллективных трудах института, впервые в истории науки в борьбе с сионизмом «по-мататовски» обращают горских евреев в татов. Во-первых, по указанию дирекции Института со страниц нового издания «БСЭ» снимается повторявшаяся из издания в издание статья «Горские евреи», заменяется надуманной статейкой «Таты», написанной Авшалумовым и Мататовым (см. «БСЭ», т. 25). Более того, в трудах упомянутых ученых ИЭ горские евреи по конфессиональной принадлежности превращаются то в татов-нудастов, то искусственно перечисляются в безликий этнолингвистический татоязычный группе населения. (Энциклопедический словарь «Народы мира». М., 1982; Новый учебник «Этнография». М., 1957; и даже Новая «Российская энциклопедия» (Народы России). М., 1994). От такой поддержки группа дагестанских фальсификаторов пришла в еще более воинственный пыл.

Не случайно же первый Международный colloquium по теме: «Горские евреи: история и современность» в феврале 1992 г. состоялся не в Махачкале, а в Баку при поддержке и активном участии Академии наук Азербайджана, а у нас в республике в «Дагестанской правде» даже не решились дать подробную информацию об этом научном форуме, скрыв таким образом от широкой общественности результаты его. Несмотря на такую ситуацию, основная масса горских евреев не собирается покидать свои исторические гнезда.

При всем этом горские евреи сохраняют свои этнические особенности быта и культуры, хотя у них за многовековую историю выработалось и много общих черт с другими братскими народами Дагестана в хозяйственном облике, жилище, одежде и пище.

* * *

Традиционным занятием горских евреев было земледелие, и особенно виноградарство. Многие из них были потомственными виноградарями и виноделами. Выращивали рис (чалтык), марену (пугорос). Важной отраслью было рыболовство. На всем Кавказе горские евреи были известны, как искусные мастера по обработке сыромятных кож, выделке сафьяна (добагчи) особенно у кайтагских горских евреев. Развито было скорняжество. Женщины гт. Дербента и Кубы обрабатывали шерсть, ткали ковры, вязали джурабы. Развито было у них красильное дело, мастер-красильщик назывался рангчи. Были среди них ювелиры (заргер), портные и т.д. Развита была у

них мелкая торговля. Торговлей мануфактурой, скупкой и реализацией персидских и лучших кубинских и дагестанских ковров и сумахов занимались знатоки-купцы. Были среди них и реставраторы ковров.

С конца XIX в., когда основная масса их стала жителями городов, национальные особенности в одежде нивелируются. Ныне, лишь у пожилых людей сохранились элементы национальной одежды. Традиционными осталось ношение женских головных повязок (чутку), платья с длинными рукавами туникообразного покроя (булши), различные кисейные и шелковые платки (калгаи, дугуър), а вместо пальто – шерстяные кавказские шали, обувь на низком каблуке. Еще недавно носили широкополое шерстяное платье, собранное в талии (гъобо) с широким поясом (кемер) нередко работы кубачинских мастеров.

Женщины и девушки носят современную модную одежду, обувь, головные уборы, различные украшения: серьги, цепочки, браслеты, нередко медальоны из золота и серебра с гравировкой шестиконечной звезды, с памятными надписями. У мужчин – в сочетании с современной одеждой практикуется ношение традиционных кавказских сапог (махси), папахи (килах). Верующие при посещении синагог и участии на похоронах надевают на голову еврейскую ермолку (кипу). Старшее поколение в прошлом носили брюки галифе, гимнастерки полувоенного покроя, зимой – гъобо (тип архалука).

Пожалуй, наиболее национальной сохранилась у горских евреев пища. Она делится: на мясо-мучную, рыбную, молочную и растительную. В верующих семьях, еще бытуют запреты и дозволения в пище (трефное и кошерное, т.е харам - халал). В кухне отдельно содержатся посуда для мяса, рыбы и молока. В горско-еврейских семьях, помимо приготовления общекавказских блюд: различных видов хинкалов, пельменей, голубцов, каш, соусов и супов, еженедельно по пятницам и для субботы – считающейся у них днем отдыха готовят преимущественно национальные блюда из мяса, птицы, свежей рыбы, яиц, риса, съедобных трав.

Наиболее признанными национальными блюдами из мяса считаются «жаркое», «ягъни» и «хоегушд». Из свежей рыбы – фаршированное блюдо и «бугълومه» - рыба приготовленная на пару. Из вяленого кутума (рубленного), яиц, кишмиша и обильно жаренного лука с добавлением зелени и пряностей готовят также «хоегушд» (типа запеканки). Исключительно горско-еврейским национальным блюдом, широко пользующееся спросом, является «тара». Она готовится из съедобной травы (по которой получила и название) с поджаренным мясным фаршем с луком или с фрикадельками для более жидкой массы тушеной травы, с томатом с добавлением

пряностей. Из мяса говядины, особенно баранины, индюшатины, свежей рыбы (лососины, кутума) жарят кебабы, шашлыки. Впрочем готовят многочисленные соленья – огурцы, помидоры, перец, чеснок и т.д. Из винограда изготавливают сухие вина, уксус и др., из фруктов варят различные виды варенья; из грецкого ореха выжимают масло, которое широко используется для приготовления плова, а из выжимки ореха лакомку для детей – «муште».

В отдельных горско-еврейских дворах сохранились национальные печи – танур, тону (у многих народов юга Дагестана и Азербайджана известны как «тандыр»), где выпекается хлеб, пасхальные опресноки (гъогъол), а также используются и как духовки. Название печи «танур» – древнееврейское, сохранившееся у горских евреев без изменения. Не только название печи, но и многие предметы и продукты без особых изменений у них остаются исконными. К ним относятся: стол (шулхон), стул (курси), миска (къудоре), хлеб имеет двойное название: «ну» – персидское, «лэмех» – древнееврейское; то же самое: «мясо» (гушд, басор); «рыба» – жагъ, дагъ и т.д. перечислить все невозможно. Напомню лишь некоторые. Названия 12 месяцев года дословно повторяют древнееврейские: «тишри», «хешван», «кислев», «адар», «нисан», «сиван», «тамуз» и т.д. и само слово «календарь» живет в древнееврейской исходной форме: «лувахъ». В живом бытовании дают о себе знать и такие слова – «мозг» (муах), «счастье» (мозол, мазалту), «друг» (ховир от «хавер»), «вкус» (даам от «таам»), «рисунок», «образ» (шекуль), «дыхание, душа» (нефес от «нефеш»), «диво, чудо» (нис), «надежда» (имид от «эмет»), «сатана, черт» (садан от «сатан»), «внезапно» точно повторяет ивритское «накуми», слово «обет, зарок» (недир от «недер»). Слово «шивду», восходящее к др. евр. «шевет», означает «род, племя», отсюда и слово «шив» (росток), «жених» повторяет др. ивр. «хатон», а слово «пост» – «таанит», «могила» (гъовре, ковре) восходит к евр. «ковер» и множество других слов и терминов с некоторыми специфическими для языка гор. евр. огласовками и изменениями особенно перехода «а» в «о», «п» в «ф». Повторяются и многие названия животного и растительного мира, например: «слон» («филь» от ивр. «пиль»), «бабочка» («парпару» от ивр. «парпар»). Оказывается и такое всем известное название перца «фульфуль», своеобразным засолом которого отличается кухня гор. евреев, восходит к древнееврейскому названию перца «пильпиль». Эти слова и другая древнееврейская бытовая лексика ничего общего с религией не имеет и продолжают жить в языке, свидетельствуя о древнееврейских корнях горских евреев. Также эти истоки подчеркивают и слова благословения за трапезой хлеба и вина (лехам

и др.) общеврейского происхождения. Весьма показательна в этом и вся терминология свадебного цикла, от обручения до венчания – исключительно древнееврейско-арамейского происхождения.

Древним обычаем горских евреев, как и др. народов Кавказа, было и остается гостеприимство. Этнографы отмечали сохранение у них традиции обмывания хозяйкой дома ног приезжему знатному гостю, возводя это к патриархальному обычаю древних евреев. «Горские евреи, – пишет И. Черный, – заброшенные судьбою изнутри Азии сюда, в горы Кавказа, почти за 7 столетий до р-Хр., сохранили из обычаев своих предков – патриархов в первобытной форме, как, например, гостеприимство и обмывание ног», ссылаясь на 1 кн. Бытия, гл. XVIII. (Черный И. Горские евреи. ССКГ, вып. III. Тифлис, 1870. С. 1-8).

В состоятельных горско-еврейских домах выделялась для гостей кунацкая комната. Гостеприимство способствовало сближению их с народами Кавказа и Дагестана, усвоению взаимных обычаев, языка, песен, танцев. Кунаки помогали друг другу, принимали активное участие во взаимных семейных торжествах.

Наиболее устойчиво сохранились у горских евреев традиционная семья и быт. Еще в первые советские годы у нашего народа в пережиточном виде бытовали неразделенные большие семьи («келе кифлет»), насчитывавшие до 20-30 человек, состоящих из 2-3 поколений людей. Главой такой семьи выступал старший по возрасту – дед, отец. Для таких семей характерны были коллективный труд, жизнь под одной крышей и общая еда с «одного котла». Такие семьи больше сохранялись в зажиточной среде в Дербенте, Кубе, в селах – Маджалис и Ньюди.

С ростом товарно-денежных отношений и индивидуальных интересов женатых сыновей, происходило отпочкование их (выделение) из общего хозяйства большой семьи на братские (хуней бирори). Родовой дом делился по числу выделившихся семей, при этом, как правило, младшие сыновья оставались жить с главой распавшейся семьи. Уже ко времени коллективизации у горских евреев стали преобладать индивидуальные (моногамные) семьи, состоящие из мужа, жены и их детей (примерно от 2 до 10 лиц). Братские семьи продолжали оказывать друг другу взаимную помощь и поддержку во всех сферах жизни. Этим объясняется, имеющее место взаимопомощь между близкими и дальними родственниками у горских евреев – как людей одной общей фамилии: Абрамовы, Давыдовы, Ханукаевы и т.д. Все они и ныне считают себя исходящими от бывшей патриархальной семьи (мишпохо) – кстати древнееврейское слово. От этих патриархальных семей остались ныне в основном фамилии.

Браки у горских евреев – преимущественно родственные, точнее внутриобщинные (дербентские, кайтагские, кубинские, нальчинские и т.д.). Иудейская религия сдерживала смешение их с другими народами. Однако, хотя преобладали у них внутринациональные браки, допускалось заключение таковых с лицами др. еврейских этнических групп: с грузинскими, среднеазиатскими и т.п. европейскими евреями (ашкенази), несмотря на то, что разговорные языки у них разные, но язык богослужения – иврит – был единым для всех этих групп. Частыми были у горских евреев заключение кузенных и кросскузенных браков. Имели место заключение и таких древних форм брака: левират – выхода вдовы, имеющей детей, за неженатого брата мужа (емомо); сорорат – женитьба на сестре умершей жены, а также униженный древнееврейский обряд развода (халице), по которому неженатый брат покойного отказывался жениться на вдове брата.

Как исключение встречаются отдельные случаи выхода замуж женщин за кумыка, лакца, даргинца, азербайджанца. При этом она в прошлом обязана была принять ислам. Были случаи женитьбы горского еврея на азербайджанках, кумычках и др. Однако, вопреки утверждениям фальсификаторов о тато-иранском происхождении горских евреев, в их среде не зафиксировано ни одного случая заключения барака с исконными татами.

У горских евреев детей женили в раннем возрасте. Ныне, как правило, брачным возрастом у них считается с совершеннолетия. Но тем не менее и сегодня отмечаются случаи, когда 14-15 летнюю девушку выдают замуж. Как в прошлом, так и теперь, свадьбе предшествуют – обычай сватовства (ильчи) и обручения (кидушин), взимание выкупа («рах-пули» или «шир-пули») – «дорожные или молочные деньги», теперь, более известен как калым (под видом подарков), заключение брачного договора (кетубо), венчание (мейр) молодых пар под багдахином (хупа). Все эти названия, как и упомянутые многочисленные бытовые термины – древнееврейского происхождения.

Раньше свадьбу у горских евреев играли семь дней: день-два у невесты (арус), отсюда и название свадьбы – «аруси», затем в доме жениха (домор, хатон). Свадьба, независимо от состояния брачующихся, бывает многолюдной, богатой национальными блюдами, закусками, выпивкой, сопровождающейся музыкой, танцами, песнями, тостами. Свадьбой руководит тамада. Каждый из приглашенных приносит в подарок (ныне, как правило) конверт с деньгами, который в ходе свадьбы вручается специальному сборщику. Сумма с указанием имени дарителя заносится в список, чтобы в

будущем хозяин свадьбы принял ответное участие в торжествах в их семьях и вернул бы «долг».

Остановимся лишь на обряде проводов невесты. При прибытии свиты жениха, подружки пели невесте прощальные песни, требовали выкуп, вся родня провожала ее с музыкой, танцами; за нарядно одетой невестой несли зажженные свечи, горящие лампы и даже факелы (бергулу), разбрасывали над ней конфеты, зерна риса – как пожелание ей благополучия и плодovitости. При входе в дом мужа, сзекровь преподносила ей мед, невеста должна была съесть ложку меда и обмокнуть пальцы в мед и обмазать медом верхнюю притолоку двери, в знак того, что она входит со сладкими устами и добрыми руками.

Торжественно с раздачей подарков отмечают горские евреи рождение мальчика, на восьмой день его подвергают обрезанию, нарекают именами покойных родичей. Этим объясняется сохранение у них патриархальных имен: Авроом, Исак, Миши (Моисей), Яагу, Лие, Саро, Истир, Ливго ит.д. В верующих семьях над юношей, достигшего 13 лет, совершают обряд совершеннолетия (тефилин вени) и он считается равноправным членом еврейской общины.

Консервативными остались обычаи похорон и поминок: они выполняются по всем правилам иудейской веры, на еврейских кладбищах. Раньше хоронили без гроба. Семь дней в доме покойного длится траурный «яс» (оплакивание), в котором главную роль играют женщины. Среди них встречаются искусные плакальщицы (гирьесох). По истечении семи дней организуются первые поминки (хофти). На этот раз с участием женщин идут на кладбище. По возвращению кормят мужчин и женщин. На этом официально траур снимается раввином, но он остается в силе для близких родных. Спустя сорок дней (чуэли) организуются вторые поминки. Третьи совершают на годовщину (серсали). В зависимости от состояния семьи (на сороковой день или на годовщину) ставится памятник. Раньше, как правило, из тесаного камня, а теперь и мраморные с древнееврейской надписью: фамилия, имя, год рождения и смерти. Ныне эти данные выбивают и на русском языке. На многих из них имеются эмблемы – шестиконечные звезды (Могин – Довид). Наиболее богатые из них – с портретами. Ныне еврейские религиозные общины на местах сократили число дней траура и поминок, запретили подавать к трапезе спиртные напитки. Сыновья, или братья читают заупокойную молитву «кадыш». А за тех, которые не умеют читать, делает раввин. Все это осуществляется не столько по вере, а сколько по устойчивости традиций.

По традиции горские евреи справляют посты и праздники. Из ежегодных праздников наиболее соблюдаются: пасах (песах). У горских

евреев он известен больше под названием вавилонского месяца весны «нисану» (4 нисана по еврейскому календарю). Празднуется в честь легендарного исхода евреев из Египта (из семи дней праздника, первые и последние два дня считаются особо праздничные). Вместо хлеба в эти дни едят мацо (опресноки) – «гогол»; в пятидесятый день после пасхи отмечают шавуот. У горских евреев известен под названием «асельте» - день получения Торы от Всевышнего на горе Синай; Рош-га-шана (Новый год, осенью, в седьмой день месяца тисри) – у горских евреев «Рушешуне»; Йом-Кипур – судный день, день прощения (на девятый день после нового года). Этот праздник суеверные горские евреи строго соблюдали. В верующих семьях накануне праздника приносили в жертву (капора) по числу душ в семье: петуха за мужчину, курицу за женщину и пылят – за детей; Пурим – веселый, весенний праздник в память библейской истории Эсфири и Мардахаи. У горских евреев он больше известен под названием «Омуну». Они считают его праздником установленным в честь избавления их предков от истребления по злому умыслу персидского царедворца Амана в IV в. до н.э., о чем мы говорили в начале статьи.

Накануне и в дни религиозных праздников верующие посещали синагоги, слушали чтение соответствующих разделов «священных» книг, посвященных праздникам, приносили пожертвование, раздавали милостыни, посещали кладбища и т.д.

Наряду с иудейскими верованиями, у горских евреев сохранились и древние доиудейские и языческие верования, воспринятые ими также и у вековых соседей горцев Кавказа и Дагестана. Этим объясняется, что у горских евреев сохранились почитание солнца и луны, вера в очистительную силу огня, воды, в существование злых и добрых духов. К первым они относят: «Сер-ови» (водяной), который приносил вред роженице; различных чертей – «садан», «Рух», «Эшмедей», «Альбус» и др. К добрым духам относили божество «Идор» и «Илев-Нови», отождествляемый с пророком Илья. Чтобы предохранять себя и особенно детей на их люльках вешают амулеты (хайкелы, талисманы) – обереги и пришивают их к одежде. Существует у них и древнееврейский обычай прикреплять «Мазузе» - оберег из пергамента со словами главной молитвы «Шамах Исровель» (Слушай Израиль), который прикрепляется к косяку двери дома. Дают клятву перед огнем, перед «Торой» («Библией»), т.е. продолжают бытовать в воззрениях народа как иудейские, так и языческие верования.

Преобладающее большинство горских евреев по сути являются неверующими. Они не умеют читать т.н. «священную» литературу.

В советский период у них вытравлялось все, что связано с их иудейской религией, как впрочем и у других народов Дагестана, исповедующих ислам. Силой принудительного атеизма были закрыты синагоги, ликвидированы духовные школы, остатки их раввинов подвергались преследованию, сжигались их «священные книги», так, из 13 синагог в Дербенте осталась одна. То же самое в Кубе, Буйнакске. За годы Советской власти из горско-еврейской среды не готовились кадры для богослужения. Этим объясняется, что у них по сути нет дипломированных раввинов, их роль в т.н. религиозных общинах выполняют глубокие старики. Лишь в последнее десятилетие, в связи с позитивными изменениями в отношении к горско-еврейскому населению, только двое окончили ешив (духовную школу) при Московской хоральной синагоге и оба, не выдержав вмешательства в жизнь религиозной общины, выехали из Махачкалы: один в Израиль, другой – в Пятигорск с кайтагскими соплеменниками.

* * *

Трудность национального развития народа усугубляется не прекращающейся демагогией, никем не осаждаемой мататовско-авшалумовской группы, продолжающей искажать историю горских евреев, лишь бы скрыть ставшую крамольной свою национальную принадлежность. Однако реальность показала бессмысленность этой затеи, смена горским евреям паспорта на «тат», ничего не изменило в его положении: труднее стало с поступлением молодежи в ВУЗы, с трудоустройством их, доведено до минимума выдвижение их на административные посты. Именно мататовско-авшалумовские «таты» при удобном случае, плюнув на затею своих вожаков, обещавших им равные права, покидают страну и никто их не может удержать, т.к. соответствующие органы знают, что они в действительности евреи.

Зачем тату-иранцу уезжать в Израиль, а не в Иран?!

И тем не менее эти горе-защитники народа не унимаются, продолжают утверждать, что этноним «еврей», «горский еврей» это старое их название, навязанное им буржуазными учеными разных времен и народов, далеких от марксистско-ленинской методологии, допустивших отождествление национального с конфессиональной их принадлежностью, а теперь ими установлено их новое название – таты-иудайсты, которые якобы случайно приняли иудейскую веру и то лишь в средние века. Превратив древний этноним народа «еврей» в религиозное понятие, да еще

(подумать только!) обратно приписать евреям, горским евреям их исконную иудейскую веру, в качестве вновь обращенных в веру, переведа их в разряд иудайстов, и на том основании, что горские евреи говорят на татском (еврейско-татском языке) превратить их в татов (иранцев).

Неужто не знают, что со времени исторического рассеяния еврейские этнические группы, в частности горские евреи, усвоили один из диалектов персидского языка, который лишь в наше время стал известен в науке как «татский»; или будто бы уж они не знают, что так называемые европейские евреи говорят на идиш (одном из немецко-еврейском наречии, «идиш» в переводе «еврейский»), которых по рецепту фальсификаторов следует переименовать на «немцев-арийцев».

Не понятно, почему, объявляя ни в чем не повинных ученых буржуазными националистами и пугая их жупелом антисемитизма и сионизма, они обходят И.Сталина, который прекрасно знал происхождение мататовых-авшалумовых. их принадлежность к горским евреям, которые по его утверждению «несомненно» являются потомками древнееврейского происхождения и что вместе с грузинскими, т.н. европейскими евреями и др. еврейскими этническими группами, которые в силу превратностей своей истории «разобщены, живут на разных территориях, говорят на разных языках и т.д. Таковы, например, русские, галицийские, американские, грузинские и горские евреи...» и далее продолжает И.Сталин: «упомянутые евреи, без сомнения, живут общей экономической и политической жизнью с грузинами, дагестанцами, русскими и американцами, в общей с ними культурной атмосфере; это не может не накладываться на их национальный характер печати; если что осталось у них общего, так это религия, общее происхождение и некоторые остатки национального характера. Все это несомненно...» (см. И.Сталин. Марксизм и национальный вопрос. М., 1946. С. 12-19. Подчеркнуто нами - М.И).

Видите ли о И.Сталине они и аякнуться не могут и тем более извратить, опасаясь, что он воскреснет и за глумления, которые они совершают над источниками и литературой, отправят их туда, где оказались их ближайшие родичи, как еврейские буржуазные националисты. Более того, повторяя одну и ту же статью, фальсификаторы с каждым разом усиливают воинственность, устрашая инакомыслящих методами 1937 года, используя прямую

травлю, шантаж, запугивая ученых вроде бы допущенными ими идеологическим «криминалом».¹

По сути эти люди – жертвы антисемитизма, пытающиеся за службу в определенных сферах в борьбе с сионизмом, извлечь личные выгоды и привилегии. В своих утверждениях они не только искажают источники, подменяют термины, но явно противоречат себе. Приведу лишь такой пример. Уже много лет вступила на путь фальсификации истории горских евреев старшая дочь Х.Авшалумова, ведя борьбу с пережитками «наиболее реакционной религии», как она охарактеризовала иудаизм, в среде женщин-таток в брошюре «Именем бога Яхве» (1967). Странно, как можно вести борьбу с иудаизмом за права татских женщин, если таты – омусульманившиеся персы, прежние зороастрийцы и никакого отношения не имеют к иудаизму?

Чувствуя шаткость и противоречивость своих утверждений о татах и иудаизме, она лишь на стр. 42 и то в кратенькой сноске вынуждена дать такое пояснение: «где указывается слово «таты» следует подразумевать «горские евреи».

Вот и вся их «метода»!

И далее автор обрушивается на еврейского бога за то, что он изгнал евреев с «земли обетованной» за блуд и заставил их в рассеянии смешиваться с персами, хазарами и кавказскими горцами (там же, с. 53).

Оказывается все же горские евреи существуют и их корни относятся к библейским временам и к Палестине, а таты не горские евреи, а иранцы. Вот и весь этот наукообразный пассаж! В другой книжке «Критика иудаизма и сионизма» (1986) Л.Авшалумова уже превращает иудаизм в реакционную идеологию сионистов, здесь же посвящает целый раздел тато-иранскому происхождению горских евреев под названием «Татский вопрос» (с. 123-169), где вновь запутывает историю горских евреев и на основании прямых искажений источников и литературы говорит то об ирано-татском, то о еврейском их происхождении.

¹ Сколько раз за последние 20-25 лет, в частности, я подвергался наветам не только в их «статьях», но и в бесконечных их письмах (доносах), которыми они забросали все инстанции, начиная от дирекция нашего Института ИЯЛИ Даг. филиала АН СССР, правительства и бывшее партийное руководство республики до более высоких идеологических структур Москвы, сопровождая все это анонимными письмами и мне лично с угрозой, что если я буду настаивать на том, что наш народ «горские евреи», то они убьют меня и уничтожат мою семью. Эти письма тогда же мной были переданы в соответствующие органы.

Эти творения не поддаются разумному осмыслению, а научной критике – тем более! И все эти изобретения выводятся лишь из языкового факта, при этом полностью игнорируются в иранском наречии языка горских евреев наличие древнееврейской лексики, охватывающей не только религиозные, но и исторические и географические их понятия, множество сторон их образа жизни и быта, свидетельствующих о своеобразии их истории.

Куда же они отнесут, если надобно будет «свыше», миллионы нерусского населения нашей страны, говорящих на русском языке и не владеющих родными языками, в том числе и тех же горских евреев, не владеющих уже в нескольких поколениях так называемым «татским» языком? – Вероятно к русским (иудаистам)!

Сколько раз за последние десятилетия Дагестанский научный центр РАН давал объективные справки на запросы правительственных структур нашей республики и России о горских евреях, но почему-то только псевдонаучные утверждения этой группы принимаются во внимание.

В то время, как в Дагестане несколько свернуто исследование истории и этнографии горских евреев, в Азербайджане активно ведется такая работа. Об этом свидетельствует состоявшаяся в Баку в 1992 г. под председательством вице-президента Академии наук Азербайджана, академика З.Г.Буниятова «Международная конференция (коллоквиум)», впервые, специально по теме «Горские евреи: история и современность», ставшая большим событием жизни как горских евреев, так и всего Кавказа, где с обстоятельными докладами по истории, археологии, этнографии, языку и литературе выступили ведущие ученые Азербайджана, Израиля, Москвы и мы из Дагестана, получившие приглашение Академии наук Азербайджана и Московского центра по изучению иудаики. Один из основных докладов на этой конференции был наш: «Фальсификация этнической истории горских евреев на страницах советской печати в 60-80 гг.». Доклады и выступления на этой конференции были заслушаны с большим интересом. Работа конференции широко освещалась на страницах азербайджанской печати, по радио и телевидению. Однако, она осталась почти незамеченной в Дагестане. Здесь лишь позже, как уже отмечалось, была информация в несколько строк в «Дагестанской правде» о состоявшейся конференции (без указания основных докладов и их авторов).

Конференция осудила многолетнюю фальсификацию этнической истории горских евреев, призвала к восстановлению исторической правды об одном из древних народов Азербайджана и Дагестана и

признала необходимость дальнейшего совместного изучения истории и культуры горских евреев.

К сожалению, в Дагестане продолжается псевдонаучное глумление над историей горских евреев. Думаю, что историческая правда о горских евреях восторжествует и им, как малым (или малочисленным) народностям Кавказа, будут предоставлены все конституционные права на национально-культурное возрождение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авалиани С. Кавказские евреи (нравы и быт). Одесса, 1914.
2. Аписимов И.Ш. Кавказские евреи-горцы. М., 1883.
3. Берлин И. Исторические судьбы еврейского народа на территории русского государства. 1919.
4. Бежанов М. Евреи в с. Варташен // СМОМПК. Вып. XVIII. Тифлис, 1884.
5. Вайсенберг С. Исторические гнезда Кавказа и Крыма // «Еврейская старина». Т. 6. СПб., 1913.
6. Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о русах. СПб., 1870; Его же. Сказания еврейских писателей о хазарском царстве. СПб., 1874.
7. Евреи горские. Этнографический словарь под ред. М.Н.Губогло и Ю.Б.Симченко // Союз. М., 1990. № 29.
8. Ихиллов М.М. Горские евреи // Народы Дагестана. М., 1955; Его же. Горские евреи // Народы Кавказа. Т. 1. М., 1960.
9. Ицхак Давид. История евреев на Кавказе. Тель-Авив: Кавкасион, 1990. Т. 1.
10. Курдов К.М. Горские евреи Дагестана. М., 1907.
11. Коковцев П.П. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
12. Маггид Д. Евреи на южных окраинах России. П., 1917.
13. Миллер В.Ф. Материалы для изучения еврейско-татского языка. СПб., 1892.
14. Миллер Б.В. Очерк еврейско-татского языка. Вып. III. М., 1900; Его же. Татские этюды. Т. I-II. М., 1905, 1907; Его же. Фонетика еврейско-татского языка. М., 1920.
15. Мусаханова Г.Б. Татская литература, очерк истории 1917-1990. Махачкала, 1993.
16. Тюменев Л.И. Евреи в древности и средние века. П-Г, 1932.
17. Черный И.Я. Горские евреи // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. III. Тифлис, 1870; Его же. Краткий исторический очерк о горских евреях Терской области // Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1874. Вып. I
18. Erckert K. Der Kaukasus und seine Voller. Leipzig, 1887.
19. C. Hahn. Die Juden inden kaukasischen. Leipzig, 1892.
20. Jkhilov M.M. Mountain jews // Encyclopedin of world Culturies. V. VI. Boston, 1994. P. 270-274.

М.Ихилов, доктор исторических наук

ГОРОД - МУЗЕЙ МИРОВОГО ЗНАЧЕНИЯ

Среди городов - исторических сокровищниц материальной культуры нашей страны Дербенту принадлежит особое место. Его памятники по своей монументальности, поразительной грандиозности, инженерно-фортификационным и архитектурно-художественным качествам, пожалуй, единственные во всем мире. Особенно обращают на себя внимание остатки крепостных стен города с фортами, башнями и воротами: цитадель Нарын-кала, где сохранились развалины царского дворца, мечети, подземной тюрьмы, водохранилища и других построек; джума-мечеть и семь квартальных мечетей; комплекс старинных кладбищ и мавзолеев.

Памятники Дербента относятся к истории не только юга Дагестана и Восточного Кавказа, но и стран Ближнего и среднего Востока. На протяжении веков менялась роль Дербента. В древности он был важным стратегическим проходом, в средневековье - пограничной крепостью, торгово-ремесленным центром на Кавказе, городом-государством, столицей феодального владения. Он расположен на западном берегу Каспия, где труднодоступные горы ближе всего подступают к морю. С древнейших времен здесь лежал не только важный стратегический проход, но и основной караванный путь из юго-восточной Европы в Переднюю Азию. Эта местность была известна задолго до первых веков нашей эры греко-римским писателям под именем киммерийских (скифских), каспийских и албанских ворот. О ней мы встречаем упоминания у Гекатея Милетского (конец VI - начало V вв. до н.э.), Геродота, Страбона, Плиния, Птолемея.

Некоторые данные позволяют предполагать, что до сасанидских каменных стен, сохранившихся и до нашего времени, дербентский проход был покрыт земляным валом, воздвигнутым греческими колонистами - гелдами. В картах Птолемея название Гелда (или Джилда) отождествляется с Дербентом.

В восточных легендах и преданиях основание Дербента, и в частности его стен, связывается с именем Александра Македонского. Известно, что он в 331 году до н.э. завоевал ахеменидскую Персию, стремился захватить и Закавказье. Но достигнуть этого не смог. Достичь побережья Каспия удалось в 90-х годах до н.э. римским войскам, но дошли ли они до Дербента, пока неизвестно. Римский географ Птолемей говорит о существовании каспийского прохода как

укрепленного вала. Это дает возможность считать, что здесь во второй половине I века стояла крепость.

Интересно и то, что за нижней частью города Дербента сохранялось название «Шехри юннан», что значит «греческий город». Как бы подтверждением того, что какие-то греческие колонисты могли обитать в этом районе, может служить обнаруженная нами в 1968 году в селении Ерси халцедоновая головка неизвестной богини греко-ионийского происхождения. Уже на раннем этапе истории дербентский проход стал ареной ожесточенной борьбы и завоеваний различных народов и государств. Еще в древности через него на юг прорывались хвнерные кочевники – скифы, сарматы, а в средневековье – воинственные тунны, савиры, хазары. Здесь были персы, армяне, византийцы, арабы, гурки, монголы, кипчаки, крымские татары, русские и другие.

Из-за обладания дербентским проходом происходили длительные кровопролитные войны. Дербентский проход, а затем и город-крепость много раз переходил из рук одних завоевателей в руки других, разрушался и вновь отстраивался. Этим объясняется нахождение в Дербенте исторических памятников различных эпох и народов. На стенах города сохранились древнеперсидские (пехлеви) и раннесарабские (куфи) надписи. На кладбищах Дербента до сих пор множество средневековых памятников – надмогильных плит и саркофагов – персидского, армянского, хазаро-тюркского, арабского и европейского происхождения.

Особое внимание завоеванию дербентского прохода и его укреплению придавали военно-феодалыные государства Востока: Иран, Византия и Арабский халифат. Между Ираном и Византией шла длительная борьба за обладание Дербентом, как важным опорным пунктом для распространения своей власти на Восточном Кавказе. В этом соперничестве сасанидский Иран одержал победу над Византией и принудил ее нести значительную долю расходов по укреплению Дербента. Средневековые источники сообщают, что начало каменных укреплений Дербента было положено при персидском шахе Исидигарде (438-457 гг.) и завершено при Хосрове I Ануширване (531-579 гг.). Ануширвану приписывается строительство дербентских укреплений, превращение их в город-крепость. Город имел множество названий. Местность, где расположен Дербент, древние греки и римляне называли Каспийскими воротами, армяне – Чор, Чога, Джога. Древнеармянские названия до сих пор сохранились в языках народностей Дагестана: у лакцев – Чурул, даргинцев – Чулли. Арабы называли Дербент – Бабль-Абваб (ворота ворот); грузины – Згвис (морские ворота); монголы

– Тимур-кагалка, тюрки – Демир-капу (железные ворота), в русских летописях город значится Дербень, Дербени идр.

Строительство дербентских укреплений осуществлялось в течение десятилетий силами поработенных Ираном народностей Восточного Кавказа. Известный агванский (албанский) историк VII в. Моисей Каланкатуйский (Каганкатвази) с горечью писал, что «персидские цари изнурили страну... собирая строителей и изыскивая разные материалы для построения великого сооружения... между горами Кавказа и великим восточным морем». В этих словах, отмечает советский исследователь К.В.Тревел, «обрисована та тяжелая для албанов обстановка, в которой происходило возведение могучих стен Дербенте: местное население должно было работать в каменоломнях, перевозить громадные камни, отесывать их и осуществлять кладку, поднимая тяжелые плиты на большую высоту; должны были работать в рудниках и кузницах, добывая железо и свинец и выковывая скобы для камней, не говоря о всех других работах, связанных с возведением этих «дивных стен», как их называет албанский историк».

В результате этого строительства Дербент был опоясан двумя параллельно спускающимися с гор в море стенами. Они образовали гавань для стоянки судов. На господствующей высоте была воздвигнута цитадель Нарын-кала. Для охраны дербентских укреплений и горной стены сасанидские цари в наиболее важных в стратегическом отношении местах образовали ряд военных укреплений, переселив сюда из внутренней Персии колонистов (татов-огнепоклонников)¹, которые образовали здесь селения Джалган, Митаги, Хамейди, Рукал, Бильгады, Камах, Зидьях.

После ослабления сасанидской Персии на определенное время Дербент переходит во власть хазар. Вскоре после завоевания Ирана

¹ Подобная колонизация кавказских проходов осуществлялась еще при ахеменидах. Дербентский проход как важная зона не мог быть не укреплен от вторжения скифов и греков. В этой связи любопытно упомянуть поход Дария через каспийский (дербентский) проход на Северный Кавказ и захват в 482 г. до н.э. Крымского полуострова и колонизацию его тоже татами (иранцами), которые со временем смешались с греческим населением края, а затем с кочевниками тюрками-хазарами. Это позволяет выдвинуть гипотезу, что первоначальное укрепление Дербента восходит к ахеменидам. И древнеармянское название Дербента – «Чор» становится объяснимым из языка ираноязычных татов, как укрепление. С превращением его в сасанидскую эпоху в город-крепость в среднеперсидском языке (пехлеви), а затем в новоперсидском (фарси) он становится известным как Дербент.

арабами могущественный тогдашний халифат прилагает немало усилий для завоевания Кавказа и его главной крепости – Дербента. Известным арабским полководцам Салману, Масламе, Мервану и другим понадобилось свыше ста лет ожесточенной борьбы с Хазарией и воинственными горскими владельцами, не признавшими ислам, чтобы овладеть Дербентом и Южным Дагестаном. Завоевав Дербент в середине VIII в., арабы переименовывают его в Баб-эль-Абваб (ворота ворот), восстанавливают разрушенные части стен города и цитадели, строят новые ворота, делят город на магалы, сооружают в каждом из них по мечети, а также на место предполагаемой прежней христианской базилики воздвигают комплекс соборной Джума-мечети, проводят по подземным гончарным трубам с Джалганского хребта родниковую воду в водохранилище Дербента, а также прокладывают сеть оросительных систем в его окрестности. Дербент превращается в настоящий средневековый город-порт, с торгово-ремесленной частью, посадом и цитаделью. Он становится не только крупным городом, но и важным опорным пунктом арабского завоевания на Кавказе.

Город Баб-эль-Абваб, пишет арабский историк X в. Ал-Истахри, лежит у моря, а в центре – рейд для судов. Между рейдом и морем протянута цепь, так что судно не может не выйти, ни войти иначе, как с разрешения. Стены Дербента сложены из камня и свинца. Он больше Ардебиля и краше Тифлиса.

Другой арабский географ, Ибн-Хаукаль, отмечает, что здесь процветает земледелие и широко развита торговля мехами, которые привозят сюда с Волги, сообщает об обширных посевах марены и шафрана, о производстве здесь полотняных тканей и одежды, говорит, что к городу вели многочисленные торговые пути – сухопутные и морские – из Булгара, с Дона, из Хорезма, Тифлиса, Берде. Дербент служил также крупным центром работорговли на Восточном Кавказе.

В богатых караван-сараях и на базарах Дербента можно было увидеть купцов и торговцев из различных стран: Индии, Ирана, Арабистана, Хорезма, Армении, Грузии, Азербайджана и Руси. Сюда завозились русский лен, пушнина и меха, восточные ткани и украшения, пряности, различные изделия дагестанских умельцев – кубачинское холодное оружие и украшения, изумительные по орнаментировке и краскам шерстяные ковры и паласы, гончарная и медная посуда и т.д. Дербентская марена, органический краситель пряжи, до появления искусственного ализарина, в большом количестве экспортировалась во многие страны Востока и Европы.

Сотни лет Дербентом правили ширван-шахи. В XII-начале XIII вв., до нашествия монголо-татар, Дербент с прилегающими к нему

землями был городом-государством со своими наследственными маликами (правителями), которые имели право самостоятельной чеканки монет.

Огромное бедствие принесло Дербенту нашествие монголо-татар. В 1223 году отряды Джебе и Субутая, грабя и разрушая азербайджанские города и селения, подошли к сильно укрепленному Дербенту; им не удалось взять его силой, и они вынуждены были обходным путем через горы уйти на Северный Кавказ, на земли алан и кыпчаков. В 1239 году предводитель монгольских войск Букдай с большой армией осадил Дербент и штурмовал его при помощи стенобитных орудий, но взять не смог. Тогда, передает легенда, монголы прибегли к хитрости, потребовали от правителя города выслать в их стоянку 10 вельмож для переговоров; одного они убили, а от остальных потребовали под страхом смерти сказать, как можно взять город. Пленные вынуждены были открыть тайну. Они сказали, что взять город силой невозможно, единственный выход – лишить его воды, разрушить источник водоснабжения. Лишенное воды население города вынуждено было открыть ворота, и монголы как смерч хлынули в Дербент, подвергли богатый город разрушению и ограблению. При монголах был разрушен дербентский порт, часть городских стен, башен, отдельные ворота. В этот период Дербент потерял свое бывшее влияние.

После татаро-монгольского ига, с образованием Дербентской династии ширваншахов (1382-1550 гг.), начавшейся с правления шейха Ибрагима I Дербенди, торгово-экономическая жизнь города вновь ожила. Наряду с Шемахой Дербент стал центром восточной торговли на Кавказе. Уже в этот период правители Дербента и Ширвана обращаются к России с просьбой принять их в подданство. Устанавливается прямой торговый путь по Волге и Каспийскому морю в Дербент, Азербайджан и Иран.

Дербент видел завоевателя Средней Азии Тимура (Тамерлана), правителя Золотой Орды Тохтамыша, персидского шаха Надира и других. Все они в своих завоевательных планах придавали Дербенту исключительное значение.

Невозможно не сказать несколько слов о походе Петра I в Дербент, осуществленном в 1722 году в обстановке, когда усиливалась угроза завоевания прикаспийских земель со стороны шахской Персии и султанской Турции. 23 августа 1722 года Петр I с большой армией прибыл в Дербент, город торжественно принял императора. Петру I были преподнесены ключи от города и летопись «Тарихи Дербендама» (История Дербента, составленная по сведениям восточных авторов). Петр I пробыл в Дербенте десять дней, жил в ханском

дворце. В ознаменовании взятия Дербента в Петербурге были сооружены триумфальные ворота. Будучи в Дербенте, Петр I обратил внимание на исторические памятники, приказал строить гавань по чертежу, способствовал развитию виноградарства, виноделия и шелководства; в тот период были приняты меры по благоустройству города, открыты продовольственные склады, лазареты, фабрики русских купцов, а дербентцам предоставлено право свободной торговли в пределах России.

И после Петра I, вплоть до окончательного присоединения Дербента к России (1806 г.), за его захват происходили войны между шахской Персией и султанской Турцией, между ханами Азербайджана и Северного Кавказа.

Приведенные сведения из истории Дербента с очевидностью свидетельствуют, что это город-музей всемирно-исторического значения. Этим объясняется, что к нему во все времена проявляли исключительный интерес крупные путешественники, выдающиеся поэты и писатели, ученые многих стран и народов. Величественность дербентских укреплений воспел азербайджанский поэт XII века Низами Гянджеви в своем бессмертном произведении «Искендер-наме». О Дербенте писал знаменитый французский писатель Александр Дюма в своих воспоминаниях о путешествии по Кавказу. Здесь жил (1830-1834 гг.) и писал свои замечательные произведения писатель-декабрист Александр Бестужев-Марлинский. В Дербенте побывали и описали его древности всемирно известные путешественники: испанец А.Гарнати (1130 г.), француз В.Рубрук (1259 г.), венецианцы Марко Поло (1320 г.) и И.Барбаро (1471 г.), А.Контаринни (1471 г.), русские Афанасий Никитин (1466 г.), Ф.Котов (1642 г.), государственный деятель А.Волынский (1716 г.).

Вот отдельный штрих из рассказа русского путешественника Афанасия Никитина о торговой жизни Дербента. «Пел, - пишет он, - один по базару мимо липких груд винограда и мушмулы, мимо мехов с вином, мимо торговцев с брынзой и сладостями, пробирался в ряды с коврами. Они были красивы и дешевы. Привези на Русь два - три ковра - и ты богат». Особенно удивило Никитина, когда дербентский купец показал ему обыкновенный орех. «В руках купца орех раскололся на половинки, и вместо сердцевины в нем оказался нежный фиестапкового цвета комочек шелка».

В конце XIX века Дербент становится крупным железнодорожным узлом. В городе появляется промышленный пролетариат, который принимает активное участие в революционных выступлениях рабочего класса страны. Дербент играл роль связующего звена между

пролетарским Баку и Южной Россией (Астрахань, Ростов-на-Дону, Грозный, Владикавказ). Здесь выросли и закалялись в борьбе за власть Советов такие видные партийные деятели и революционеры, как А.Бешенцев, А.Рзаев, К.Мемедбеков, И.Мататов, Г.Стуруа, К.-М.Агасиев, Г.Таги-заде, А.Эрлих, С.Тымчук, А.Турбин (Дьяков), Д.Пугин, И.Кобяков, И.Маскин, И.Котров, Е.Квантелиани, Г.Канделаки, М.Айдинбеков и др.

Советская власть установилась в Дербента в декабре 1917 года, а окончательно упрочилась 25 марта 1920 года, после разгрома здесь белогвардейских отрядов Деникина.

Дербент богат революционными памятниками. Здесь сооружены обелиск в память политической забастовки 1905 года рабочих крупнейшего на Северном Кавказе железнодорожного узла; памятник героям, павшим при защите города от белоказацкого отряда Бичерахова; сохраняется дом, в котором жил большевик, активный борец за установление Советской власти Д.Пугин; дом, где останавливался активный участник революционной борьбы в Азербайджане и Дагестане, комиссар Дербента и Южного Дагестана К.-М.Агасиев; возвышается памятник героям гражданской войны; обелиск воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Против гитлеровских захватчиков храбро сражались сотни дербентцев. Многие из них награждены боевыми орденами и медалями, а пятеро – Ш.Ф.Алиев, Ш.С.Абрамов, А.И.Сурмач, А.И.Рыбников, В.А.Громаковский – удостоены высокого звания, Героя Советского Союза.

Среди памятников, воздвигнутых здесь в годы социалистического строительства, особенно дороги местным жителям монументы гению революции В.И.Ленину и его соратнику С.М.Кирову. Во главе XI Красной Армии Киров освобождал Дербент от белогвардейцев. Здесь жил и боролся друг и сподвижник С.М.Кирова профессиональный революционер, руководитель молодежного подполья в 1915 году Я.Маркус.

Однако имеющиеся в городе-музее Дербенте памятники революционной и боевой славы недостаточны. Они выполнены на низком художественном уровне. Нам кажется, всем активным борцам – революционерам и бесстрашным воинам, павшим в годы гражданской и Великой Отечественной войн, должны быть воздвигнуты как индивидуальные памятники, так и мемориальные комплексы в аллее славы, которая должна быть сооружена в городе.

На Дербент как выдающийся историко-архитектурный заповедник должно быть обращено особое внимание. Он уже стал одним из центров туризма. Сюда приезжают любители древности не

только из СССР, но и из всех социалистических стран. Сюда стремятся туристы из капиталистических стран.

В советский период территория Дербента значительно расширилась. Город вышел за пределы стен. При помощи и содействии Министерства культуры РСФСР осуществлены некоторые первоочередные работы по реставрации и консервации памятников архитектуры Дербента. Восстановлены разрушенные стены и башни цитадели Нарын-кала, а также часть северной и южной стен города с воротами Баят-капы, Орта-капы, Джарчи-капы. В самой цитадели реставрированы ханский дворец – диванхана, бани, подземная тюрьма, водохранилище и другие строения. Восстанавливаются также кладбище «Кырхляр» и «Килиса-мечеть». Но эти работы в Дербенте все еще не ведутся должным размахом, а в отдельных случаях выполнены на низком архитектурно-техническом уровне и не соответствуют нашим достижениям в области реставрации городов-памятников, получивших мировое признание.

Отрадным является то, что уже имеется генеральный план реконструкции г. Дербента на ближайшие десять лет, выполненный сотрудниками Государственного института проектирования городов, под руководством московских архитекторов Л.Р.Шемах, В.Н.Выборного, В.А.Кулакова. При практическом осуществлении этого проекта следует, на наш взгляд, иметь в виду ряд соображений.

Известно, что многие памятники древнего Дербента подверглись частичному разрушению в результате неоднократных нашествий завоевателей, под влиянием времени и других причин. После присоединения Дербента к России и развития в нем капиталистических отношений городу стало тесно в рамках двух стен, в результате чего они, особенно южная стена, подверглись значительному сносу, каменные блоки стен, фортов и башен использованы для строительства домов, фабрик и заводов. Подверглись разрушению также памятники города, как стоянка Петра I, лазареты, христианско-православная и армяно-григорианская церкви, старинные кладбища, средневековые бани, рынки, мечети, фонтаны и др. В распоряжении ученых имеются подробнейшие сведения об этих памятниках, их схемы, чертежи. Сейчас, когда ставится задача реконструкции города и превращения его в музей международного значения, эти памятники должны быть восстановлены.

Представляется также необходимым отметить имена выдающихся ученых из России, Европы и Востока, принявших участие в судьбе города, изучавших его в трудных условиях. Совершенно недопустимо, что в Дербенте нет даже памятного обелиска его знаменитому

уроженцу – одному из замечательных ученых, профессору, члену-корреспонденту Санкт-Петербургского университета Мирзе Казембеку, имя которого стоит в ряду крупнейших востоковедов России XIX века. Ему принадлежит более 100 научных трудов по истории Кавказа, Персии, Средней Азии, Крыма. В 1851 году он вместе с академиком Б.Дорном опубликовал в Петербурге тюркский текст «Дербент-намэ» и параллельно английский перевод с комментариями, дав тем самым в руки исследователей важный средневековый источник.

Дербент как один из крупных центров советского и в недалеком будущем международного туризма, безусловно, должен иметь все необходимое для принятия гостей: современные многоэтажные дома, гостиницы, кемпинги, рестораны и молодежное кафе, которые должны органично вписываться в архитектурный облик города, как это сделано, к примеру, в Самарканде, Бухаре и других известных городах-музеях страны.

Современный городской пляж не может удовлетворить потребностей жителей города и его гостей-туристов. Поэтому в связи с реконструкцией города необходимо осуществить проекты курортно-туристического освоения благоприятного в естественно-климатическом отношении Дербентского побережья.

Старая часть города – магалы с его террасообразующими постройками должна быть сохранена, но здесь следует снести значительное число жилых домов, хаотически построенные в последние годы. Дом, в котором жил писатель-декабрист А.Бестужев-Марлинский, должен быть превращен в музей.

Дербент – важный экономический и культурный центр Южного Дагестана. Он не только крупный железнодорожный, но и автотранспортный узел, связывающий столицу ДАССР Махачкалу с Баку. Через Дербент проходит и внутренняя дорога в горные районы Дагестана. Здесь необходимо построить современный автовокзал и аэропорт.

В городе удачно развитая промышленность с сельским хозяйством. Одним из крупнейших заводов, построенных в его окрестностях (1926 г.), является созданный по инициативе В.И.Ленина механизированный стеклозавод «Дагестанские огни», работающий на природном газе. Здесь складывался первый отряд дагестанских индустриальных рабочих. В строительстве завода, в оснащении его новой техникой оказали большую помощь М.И.Калинин, К.Е.Ворошилов, Г.К.Орджоникидзе, А.И.Микоян, а также такие крупные советские специалисты, как В.Д.Голубятников и другие.

В Дербенте имеется крупный завод шлифовальных станков. Его продукция вывозится и в ряд зарубежных стран. Известностью пользуются шерстопрядильная фабрика «Дагюн», ковровая и швейные фабрики города. Продукция Дербентской ковровой фабрики экспортируется во многие европейские страны. В городе работают крупные винодельческие и спирто-коньячные заводы, консервный комбинат, а в окрестностях Дербента расположены виноградарские совхозы и колхозы, дающие половину всего винограда в республике. На полях колхозов и совхозов райопа трудятся замечательные мастера высоких урожаев винограда и овощей.

Как ни странно, такой всемирно-исторического значения город до сих пор не стал предметом специального изучения. Дербент как величайший культурный памятник народов нашей страны должен быть объектом длительного комплексного историко-этнографического и археологического изучения.

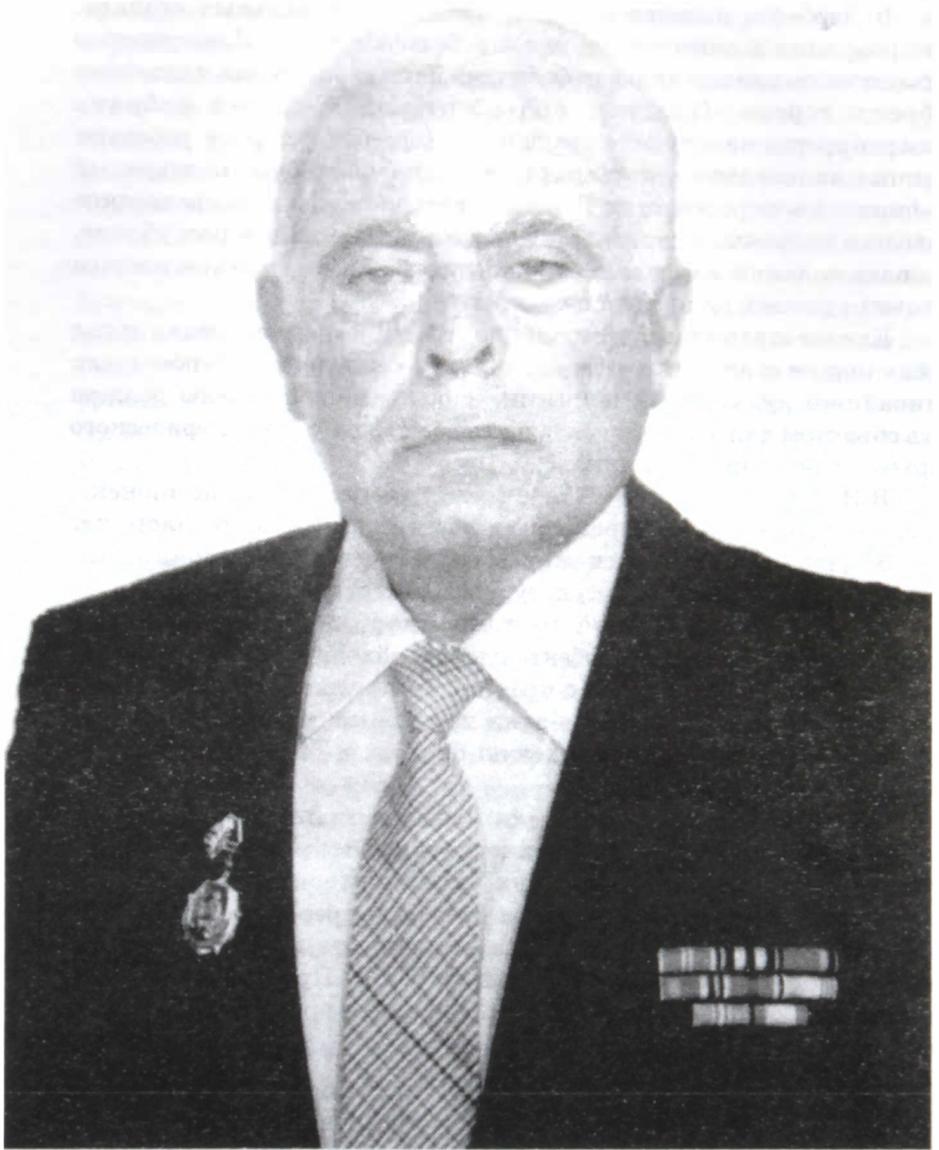
В.И. Ленин говорил: «Памятники – это активный компонент, мост, переброшенный от прошлого к настоящему. Без прошлого нет настоящего, без истории нет перспективы, нет традиций, определяющих духовные и культурные богатства народа».

Вместе с дальнейшей реставрацией, восстановлением и реконструкцией древнего Дербента в нем необходимо построить новое здание краеведческого музея с просторными залами и хранилищем. Хорошо было бы восстановить один из интересных архитектурных памятников XVII века – армянскую церковь и организовать в ней местный музей искусств.

Я не сомневаюсь, что жители Дербента принесут в дар музею ценнейшие историко-этнографические коллекции, древнейшие рукописи на восточных языках, хранящиеся у старожилов. Дербентский краеведческий музей должен быть преобразован в научно-исследовательскую базу Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР. При этом институте должна быть создана комплексная проблемная группа по изучению Дербента и близлежащих земель.

ж. «Советский Дагестан»,
№ 4 (42), июль 1972, с. 46-50

М.М. Ихилов, 1985 г.

III

В продолжение темы

Ибрагимов М.-Р.А.
доцент ДГУ

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ У ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ ДАГЕСТАНА

*Посвящается памяти крупного
ученого-исследователя истории
и культуры горских евреев
Михаила Мататовича Ихилова*

Этнокультурные процессы, выражающиеся в изменениях культурной специфики этносов, различных его компонентов, включая перемену этнического самосознания, сопровождали историю развития и становления горских евреев как этноса на Восточном Кавказе и, в частности, в Дагестане.

В данном сообщении рассматривается один из видов проявлений этнокультурных процессов – аккультурация, под которой мы понимаем процессы приобретения тех или иных форм культуры (включая язык) соседних народов, происходящие в условиях сосуществования и общения на одной территории, без полной утери исконно этнической культуры.

Анализ косвенных и прямых исторических данных и легенд, а также материалы лингвистических изысканий, позволяет утверждать, что предки горских евреев в результате вавилонского пленения были переселены из Палестины в Месопотамию, которая позднее вошла в состав Персидского государства. Со временем предки горских евреев адаптировались к новой этноязыковой ситуации и усвоили сначала один из арамейских языков, а позднее – персидский язык. Начало смены древнееврейского, а затем и арамейского языков предков горских евреев персидским языком мы рассматриваем как последовательные этапы их аккультурации и языковой ассимиляции. При этом довольно длительное время предки горских евреев были двуязычны: наряду с древнееврейским языком, используемым для внутриа этнического общения и при отправлении религиозных обрядов и ритуалов, они широко употребляли арамейский, а позднее и персидский языки. Последний был необходим им при общении с окружающим населением.

Формирование горских евреев и их этнической культуры со времени переселения их предков в Прикаспийскую низменность (примерно в VI в. н.э.) происходило в длительном историческом

общении и хозяйственно-культурных взаимосвязях с народами Северного Азербайджана и Южного Дагестана. Предки горских евреев, оказавшись после очередного переселения на Восточном Кавказе, активно включались в процессы аккультурации, чтобы адаптироваться для самосохранения в новой этноязыковой, культурной, конфессиональной и политической ситуации.

Владея историческим опытом специфического языкового поведения в диаспоре, горские евреи легко воспринимали языки страны (или селения в условиях полиэтничного Дагестана) проживания в качестве средства бытовой коммуникации. В конце XIX-начале XX в. наибольшее распространение среди горских евреев Дагестана получили тюркские языки: азербайджанский и кумыкский, которые являлись языками межэтнического общения населения Восточного Кавказа. Так, например, горские евреи, живущие в Азербайджане – Красной слободе, Кубе, Баку и других населенных пунктах, а также в Южном Дагестане – в городе Дербенте, селениях Ньюгди, Аглаби, Хошмензиль, Марага, Мугатыр, Рукель и др., свободно владели азербайджанским языком.

Кумыкским языком свободно владели горские евреи из селений Маджалис, Янгикент, Бойнак, Доргели, Тарки, Султан-Янги-Юрт, Эндирей, Хасавюрт, Аксай, Костек, а также из городов Темир-Хан-Шура, Порт-Петровск, Грозный, Нальчик, Моздок, Ставрополь и др.

Горские евреи, жившие в селениях Ашага-Араг, Мамрач, Карчаг, Ханджал-кала, Ахты и др., владели лезгинским языком. В конце XIX-начале XX в. слабое распространение среди горских евреев Дагестана получили другие языки: даргинский (сел. Маджалис), аварский и лакский (единичные случаи).

Со второй половины XIX в., когда русский язык становится официальным языком Дагестанской области, горские евреи активно осваивают и русский язык. В настоящее время, подавляющее большинство горских евреев (86 %) свободно владеют русским языком и значительная их часть – языками народов места их проживания. Таким образом, практически все взрослое горско-еврейское население, как правило, владело и владеет двумя, тремя и более языками. При этом доля лиц, считающих родным язык своей национальности, достаточно велика и достигает 90-92 %, что является свидетельством высокого уровня национального самосознания и сплоченности.

В результате устойчивых многовековых хозяйственно-торговых и культурных связей горских евреев с народами Дагестана складывается однотипность, схожесть, общность хозяйственной деятельности, материальной и некоторых элементов духовной

культуры горских евреев с аналогичными компонентами культуры и быта соседних народов края.

Традиционными занятиями горских евреев являются земледелие, ремесло и торговля, игравшие главную или второстепенную роли в зависимости от конкретной ситуации. По свидетельству ученого-этнографа И.Ш.Анисимова «главные занятия горских евреев заключаются: а) в обработке земли, в возделывании полей, на которых сеют пшеницу, ячмень, маис, рис, в разведении виноградных и фруктовых садов, в культивировании марены и овощных растений; б) по обрабатываемому производству: в выделке сафьяна, кож из сырых шкур, которые получают они или от своих домашних животных, или у туземцев за деньги, или у своих братьев, владеющих стадом коров, баранов, коз, лошадей, и, наконец, в шелководстве и приготовлении сыра, масла из буйволиного и овечьего молока. Сеянием хлеба занимаются горские евреи исключительно в Кюринском и Кайтаго-Табасаранском округах Дагестанской области и в некоторых местностях Бакинской губернии» (Анисимов, 2002. С. 39).

Горские евреи выращивали пшеницу, ячмень, рис, овес, полбу, кукурузу, а также горох, чечевицу. Возделывание зерновых и бобовых сочеталось с выращиванием садово-огородных и технических культур. В ряде местностей: г. Дербенте и округе, сел. Маджалис и др. селах древним занятием горско-еврейского населения было виноградарство и виноделие. По данным М.М.Ихилова, в дербентских виноградниках выращивалось до 20 сортов винограда (Ихиллов, 1960. С. 555). Вплоть до 60-х годов XIX в. отмечены случаи, когда виноградарство как более рентабельное производство вытесняло хлебопашество. Горские евреи вместе с армянами были основными производителями местных виноградных вин, ибо мусульманское население Дагестана из-за религиозных запретов не могло заниматься виноделием.

Садоводство также получило большое развитие у горских евреев: они выращивали нежир, тут, сливы, абрикосы, миндаль, алычу, яблоки, айву, груши, грецкий орех, вишню, черешню, гранаты и др. Народные приемы селекции позволяли создавать устойчивые и урожайные сорта фруктовых деревьев и винограда.

«Табаководством занимаются горские евреи, - писал И.Ш.Анисимов, - тоже в большом количестве, даже большем, чем садоводством, особенно в аулах; затем следует кожевничество; эти два промысла проникли особенно в низшие слои горско-еврейских общин» (Анисимов, 2002. С. 49). Из технических культур они выращивали марену («нугорос») (до изобретения ализарина), разводили шелкопряда.

Значительное место в жизни горских евреев – горожан, не имевших земли, по данным М.М.Ихилова, занимала малкая торговля

и посредничество при торговых сделках. «В торговых делах, - писал о горских евреях А.В.Комаров, - они постоянно служили посредниками между горцами и жителями плоскости, поэтому селились преимущественно в тех местах, где оканчивается равнина и начинаются горы, как, например Дженгутей, Дургали, Маджалис, Маграга, Куарчаг, Мамрач, Хенджеле-келе» (Комаров, 1873. С. 25).

В городах купцы имели свои лавки, а часть горских евреев объезжала почти все, включая и горные, аулы Дагестана, предлагая населению мелкие товары широкого потребления, мануфактуру и др.

Огородничество и бахчеводство (выращивание лука, зелени, редьки, капусты, арбузов, дынь, огурцов и др.) у горских евреев носило подсобный характер. Весьма слабое развитие у них имело разведение мелкого рогатого скота и птицы.

Специфичной чертой материальной культуры горских евреев, как справедливо отмечал М.М.Ихилев, является однотипность, схожесть, общность с аналогичными элементами культуры и быта соседних народов, которые сложились в результате устойчивых многовековых хозяйственных и культурных связей. «Как в хозяйстве, так и в жилище, одежде, пище, горских евреев имеется много общих черт с горцами. Расположение поселений, строительная техника, планировка жилища горских евреев почти такие же, как у соседних горцев; но налагаемые религией ограничения приводили до революции к тому, что горские евреи селились в особых горско-еврейских кварталах в пределах общих с другими горцами аулов» (Ихилев, 1949. С. 9). Таким образом, в результате этнокультурной адаптации горские евреи в Дагестане обрели почти одинаковую с соседями строительную технику, планировку жилищ (с некоторыми особенностями в интерьере), орудия ремесла и сельскохозяйственного производства, оружие, украшения.

В середине XIX в. горские евреи проживали в 29 населенных пунктах Дагестана, в которых насчитывалось 1222 хозяйства (Комаров, 1873. С. 26). Собственно горско-еврейских поселений было немного: селения Ашага-Араг (Джугут-Араг), Мамраш (Мамрач), Ханджал-кала, Ньюди (Мюшкур), Джараг, Ньютиг, Аглаби, Хошмензиль, Янгикент (Нюгди) (см. карту).

Большая часть горских евреев проживала в отдельных кварталах (мэхьэле, магалы, аул), расположенных внутри дагестанских селений и городов; относительно большая община их находилась в Дербенте. Горско-еврейские селения и кварталы в иноязычных селениях расположены на стыке гор и равнин, на лучших в сельскохозяйственном отношении землях. Вместе с тем необходимо

оговорить, что большей частью земель горские евреи не владели, а лишь обрабатывали их на арендных условиях.

Традиционные жилища горских евреев, как и у соседних предгорных народов, были каменными и состояли из двух или трех комнат (мужской, женской, гостевой). «Некоторые же богатые горцы, - писал о горских евреях, живущих в городах И.Ш.Анисимов, - имеют и европейские комнаты с порядочной мягкой мебелью» (Анисимов, 2002. С. 95).

Горские евреи заимствовали тип одежды у окружающих народов. Так, еще в середине XIX в. А.В.Комаров обратил внимание, что «женщины носят одежду персидского покроя» (Комаров. 1873. С. 25). Более подробное описание одежды горских евреев содержится в работе И.Ш.Анисимова.

«Костюм женщины составляют: широкие шальвары из канауса, бурсы и других шелковых материй или из цветных ситцев; архалук из атласа - зимою на вате, который надевается сверх рубашки, «чутку» - мешок, покрывающий голову, открытый с концов, и платок, который накидывается сверху чутку. Платки бывают, по состоянию, или кисейные, обшитые кругом черной или белой бахромой, или шелковые персидские (красные и белые), или шелковые цветные. Зимою же женщины носят теплую шерстяную шаль. Иногда шелковая бахрома кругом платка заменяется золотыми кружевами и на чутку - из гладкой шелковой или шерстяной материи - вышиваются золотом и серебром разные цветочки. Архалуки и рубашки отделяются около груди на спине, рукавах и подол серебряными и золотыми галунами. На ноги женщины надевают бумажные чулки и сверху них чувяки из красного или желтого сафьяна. Для выхода из дома сверх чувяков употребляются башмаки, открытые у пятки и закрытые у пальцев» (Анисимов, 2002. С. 102). Этот же автор дает описание мужской одежды:

«Одежду мужчин составляют: ситцевый бешмет, застегнутый на крючки, со стоячим воротником, черкеска из сукна или других прочных материй без воротника, с крючками, застегивающимися у талии и на груди, и с патронташами, заключающими газыри для пороха. Поверх черкески или бешмета опоясываются они поясом, шириною в палец и шире, который украшается часто сверху серебряным или золотым галуном, пряжками и пуговицами из эмальированного серебра или из меди. Около пряжки, спереди, к ремню привешивается кинжал, в серебряных или покрытых черной кожей ножнах. На ноги надеваются «ишимы» - ноговицы, доходящие до колен, из черного сукна или кожи и украшенные галунами. Обувью

служат также чукяки, без подошв, горские сапоги с подковами... Поверх чукяков употребляются башмаки... На голову надевается шапка из курпея (бараньего или овечьего меха)... Зимой... надевают шубы» (Анисимов, 2002. С. 103).

Различия в пище горских евреев были продиктованы религиозными требованиями: запрещалось употреблять мясо животных и птиц, зарезанных не равнином, нельзя было есть свинину и конину, запрещалось одновременно употреблять мясную и молочную пищу, существовали дни, когда нельзя было есть и мясо. Весьма популярной пищей горских евреев была рыба (отварная, фаршированная, жареная, соленая, копченая и пр.), а также зелень, которую, как и рыбу, они употребляли ежедневно. Излюбленные блюда горских евреев изготавливаются из курятины, баранины, риса и различных овощей. «Из кушаний, подающихся в честь гостя или по праздникам. самыми лучшими и любимыми всеми считаются: шашлык, хинкал, приправленный уксусом и чесноком, «курпе» (вареники из теста, содержащие рубленое мясо, яйца с курдючным салом), «тара» (травяная каша с кусочками мяса или сала), «дурма» («долма» или «япрагъы» - М.-Р.И.) (рубленое мясо, обернутое листьями капусты или бураков), «чуду» (пирог с мясом), «ягъини» (суп с говядиной или бараниной с кислыми ягодами), «нермов» (пшеничная каша с кусками мяса или курицы) и прочие. Самою же необходимою пищею считается при гостях «ош», «плов» - каша из сорочинского пшена, приправленная яйцами, изюмом и курдючным салом или ореховым маслом» (Анисимов. С. 101). Распространенными блюдами являются «жаркое» (мясо, тушенное или поджаренное в томатах, луке с картофелем), «бугъломе» (отварная рыба на пару), «хоегушд» (тушеное мясо с луком, приправами, залитое большим количеством яиц), «душпере» (род пельменей). Большое влияние на горско-еврейские традиции питания оказала азербайджанская культура.

Вплоть до конца 1950-х годов горские евреи предпочитали выпекать хлеб в специальных печах двух типов: а) «курук» и б) «тону», «танур». (Ихилев, 1960. С. 560).

Основным типом семьи у горских евреев примерно до первой трети XX в. была большая нераздельная трех-четырёхпоколенная семья. Численный состав таких семей колебался от 10 до 40 человек. Большие семьи («келе кифлет»), как правило, занимали один двор, в котором у каждой отдельной семьи имелись свои дома или несколько изолированных комнат. Главой большой семьи являлся отец, которому все должны были подчиняться, он определял и организовывал решение всех первоочередных хозяйственных и других проблем семьи. После смерти отца главенство переходило к старшему сыну.

Несколько больших семей, происходивших от общего предка, образовывали тухум или тайше. Существовало строгое половое и возрастное разделение труда. Женщины и девушки вели замкнутую жизнь, стараясь не показываться посторонним. Большое значение придавалось трудовому, нравственному и физическому воспитанию детей и подростков, у которых вырабатывались такие качества, как трудолюбие, усердие в достижении цели, уважительное отношение к старшим, умение адаптироваться в новых условиях, оптимизм. Горским евреям, как отмечают наблюдатели, присущи сметливый ум, находчивость, надежность в партнерстве, поиски компромиссных решений и т.п. «Уважение и внимание к гостю - черта общая всех горских племен – считается у евреев-горцев священной обязанностью... Каждый горец-еврей имеет в других аулах своих кунаков, еврея или мусульманина, у которых он останавливается; также и каждый мусульманин» (Анисимов, 2002. С. 99). Гостеприимство и куначество были жизненно важными общественными институтами, помогавшими горским евреям выдерживать многочисленные притеснения; институт побратимства с соседними народами также являлся своего рода гарантом поддержки горских евреев со стороны окружающего населения. У кумыков распространена поговорка: «Эрмели булан аша, джувут булан яша» («С армянином дели трапезу, с евреем живи по соседству»), что свидетельствует о доверии к горским евреям и их надежности. «Домашний быт горских евреев основан на адатах (обычаях), перешедших к ним от предков, и на некоторых обычаях, усвоенных евреями от других племен Кавказа. Помогать ближнему в случае нужды, если не материально - деньгами, то работою рук своих, считается священным долгом у евреев-горцев» (Анисимов, 2002. С. 104). В общественном быту до недавнего времени сохранялись обычай взаимопомощи («кумеки» или «булка»), кровной мести («хунгир»).

Большое влияние на семейный быт и другие стороны социальной жизни оказывала иудейская религия, регулирующая семейно-брачные отношения и другие сферы. Религия запрещала горским евреям вступать в брак с иноверцами. Религия разрешала многоженство, однако на практике двоеженство наблюдалось большей частью среди зажиточных слоев и раввинов, особенно в случаях бездетности первой жены. Права женщины были ограничены: она не имела права равной доли в наследстве, не могла развестись и т.д. Браки заключались в 15-16 лет (девушки) и 17-18 (юноши), как правило, между двоюродными или троюродными братьями и сестрами; распространены институты деверата и сорората. За невесту платили «калым» (калым, деньги в пользу ее родителей и на покупку приданого). Сватовство («ильчи»), обручение

(«кидушин») и особенно свадьбу («аруси», «той») горские евреи отмечали несъема торжественно; при этом обряд заключения брачного договора («кетубо») и венчания («мейр») происходил во дворе синагоги («хупо»), затем следовал свалобный ужин с поднесением подарков молодым («шермеку»). Наряду с традиционной формой брака по сговору существовал брак похищением (умыканием). Рождение мальчика считалось большой радостью и встречалось торжественно; на восьмой день совершался обряд обрезания («миле») в ближайшей синагоге (или дома, куда приглашался раввин), который завершался торжественным широм с участием близких родственников.

Похоронные обряды совершались в соответствии с установками пудаизма; вместе с тем, в них прослеживаются следы языческих ритуалов, характерные для кумыкского и других тюркских народов. У соседних народов горские евреи заимствовали ряд языческих поверий и обрядов.

Результатом этнокультурных процессов является билингвизм и бикультурализм, проявляющийся в идентичности, схожести и общности многих элементов традиционных занятий и материальной культуры горских евреев с соответствующими формами хозяйственно-культурных комплексов окружающих народов Восточного Кавказа: азербайджанцев, кумыков, лезгин, кайтагцев, даргинцев, татов, табасаранов, агулов, аварцев и лакцев. Более того, горские евреи примерно со средневекового периода, стали органической частью этнического состава Восточного Кавказа и не случайно они воспринимались и воспринимаются как кавказцы, а потом как евреи. Их «кавказское происхождение» на первом месте, как для самих себя, так и для окружающих их народов Кавказа. Это и есть наиболее существенный, важный результат процессов аккультурации горских евреев, который можно зафиксировать к концу XIX-началу XX в., когда началась новая страница в истории горских евреев, связанная с первыми контактами с Эрец-Исраэлем.

Одним из проявлений этнокультурных процессов следует считать процесс «татизации» горских евреев. Под влиянием политико-идеологических причин, в том числе проявлений антисемитизма (хотя справедливости ради надо подчеркнуть, что в Дагестане антисемитизм носил эпизодический и незначительный характер) примерно с конца 1930-х и особенно активно с конца 1960-начала 1970-х годов часть горских евреев стала называть себя татами. Процесс «татизации» был поддержан официальными властями Дагестана и по сути своей был направлен на денуданизацию горских евреев (Членов, 2002. С. 179). Вместе с тем надо уточнить, что подавляющее большинство горских

евреев продолжает сохранять свое горско-еврейское этническое самосознание и лишь формально считает себя татами. На вопрос о том, кто они по национальности даже те, кто записался татами, отвечают: «ме джуурум», то есть «я еврей». «Татская» теория, как справедливо отмечает профессор М.А.Членов, «продолжает как-то существовать только в Дагестане, где таты официально признаны одним из народов республики. Дочь Х.Авшалумова, Л.Авшалумова представляет татов как народ в Государственном Совете Дагестана. Однако политическая напряженность и экономический кризис в этой части России приводит к оттоку оттуда горских евреев. Вместе с ними слабеет и татская теория, конец которой, видимо, уже близок» (Членов, 2000. С. 194). В настоящее время даже сторонники «татской» теории, то есть те, кто официально называют себя татами, понимают, что они являются на самом деле горскими евреями, так как настоящие таты, то есть иранцы по происхождению, живущие вблизи города Дербента, еще в начале XX в. в результате процессов тюркизации записались азербайджанцами. Таким образом, в течение относительно короткого времени дважды произошла смена содержания этнонима «таты», а горских евреев, называющих себя татами, следует считать «псевдотатами».

В последние годы, в связи с ростом напряженности, войнами и конфликтами на Кавказе, отсутствием личной безопасности, неуверенностью в завтрашнем дне, многие семьи горских евреев вынуждены принимать решение о репатриации. На постоянное жительство в Израиль и др. зарубежные страны из Дагестана за 1989-2002 гг. выехало 13 тыс. человек, в основном это горские евреи (Миграция, 2000. С. 36., Демографический ежегодник, 2003. С. 155). Возникла реальная угроза исчезновения горских евреев с этнической карты Дагестана. Для преодоления этой тенденции необходима разработка эффективной государственной программы возрождения и сохранения горских евреев как одного из самобытных этносов Дагестана.

Литература:

1. Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. СПб., 2002.
2. Анисимов И.Ш. Кавказские еврей-горцы. М., 2002.
3. Горские евреи. История, этнография, культура. Составление и научная редакция. В. Дымщина. М., 1999.
4. Давид И. История евреев на Кавказе. Т. 1-2. Тель-Авив, 1989.
5. Еврейская энциклопедия. Т. VI, IX. СПб., 6/т. издания.
6. Демографический ежегодник 2002 год. Статистический сборник. Махачкала, 2003.
7. Ихиллов М.М. Горские евреи. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1949.
8. Ихиллов М.М. Горские евреи // Народы Кавказа. Т. 1. М., 1960.
9. Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1.
10. Комаров А.В. Народонаселение Дагестанской области // Записки КОИРГО. Тифлис, 1873. Кн. VIII.
11. Курдов К.М. Горские евреи Дагестана // Русский антропологический журнал. 1905. № 3-4.
12. Миграция населения Республики Дагестан в 1999 г. Статистический сборник. Махачкала, 2000.
13. Миллер В.Ф. Материалы для изучения еврейско-татского языка. СПб., 1892.
14. Мусаханова Г.Б. Татская литература (Очерк истории 1917-1990 гг.). Махачкала, 1993.
15. Назарова Е.М. Язык горских евреев Дагестана // Вестник Еврейского университета в Москве. М.: Иерусалим, 1996. № 3 (13).
16. Оранский И.М. Введение в иранскую филологию. М., 1988.
17. Семенов И. Кавказские таты и горские евреи. Казань, 1992.
18. Семенов И. О происхождении горских евреев. М., 1997.
19. Хить Г.Л. Дерматоглифика народов СССР. М., 1983.
20. Членов М. Между Сциллой денудации и Харибдой сионизма: горские евреи в XX в. // Диаспоры. М., 2000. Вып. 3.

Членов М.А., проф., Институт им. Меймонида
(Москва)

КТО ТАКИЕ – ЭТИ «ГОРСКИЕ ЕВРЕИ»?

Горские евреи неизменно присутствуют на страницах жизни Кабарды, Чечни, Дагестана, Северного Азербайджана. Кое-где их называют татами, и сами они в какой-то нелегкий период своей жизни пытались называть себя этим именем, произведенным от названия языка. В последние годы они стали частью городской жизни там, где раньше лишь единицы расплывались в многоголосом хоре уличного шума – в Москве, в Петербурге, в Тель-Авиве и Вене. Далеко не везде глаз стороннего наблюдения выхватывает их как нечто целое из толпы и определяет их тем странным названием, под которым они вошли в историю – «горские евреи», евреи – горцы. Чаще всего их с кем-то путают. Для москвичей они – «азеры», часть огромной массы, заполнившей в последнее десятилетие рыночные пространства России. Для немцев или австрийцев – часть турок, которые давно стали привычным элементом среднегерманского ландшафта. В Израиле они занимают место где-то посередине между «русим», многосоттысячной массой выходцев из Советского союза, и «сфардим», не менее многосоттысячной массой выходцев из стран Востока. И нередко на всех этих пространствах можно услышать вопрос – кто такие эти «горские евреи»? Где народились, откуда пришли, почему ушли? И наконец, основной вопрос, который часто можно было услышать – а евреи ли они? Уж больно непохожи на привычных всем украинских или литовских евреев с их идишем, привычными фамилиями и именами, местечковым бытом.

Все эти вопросы задавали мне не только посторонние люди, интересовавшиеся неожиданно возникшим перед их глазами кавказским народом, но и, главным образом сами горские евреи, которых последние события их богатой тревожными судьбы совсем сбили с толку. Простые люди, привыкшие с уважением относиться к собственным авторитетам, людям, происходившим из известных и заслуженных семей, добившихся известного положения в системе иерархических ценностей советского общества, пытались честно понять, что означают призывы некоторых из их лидеров, представителей творческой интеллигенции и советской номенклатуры, перестать ощущать себя евреями и осознать себя татами, представителями единого «арийского, иранского» народа, чьи предки исповедовали много разных религий, а в наше прогрессивное время

сбросивших с себя вообще ярмо невежества и религиозного угнетения...

... Очевиден факт принадлежности этого небольшого народа к евреям, но и не менее очевидно, что горские евреи – кавказский народ, даже более точно, восточнокавказский, принадлежащий к мусульманской части этого региона. И когда лидеры т.н. «татского движения» говорили о своем народе как о кавказском, они не кривили душой. О том же говорил и покойный ныне знаменитый горско-еврейский этнограф Михаил Мататович Ихилев, человек, который из очень немногих представителей горско-еврейской интеллигенции пытался многие годы противостоять поддержанной официальными властями Дагестана кампании по «татизации» и «деуидаизации» этой небольшой части еврейства. Он утверждал единство еврейского и кавказских начал в жизни народа, отмечая, что, будучи интегральной частью еврейства, горские евреи могут с равным основанием претендовать на то, чтобы считаться одним из коренных народов Дагестана.

Из предисловия к книге «Горские евреи: история, этнография, культура». Иерусалим – Москва. 1999 г. С. 6-7.

Гусейнов Р.А., проф. д.и.н.
Национальная Академия наук
Азербайджана (Баку)

ИУДАИЗМ, КАВКАЗИМ И ХАЗАРСКИЙ КАГАНАТ

1. В истории еврейства, как и самого еврейского народа, определенное место занимает проблема взаимосвязей между иудаизмом, кавказим и Хазарским каганатом. Он подтверждает существование зоны контактов и синтетного развития там, где соприкасались эти три составные элемента торгово-экономического и культурно-конфессионального общения, а также наличия базисного вектора континуитета между ними.

2. Иудаизм в Кавказский регион принесла та часть еврейского народа, которая переселилась сюда много столетий назад и остается здесь до сего дня. Она получила известность как кавказим и представлена в регионе двумя историко-культурными общностями: грузинскими и горскими евреями.

3. Созданный тюркскими племенами Хазарский каганат, существовавший в VII-X веках и занимавший в период могущества Северный и часть Южного Кавказа, Приазовье, Крым, степные и лесостепные пространства до Днепра, находился в многоплановых связях со многими племенами, народами, странами и государствами Евразии. Каганат играл заметную роль в политической жизни огромной территории. Поэтому современные ему «великие державы» - Византийская империя со своим христианством и Арабский халифат с его исламом стремились использовать хазар в собственных геополитических интересах. Одной из форм реализации этих планов они избрали распространение своих конфессий.

4. Однако Хазарский каганат искал самостоятельный путь в политической и конфессиональной сферах. Его стремлениям более других религий соответствовал иудаизм, ибо в VII-X веках он не был связан с какой-либо государственной или политической системой, и его адепты выступали лишь в роли купцов, миссионеров и культуртрегеров. Поэтому принятие иудаизма в качестве официальной конфессии никоим образом не могло повлиять на статус Хазарского каганата. Ибо эта религия являлась в данной ситуации «нейтральной» формой идеологии. Вместе с тем иудаизм, будучи монотеистическим учением, должен был способствовать централизации и консолидации государства хазар.

5. Главную роль в распространении иудаизма в Хазарском каганате сыграли горские евреи, большая часть которых поселилась в

V-VI веках в историческом Азербайджане, в том числе в Южном Дагестане, благодаря чему среди кавказим именно они имели прямые и длительные многоплановые контакты с хазарами. Миссионерская роль кавказим, в первую очередь горских евреев, подтверждается тем, что они являлись единственными на Кавказе носителями иудаизма, и единственными еврейскими соседями Хазарского каганата.

6. Хотя иудаизм, по определению, является религией исключительно одного народа – еврейского, принятие его хазарами способствовало обретению этой конфессией государственного статуса у другого народа, выдвинуло его на позиции одной из мировых конфессий, а участие в этих процессах кавказим превратило их в распространителей иудаизма далеко за пределами их исторической Родины.

7. Исходя из существующих материалов различного характера, в том числе из еврейско-хазарской переписки X века, можно резюмировать, что: а) иудаизм был принят в Хазарском каганате в качестве государственной конфессии в середине VIII века, и сделано это было осознанно, с учетом объективных политических и идеологических реалий – для дистанционирования от «великих держав», а также – в результате теологического диспута иудейских миссионеров с представителями других конфессий; б) в каганате были построены синагоги, в которых имелась необходимая литургическая утварь, получили распространение Мишна, Талмуд, сборники праздничных молитв, каганы носили иудейские имена; в) наряду с иудаизмом, среди хазар бытовали христианство, ислам, языческие культы, то есть в их государстве существовала религиозная толерантность.

8. Таким образом, в VII-X веках имел место позитивный и плодотворный контакт между иудаизмом, кавказим и Хазарским каганатом. В итоге иудаизм обрел неофитов, кавказим получил статус наибольшего благоприятствования в Хазарском каганате; а это государство сохранило независимость. Вместе с тем распространение иудаизма в Хазарском каганате, то есть в нееврейской среде, является исторической заслугой кавказим, в первую очередь горских евреев Азербайджана и Дагестана.

Тезисы докладов.

Международная конференция «Горские евреи:

с Кавказа в Израиль». Иерусалим, 8-10 октября 2002 г. С. 1-2.

Куповетсой М.С.,
Центр библистики и иудаики
Российского государственного
гуманитарного университета
(Москва)

ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ТАТСКОГО ЭТНИЧЕСКОГО МИФА СРЕДИ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ

На основе анализа широко круга источников: исследований, публицистики, литературных произведений, периодической печати, архивных и полевых этнографических источников, данных советских переписей населения (1926, 1937, 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг., а также российской микропереписи 1994 г.) анализируются причинно-следственные связи и механизмы становления и развития татского этнического мифа.

Анализ этого сложного и малоизученного феномена строится на рассмотрении во времени (с конца XIX до начала XXI в.) и пространстве (в различных регионах традиционного и современного расселения горских евреев, среди различных их групп) основных факторов объективного и субъективного характера, влиявших на его распространение. Выявляются основные элементы татского этнического мифа как идеологической основы этносепаратистских тенденций в среде горских евреев.

Основные выводы:

1. Формирование и развитие татского этнического мифа тесно связано с процессами модернизации, протекавшими среди горских евреев в течение XX века.

2. Фоном для развития подобных тенденций была политика государственного антисемитизма в Российской империи с 80-х гг. XIX и в СССР в 50-е-80-е гг., а также советская политика национально-культурного строительства и разгрома традиционных общинных структур горских евреев в 20-х-30-х гг., Холокост, государственный и общественный антисемитизм в СССР в послевоенные десятилетия.

3. Важную роль в этом процессе играли реально существовавшие этнокультурные различия между горскими евреями и ашкеназами, а также их трактовка частью сформировавшейся за советский период горско-еврейской партийно-государственной и интеллектуальной элитой.

4. В конечном итоге все это привело к серьезным новациям в основных элементах горско-еврейской этнической идентичности -- мифологем, символов и ценностных ориентаций. Среди части горских евреев получили распространение новационные представления о происхождении, прародине, роли иудаизма, языка и культуры, смена этнонима.

5. Подобные процессы шли с разной степенью интенсивности в различные периоды и у отдельных групп горских евреев, что нашло яркое отражение в динамике декларирования ими национальной принадлежности (горские еврей, еврей, таты) при проведении переписи населения, а также частично в процессе смены национальности (еврей, горский еврей и тата) в паспортах.

6. В реальности же процессов аккультурации и ассимиляции собственно татами на всем протяжении рассматриваемого периода не происходило. Среди самих татов имел место завершающий этап ассимиляции с азербайджанцами, а у армяно-татов – с армянами.

7. Заметное усиление еврейского национализма в 70-е-80-е годы и резкое изменение политико-идеологического контекста после распада СССР в 1991 г., а также рост межнациональной напряженности в 90-х годах, и все это на фоне массовой эмиграции, явно затормозили указанные тенденции.

8. При анализе процесса становления татского этнического мифа нельзя не учитывать противоречивую роль дореволюционной и советской академической науки. С одной стороны, в научных исследованиях языка, материальной и духовной культуры горских евреев часто присутствовал явный дисциплинарный детерминизм, а также – в советский период – политико-идеологическая заданность конечных результатов исследований. С другой стороны, практически отсутствовали комплексные этноисторические исследования. В последнем случае следует констатировать отсутствие таких исследований и в настоящее время, в том числе и в Израиле.

Тезисы докладов.

Международная конференция «Горские евреи: с Кавказа в Израиль». Иерусалим, 8-10 октября 2002 г.
С. 11-12.

Занд М.И. д.филолог.н., проф.,
руководитель Института Азии и
Африки Еврейского университета
Иерусалима (Израиль)

РАББИ ЯАКОВ ИЦХАКИ КАК ЛЕКСИОГРАФ И ЛЕКСИКОЛОГ

Рабби Яаков бен Ицхак Ицхаки, именующийся в официальных русских документах иногда Яков Исаак-оглы, иногда Яков Исакович, иногда Яков Ицхакович и известный в горско-еврейской устной исторической традиции как раби Янгиль, родился в 1846 г. в городе Дербенте в семье верховного раввина Дагестана рабби Ицхака бен Яакова (в официальных русских документах молла Исаак Якуб оглы; 1795-1877). В 1868 г., в возрасте двадцати двух лет, он стал верховным раввином Дагестана. В 1907 г. рабби Яаков Ицхаки переселился в Эрец-Исраэль. В том же году он возглавил группу горских евреев, которые основали сельскохозяйственное поселение (ныне город) неподалеку от средиземноморского побережья центральной части страны, названное в его честь Беэр-Яаков (Колодец Яакова). Умер рабби Яаков Ицхаки в 1917 г. в Иерусалиме.

Систематическим исследованием еврейско-татского языка (джухури) рабби Яаков Ицхаки начал заниматься не позже 1868 г., как это явствует из переписки в том же году между ним и ведущим российским гебраистом того времени профессором Аврахамом Элинуху (Альбертом) Гаркави (1835-1919) (Вся известная нам переписка рабби Яакова Ицхаки, как с профессором Гаркави, так и с другими его корреспондентами велась на иврите).

Основные интересы рабби Яакова Ицхаки в исследовании еврейско-татского языка были сосредоточены на лексике. Очевидно, на первоначальных этапах своих изысканий в этой области он ставил своей целью продолжение – с помощью еврейско-татской лексики – многовековой традиции этимологизации и интерпретации многочисленных слов не ивритского и не арамейского происхождения в постбиблейских религиозных канонических текстах – Мишне, Иерусалимском и Вавилонском Талмудах и в мидрашах, в арамейских переводах Библии и в сочинениях постталмудических религиозных авторитетов. В 1869 г., в возрасте двадцати трех лет, рабби Яаков Ицхаки опубликовал в трех номерах еженедельника «ха-Магид», ведущего ивритского периодического издания того времени, большую статью компаративно-лексикологического характера – опыт

истолкования ряда слов, содержащихся в постбиблейских еврейских религиозных текстах, на основе их сближения и сопоставления с близкими по смыслу и по звучанию словами еврейско-татского языка. Эта статья осталась его единственной прижизненной публикацией в области исследования языка горских евреев.

Вероятно, на каком-то достаточно раннем этапе работы компаративно-лексикологического характера рабби Якова Ицхаки пришел к выводу, что она должна быть предварена работой лексикографического характера по систематическому описанию словарного фонда еврейско-татского языка или, по меньшей мере, вестись параллельно с ней: из письма профессора Гаркави к рабби Якову Ицхаки от 1877 г. следует, что к тому времени рабби Яков Ицхаки уже вел по меньшей мере несколько лет и собственно лексикографическую работу по фиксации той лексики еврейско-татского языка, в которой он видел основной словарный фонд этого языка, и перевод на иврит тех лексем, которые он отнес к этому фонду.

Работа, вероятно, продвигалась медленно: напомним, что от времени первого известного нам свидетельства о лингвистических интересах рабби Якова Ицхаки (письмо к профессору Гаркави от 1868 г.) и его статьи «ха-Магид» (1889 г.) до времени первого известного нам точного свидетельства о его занятии лексикографией еврейско-татского языка (указанное выше письмо профессора Гаркави к рабби Якову Ицхаки от 1877 г.) прошло восемь-девять лет. Такой темп работы был связан с тем, что рабби Яков Ицхаки мог уделить ей лишь малую часть своего времени: в основном оно уходило на повседневное духовное руководство общиной, главой которой он был, на решение галахических (религиозно-правовых) вопросов, которые возникали у членов общины (часть этой стороны его деятельности отражена в его сохранившейся переписке), на представительство общины и отстаивание ее интересов во взаимоотношениях как с российским административным аппаратом, так и с различными этническими группами в ареале ее обитания.

По ряду данных различного характера можно полагать, что в начале 1880-х годов рабби Яков Ицхаки завершил свои многолетние подготовительные работы как по фиксации лексики еврейско-татского языка, так и по поискам соответствий между рядом лексем этого языка и иноязычными (т.е. не ивритскими и не арамейскими) словами в памятниках постбиблейской еврейской письменности, и решил свести их воедино. Так возникла первая редакция его обсуждаемого в этом сообщении труда.

Первая редакция труда рабби Яакова Ицхаки включает в себя около двух тысяч слов дербентского диалекта еврейско-татского языка и содержит 178 страниц текста в стандартной для России конца XIX-начала XX века так называемой «толстой тетради в твердом переплете», имевшей в своем полном виде всегда 180 листов размером 20,5 на 17 см.

О том, что эта редакция не возникла без кропотливых предварительных разработок, свидетельствует высокая степень организованности текста. Каждому еврейско-татскому слову рабби Яаков Ицхаки отводит отдельную словарную статью, которая открывается этим словом. Еврейско-татское слово, открывающее словарную статью, написано крупным квадратным еврейским шрифтом с полностью пространными, за очень немногими исключениями, дополнительными знаками (в еврейской письменности терминология – «некудот») для обозначения гласных звуков. Согласные звуки /дж/ и /ч/, не имеющие графем в еврейском алфавите, передаются еврейской буквой «гимель» с дополнительными диакритическими знаками. Еврейско-татское слово, открывающее словарную статью, сопровождается переводом на иврит или описательным истолкованием на этом языке. Ивритская, переводная описательная часть словарной статьи написана одной из разновидностей ивритского восточного полукурсива с немногими элементами скорописи, мелким каллиграфическим почерком.

Иногда одна словарная статья содержит два или несколько еврейско-татских омонимов. В таком случае порядок расположения материала и способ написания в статье следующее: 1. Первый омоним (крупным квадратным еврейским шрифтом с полностью проставленными знаками для обозначения гласных звуков); ивритский перевод или ивритское истолкование первого омонима (мелким полукурсивом с элементами скорописи); 2. После ивритского перевода или истолкования первого омонима – второй омоним (также крупным квадратным еврейским шрифтом; знаки для обозначения гласных звуков могут быть проставлены полностью или частично или отсутствовать); ивритский перевод или ивритское истолкование второго омонима (также мелким полукурсивом с элементами скорописи); если имеется третий омоним, порядок его приведения и способ написания его составных частей такие же, как для второго омонима. Иногда в одной словарной статье даются основная лексема и одна или несколько ее производных, или слово в его именном значении и составной глагол, в котором это слово служит именной частью, или слово и словесный оборот, частью которого это слово

является. Во всех этих случаях порядок приведения составных частей статьи и способ написания такие же, как в статьях, посвященных фиксации и переводу (или истолкованию) омонимов.

Иногда еврейско-татское слово, наряду с ивритским переводом или истолкованием, сопровождается переводом на значительно германизированный идиш. Вкрапление слов и словесных оборотов на таком идише было распространенным явлением в хорошо знакомом рабби Якову восточно-европейском письменном иврите его времени и отсюда использование им ряда слов этого языка в своей работе. Такой перевод обычно заключается в скобки и пишется тем же мелким полукурсивом, что и ивритская часть словарной статьи. Еще реже даны переводы на русский язык, также в еврейской графике.

Словарные статьи сведены Яковым Ицхаки в словарные главы. Каждая глава содержит словарные статьи, открывающиеся еврейско-татскими словами, которые начинаются на одну и ту же букву. Следуя многовековой традиции ивритской лексикографии, рабби Яков Ицхаки располагает словарные статьи в каждой словарной главе в неполном алфавитном порядке, при котором учитывается последовательность лишь первых двух букв слова, открывающего статью.

В весьма редких случаях словарная статья состоит лишь из одного еврейско-татского слова, после которого оставлено пустое место для последующего перевода или истолкования.

На полях многих страниц рукописи имеются авторские примечания. Количество таких постраничных примечаний колеблется от одного до шести. В подавляющем большинстве случаев примечания посвящены этимологизации и интерпретации с помощью еврейско-татской лексики слов неивритского и неарамейского происхождения в постбиблейских религиозных канонических текстах и в сочинениях постталмудических религиозных авторитетов. Если количество примечаний на странице от двух и более, порядок их расположения не всегда совпадает с порядком расположения словарных статей, к которым они относятся, и соответствие между словарной статьей и примечанием определяется написанием одной и той же цифры при слове, открывающем словарную статью (или при одном из омонимов в статье, посвященной двум или более омонимам — см. об этом выше) и при относящемся к нему примечании.

Кроме сведенных воедино результатов многолетних подготовительных работ по фиксации лексики еврейско-татского языка и по поискам соответствий между рядом лексем этого языка и иноязычными (т.е. не ивритскими и не арамейскими) словами в памятниках постбиблейской еврейской письменности, рукопись

содержит ряд словарных статей и компаративно-лексикологических примечаний, отсутствовавших в подготовительных материалах. Эти дополнительные статьи вписаны в свободные места на полях и в промежутках между уже имевшимися словарными статьями. Ряд уже имевшихся ивритских переводов и истолкований зачеркнут частично или – реже – полностью и над строкой даны поправки и новые варианты. Над строкой даны и дополнения к переводам. Иногда поправки, дополнения и новые варианты переводов не умещаются над строкой и продолжаются на свободных местах на полях. Судя по палеографическим различиям между первичным, основным текстом словарных статей и примечаний и текстом дополнений и поправок, внесение их не было однократным актом и рабби Яков Ицхаки много раз возвращался к рукописи этой редакции.

В трех местах рукописи имеются немногочисленные записи грамматического характера. Ссылки на них, а также на грамматические данные, которые отсутствуют в рукописи, но на которые рабби Яков Ицхаки ссылается, как на присутствующие в ней, имеются в некоторых компаративно-лексикологических примечаниях. Из этого можно сделать вывод, что рабби Яков Ицхаки намеревался включить в свой труд и грамматическую часть. Это намерение, однако, не было осуществлено.

Через какое-то время после завершения работы над этой редакцией рабби Яков Ицхаки решил сделать вторую редакцию труда. Эта редакция не была завершена. Она содержит несколько менее трети материала первой редакции, переписанного набело на 57 страницах, также в стандартной так называемой «толстой тетради в твердом переплете». Вероятно, рабби Яков Ицхаки оставил работу над второй редакцией в середине 1880-х годов, когда он занялся составлением обширного собрания молитв и литургических песнопений (пшютйм) к ежегодному циклу еврейских религиозных праздников и постов «Охалей Яаков» («Шатры Яакова») два тома которого (из задуманных трех), вышедшие в Иерусалиме в 1901 и 1908 гг., и по сей день остаются одним из наиболее полных публикаций еврейской литургической поэзии.

Ни в первой, ни во второй редакции рабби Яков Ицхаки не дал своему труду какое-либо наименование.

Рукописи обеих редакций были бережно сохранены сыном рабби Яакова Ицхаки, одним из пионеров еврейского земледелия в Эрец-Исраэль Ицхаком Ицхаки (1885-1980). В конце 1920 г. Ицхак Ицхаки подготовил этот труд к печати, озаглавив его «Опар хамиллим шел ха-сафа ха-татит-йехудит» («Тезаурус слов еврейско-

татского языка») и внеся в него ряд изменений редакционного характера, а также варианты и дополнения к переводным пояснительным частям некоторых словарных статей. В этом виде труд рабби Якова Ицхаки должен был быть опубликован в 1930 г. в Тель-Авиве в шестом томе сборника «Решумот», посвященного различным аспектам истории и культуры еврейского народа, но по причинам технического характера так и не увидел света.

В 1975 г. Ицхака Ицхаки передал рукопись труда своего отца и рукопись своей редакции этого труда в Научно-Исследовательский Институт имени Ицхака бен-Цви (1884-1963), занимающийся изучением языка, истории и культуры евреев Востока (Бен-Цви, второй президент Государства Израиль и один из крупнейших исследователей истории евреев Востока, был основателем этого Института, Ицхак Ицхаки был связан с ним узами многолетней личной дружбы).

Автор данной статьи подготовил к изданию сводный текст труда рабби Якова Ицхаки по его второй и первой редакциям, которое содержит, кроме текста труда, предисловия Ицхака Ицхаки, издателя, примечания текстологического и лингвистического характера, библиографию и ряд индексов. В примечания включены и упомянутые выше варианты и дополнения Ицхака Ицхаки к переводным пояснительным частям некоторых словарных статей с указанием их авторства.

Имеются два упоминания того, что еще в 1920-е годы продолжал сохраняться в России русский вариант обсуждаемого труда рабби Якова Ицхаки. Неизвестно, сохранился ли этот вариант до сих пор.

Материалы Международного симпозиума
«Горские евреи Кавказа», 24-26 апреля 2001 г.
Баку – Куба – Красная слобода.
Баку, 2002. С. 140-147

Назарова Е.М.,
Центр библеистики и иудаики
Российского государственного
гуманитарного университета (Москва)

ЯЗЫКОВЫЕ АСПЕКТЫ ТАТСКОГО ЭТНИЧЕСКОГО МИФА: О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ С НАЗВАНИЕМ ЯЗЫКА ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ

В сообщении рассматривается терминологическая ситуация с названием языка горских евреев конца 70-х-начала 90-х гг. XX в. в контексте татского этнического мифа в бывшем СССР, и спустя десятилетие, в первые годы XXI в. в России.

1. Анализируется ситуация конца 70-80-х гг., введение в научный обиход терминов эвфемизмов для осуществления этнического камуфляжа этнонима (название народа) «таты» и лингвонима (название языка народа) «северный диалект татского языка» посредством вытеснения устоявшихся терминов, которые бытовали к тому времени в науке более ста лет: этнонима «горские евреи» и лингвонимов «еврейско-татский язык», «язык горских евреев».

Делаются выводы:

Название горских евреев использовалось в качестве предмета мифотворчества в контексте развития татского этнолингвистического мифа. Вопрос, который с конца 70-х и до начала 90-х гг. дебатировался в дагестанской прессе, как пользоваться терминами «язык» и «диалект» в применении к еврейско-татскому и собственно татскому языкам, являлся не собственно лингвистическим, а в значительной степени политическим. Научная проблема была использована отдельными представителями горско-еврейской партийно-государственной элиты в целях политической демагогии и для антинаучных спекуляций.

2. Сегодня, спустя одно десятилетие после рассмотренного выше периода, автору сообщения представляется актуальным высказаться по терминологическим вопросам, имеющим немаловажное значение и в данное время для языка горских евреев в собственно научном контексте. Как по работам лингвистов-теоретиков, так и по собственным наблюдениям автору сообщения известно, как сложны в науке проблемы, связанные с определением соотношения понятий «язык» и «диалект», и насколько опасно их широкое обсуждение, когда вокруг них закипают не только научные, и ненаучные споры.

В теоретической литературе и в различных работах по частным отраслям языкознания выделяются три основных критерия

объединения сходных близкородственных форм речи в единую при разрешении проблемы «язык или диалект?»: а) критерий взаимопонятия и взаимной лингвистической близости; б) наличия объединяющего их общего литературного языка или иной наддиалектной нормы, т.е. по существу ориентация на единый культурный центр; в) единства этноса и осознания этого единства носителями локальных языковых разновидностей. Решающим практически оказывается последний – социально-этнический критерий. Эти проблемы не только и не столько лингвистические, сколько социолингвистические и социально-этнические, и без учета таких факторов, как наличие или отсутствие единого литературного языка, они не могут быть решены однозначно. Признаки «языка» и «диалекта» имеют определенную иерархию, и с ней необходимо считаться. Современная терминологическая ситуация с названием языка горских евреев требует решения данного вопроса и не только в рамках научного знания.

Существование двух самостоятельных языковых идиомов – еврейско-татского языка и собственно татского впервые было зафиксировано в литературе с середины XIX в. (И.Березин, Б.Дорн, В.Гейгер, В.Ф.Миллер и др.). Введенные в дальнейшем в научный обиход сведения об этих двух языковых единицах (В.Минорский, Г.Моргенштерне, Б.В.Миллер, А.Л.Грюнберг, Л.Х.Давыдова, Е.М.Назарова и др.) свидетельствуют, что между ними, в соответствии с вышеприведенными критериями, существуют значительные расхождения на всех языковых уровнях и в социолингвистическом аспекте при их несомненной генетической близости. А) Различия между данными языковыми единицами носят системный характер и исключают взаимопонимание между их носителями. Б) Отсутствует объединяющий их литературный язык и иная наддиалектная норма: еврейско-татский идиом имеет форму литературного языка, которым пользуются только его носители – горские евреи, собственно татский язык – бесписьменный и его носители – этнические таты – используют азербайджанский в функции литературно-письменного языка, т.е. отмечается ориентация носителей на разные культурные центры. При этом каждый из идиомов имеет свое диалектное и говорное членение, иначе говоря, они входят в разные языковые объединения. В) Носители данных форм речи являются представителями разных этносов, каждый народ характеризуется своей этнической идентичностью: самосознанием, собственным самоназванием и не отождествляет себя с другим.

Отрицательные показания по трем основным критериям, рассмотренным на фактическом материале данных языков, позволили автору сообщения квалифицировать данные идиомы как самостоятельные национальные генетически близкородственные языки, а не диалекты, как это не аргументируя, научно не обосновывая декларировали отдельные авторы в 70-80-е гг., исходя из политических, а не лингвистических и социально-этнических факторов.

Наличие не одного, а двух языковых идиомов в «татском» языковом континууме должно закономерно отражаться на названиях языковых единиц для более точного определения предмета исследования, в том числе и во избежание терминологической путаницы. Существенна и квалификация языкового статуса этих форм речи: «язык или диалект?».

Представляется, что вопросы названия языка и квалификации «язык» или «диалект» должны решаться специалистами по данным языкам, исходя из конкретных фактов (включая не только специфику системы языка, но и результаты социолингвистического обследования, анкетирования и пр.), считаясь с мнением самих носителей языка, с уважением к авторитетам, но без преклонения перед ними, и с учетом того, что ситуация с языком горских евреев сегодня иная, чем была тридцать, а тем более сто лет назад.

В сообщении приводятся варианты терминов названий языка горских евреев описательного и этнического характера.

Тезисы докладов.

Международная конференция «Горские евреи:

с Кавказа в Израиль». Иерусалим, 8-10 октября 2002 г.

С. 9-10.

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ПУБЛИКАЦИИ О ГОРСКИХ ЕВРЕЯХ

В начале этого года в газете «Вестник ЕАР» была опубликована статья Майи Немировской «Выше гор могут быть только горцы» (2000, № 5, с. 2), посвященная горским евреям, их истории и современности.

Автор сумела мягко и осторожно в духе историко-просветительской ориентации «Вестника...» затронуть некоторые важные вопросы истории и этногенеза горских евреев, обратить внимание на терминологический разнобой в названии народа: «горские евреи» или «таты», пытаясь дать этому объяснение, видимо, опираясь на только что вышедшую книгу «Горские евреи», о которой затем сообщает читателям.

Из ее информации узнаем, что книга вышла в издательстве «Даат» (Иерусалим–Москва) под общей редакцией И.Бегуна, составитель В.Дымшиц, вступительная статья написана М.Членовым.

Краткую характеристику, которую дала книге М.Немировская как «монументальному труду по истории и культуре народа, включившему в себя множество неизвестных доселе фактов из жизни горских народов», не мешало бы чуть шире раскрыть, хотя бы перечислением фамилий авторов, из работ которых составлен сборник.

Ведь заинтересованные читатели за пределами Москвы и, в частности, у нас в Дагестане, вряд ли смогут найти это издание и познакомиться с ним.

Многих уже заинтересовали эти «неизвестные доселе факты из жизни горских народов», приведенные в книге, о которой упоминает М.Немировская.

Понимаю, что основная задача М.Немировской не рецензирование этого труда, а желание заинтересовать широкие читательские круги, которые почти не знакомы с жизнью горских евреев Кавказа.

Прежде всего хочу отметить важность исходного тезиса ее информации: «Историки свидетельствуют: горские евреи – потомки древних иудеев, дошедших из северо-западной Персии до гор Кавказа – сегодняшнего Азербайджана и Южного Дагестана. По преданию, эти потомки десяти потерянных колен Израилевых, или евреев, угнанных в Вавилонский плен Навуходоносором в VI в. до н.э.

Несомненно одно: горские евреи пришли на Кавказ в начале первого тысячелетия. Они – ветвь первой вавилонской диаспоры».

Давно уже в нашей прессе, особенно в дагестанских газетах, не было такого открытого напоминания об исторических корнях горских евреев, ибо в последние десятилетия это название народа стало подменяться термином «таты» - названием другого народа.

Если прежде лишь отдельные представители молодежи, выезжавшие на учебу или на работу за пределы Кавказа, пытались приписать себе термин «тат», что было их частным делом, то в последнее тридцатилетие существования СССР (1961-1991 гг.), эта замена буквально навязывалась людям группой из среды же горских евреев, не имеющих отношения к исторической науке, но оказавшихся востребованными определенными идеологическими структурами бывшего СССР для сокрытия горских евреев от мировой общественности и возможной их эмиграции в Израиль, который сначала своего появления на исторической арене (1948 г.) объявил о том, что все евреи мира считаются и гражданами еврейского государства. Панадеей от этого была признана «татизация» горских евреев, совпавшая по времени с разрывом дипломатических отношений между СССР и Израилем, послужившая взлету антисемитской кампании в стране, хотя появление Израиля, как суверенного государства в 1948 г., происходило при активной поддержке СССР.

В этих условиях фальсификация истории горских евреев приобрела негласно почти силу закона.

Наши «горе-политики», вопреки истории народа, данным антропологии, искажая научную литературу, произвольно толкуя многие источники, стали утверждать, что горские евреи никакого отношения не имеют к еврейским корням, а являются якобы лишь частью исконных татов – (иранцев), вынужденных принять иудаизм, живя на Кавказе в период иудаизации хазар. Поэтому они их решили назвать «татами-иудаистами».

Единственной «зацепкой» для этого их «открытия» явился лишь тот факт, что предки горских евреев в течение многих столетий, проживая на территориях, подвластных Ирану, постепенно в качестве коммуникативного языка овладели одним из персидских языков, названных в науке «татским» по носителю этого языка – небольшой иранской народности, рядом с которыми жили предки горских евреев, прозванной тюрко-монгольскими завоевателями пренебрежительно «татами» (т.е. покоренными, пленными), который и закрепился за ними впоследствии в качестве этнонима.

Однако иврит остался в среде горских евреев языком богослужения, книжной культуры – Торы и других священных книг, языком обучения грамоте (хотя и не широко распространенной), частной переписки, официальной документации и определенной литературной традиции, то затухавшей, то развивавшейся вплоть до начала 20-х гг. XX в., когда в период воинственной атеизации советского общества почти вся старописьменная культура многих народов Советского Востока, как и арабоязычная культура народов Дагестана, была отвергнута, как религиозная и антинародная.

Один из первых исследователей татского языка, известный русский ученый, академик (тогда профессор) В.Ф.Миллер еще в конце XIX в., говоря о татском языке и охарактеризовав двух основных его носителей генетически разными этносами, отмечал и существенные различия между их языками, т.е. между языком исконных татов-иранцев и языком горских евреев, усвоивших татский язык, который он назвал «еврейско-татским наречием».

Более того, В.Ф.Миллер указывал, что горские евреи говорят на «иранском наречии, произносимом с семитской артикуляцией, построенном отчасти фонетически, отчасти морфологически на тюркский лад» (В.Ф.Миллер. «Материалы для изучения еврейско-татского языка». М., 1892). А в лексике их языка обнаружил определенный пласт древнееврейских слов, связанных не только с религией, но и с бытом, историей.

С течением времени все более и более обозначились и существенные различия между этими языками в их функциональной роли. Еще до революции еврейско-татский язык стал развиваться как письменный язык, после того, как в начале XX в. один из образованных людей Дербента того времени раввин Э.И.Пинхасов, получивший еврейское педагогическое образование в Вильно, создал на основе древнееврейской графики алфавит для татского языка горских евреев. Этим алфавитом горские евреи пользовались для школьного обучения и в первое советское десятилетие, вплоть до 1928-30 гг., до реального перехода на новый алфавит на основе латиницы. Все последующие реформы языка в стране коснулись и этого языка, который получил статус одного из письменных литературных языков Дагестана, зафиксированного уже первыми Конституциями ДАССР, правда, при этом была упущена первая часть названия, данная В.Ф.Миллером, он стал называться просто «татским» языком. Тогда слово «еврейский (еврейское)» воспринималось не как этническое обозначение, а как религиозное понятие.

Сами же горские евреи свой язык называют «джуури», т.е. «еврейский», а самоназвание их «джуур, джуури» («еврей, мы еврей»), так же «джуудларами», «джуудами» называют их азербайджанцы и братские народы Дагестана.

В то время, как язык горских евреев приобретал статус литературного языка, язык же исконных татов (иранцев) так и остался бесписьменным на уровне диалекта, ибо в качестве языка обучения они воспользовались азербайджанским и со временем слились с азербайджанцами и с послевоенных лет выступают под одним этнонимом с ними. Так с карты народонаселения Дагестана (как и в соседнем Азербайджане) давно исчезли исконные таты, превратившись в азербайджанцев. Этнические таты (иранцы) никогда не отождествляли себя с горскими евреями, они даже не воспользовались татской письменностью горских евреев, когда проводились в стране реформы по введению новой письменности в 1928, 1938 г.г.

Для этого очевидного и «кричащего» языкового различия между горскими евреями и исконными татами, сторонники «татизации» горских евреев прибегли к еще одной подтасовке, незаметной для несведущих людей, а именно: рассуждения об исконных татах (персах), когда говорили о происхождении горских евреев, которым приписывали якобы этническое единство с ними, незаметно подменяют, затрагивая языковую ситуацию, данными лишь языка горских евреев и той их части, записавшихся не так давно «татами», запугывая читателей своими хитросплетениями, что до сих пор многие из них, даже среди образованных читателей в Дагестане, не могут разобраться в этом вздоре.

Жонглируя терминами «таты» и «таты-иудаисты», они вопреки фактам, утверждают, что для них была выработана единая письменность в советский период, («забывая»), что они говорят лишь о татском языке горских евреев, ведь письменность создавалась (как отмечалось выше) только для языка горских евреев и не для всех тато-говорящих народностей.

Следует напомнить, что ни один вопрос социально-политического и национального развития горских евреев в той их части, укрывшихся за термином «таты», никогда в советский период не решался вкупе с исконными татами.

Объяснения М.Немировской этой ситуации таковы: в период «разгула государственного антисемитизма в СССР в 50-60 годы лидеры маленького еврейского кавказского народа вспомнили, как татам (т.е. горским евреям Нальчика – Г.М.) удалось спастись при немцах. «Мы не еврей, мы таты – часть иранской арийской нации - эта идея

становилась популярной в Дербенте, центре татской интеллигенции. Многие отпраплялись менять паспорта и в графе национальность появилась запись «таг». Но люди вновь поменяют паспорта, как только откроется дорога в «Святую землю».

Особенно рьяно «раскрутилась» эта тенденция в период подготовки и проведения двух последних переписей населения бывшего СССР: в 1979 и 1989 гг., усиленной в начале кампанией по обмену паспортов в стране. Печать в республике неустанно трубила, что горские евреи не евреи, а таты-иудаисты, что в Дагестане живут лишь таты, (которые к тому времени давно слились с азербайджанцами), в Дербенте же по домам ходили специальные «консультанты» и разъясняли пожилым людям, что лучше для их детей будет, если они откажутся от своего «устаревшего» национального названия и запишутся «татами».

В результате произошел непредсказуемый произвол, не только искусственно заниживший численность горских евреев в Дагестане, но самое главное - обе части нашего народа - горские евреи и те, кто назвал себя «татами» - представлены как два отдельных народа. А это в свою очередь обернулось значительными негативными последствиями для всего народа в целом, т.к. теперь из прежде признанного статуса коренной народности Дагестана (признанной так даже в 1-ой российской переписи 1897 г.), горские евреи, как и его татизированная часть, попали в разряд «прочих малочисленных народностей», а следовательно уменьшилось выдвижение их на руководящие посты, вообще сказывается на решении их кадровых вопросов, уменьшился и прием горско-еврейской молодежи в ВУЗы республики.

И хотя историческая наука Дагестана отвергает эти домыслы, Институт ИЯЛ ДНЦ РАН много раз представлял в «высшие» инстанции справки о действительной истории горских евреев, вступление в полемику с этой группой в тот период всячески пресекалось, и не только в Дагестане.

Достаточно вспомнить как молодой московский ученый Владимир Чернин вступил в полемику с одним из этих «лидеров» со статьей «Нуждаются ли гипотезы в научной аргументации», опубликовав ее на идише в журнале «Советиш Геймланд» (№ 10, 1982, с. 132-138), убедительно показав научную несостоятельность статьи М.Мататова («К вопросу о татском этносе» Сов. этнография, 1981, № 5, с. 103-112), надуманность его утверждений об этногенезе горских евреев, за что потом молодой оппонент был наказан и отлучен от аспирантуры Института этнографии АН СССР.

Новым научным фактом, опровергающим суть утверждений М. Мататова, является серьезный труд антрополога Г. Л. Хить «Дерматоглифика народов СССР» (М., 1983), в котором проводится обширный антропологический анализ почти всех народов бывшего Советского Союза. Данные автора по дерматоглифике, касающиеся татов и горских евреев, полностью исключают их этническую близость (см. с. 101).

Положительно оценивая статью М. Немировской в ее исходных тезисах, должна отметить, что некоторые ее утверждения вызывают желание дополнить и уточнить их, и, к сожалению, возразить ей. В частности, ее благостный рассказ о том, как избежали во время войны горские евреи Нальчика фашистской расправы, не соответствуют действительности. Им не удалось убедить гитлеровских молодчиков, что они не евреи, а таты-иранцы, исповедующие иудаизм. Фашистские захватчики получили из Германии уточнение, что в Нальчике живут не таты, а евреи и потому должны быть уничтожены, как незадолго до этого было сожжено и уничтожено со всеми жителями еврейское селение выходцев из Дагестана Богдановка, недалеко от Моздока. Осуществлению нового злодеяния помешал факт освобождения Нальчика партизанами и Красной Армией в ночь накануне расправы.

Также вызывает возражение и заключительная часть ее информации о численности горских евреев в Дагестане в настоящее время, звучащее так:

«Сегодня в некогда «самой еврейской республике» СССР – Дагестане – живут 236 горских евреев. Остальная часть эмигрировала в основном в Израиль».

Интересно, где уважаемый автор могла почерпнуть эти данные? Неужели они приводятся в книге, которую она представляет читателям?

Это какая-то нелепая и досадная ошибка! Даже при том, что после восстановления дипломатических отношений России и Израиля с 1991 г., и принятой нашей страной (1989 г.) законе о свободном выезде и въезде наших граждан, позволившем многим горским евреям выехать на постоянное место жительства в Израиль!

Если сравнить данные только по трем крупным городам Дагестана: Махачкале, Дербенту и Буйнакску, в которых проживала большая часть горских евреев республики, то и сейчас в каждом из них проживает в десятки раз больше человек, чем эта смехотворная цифра, которая приводится автором. В этом году, например, только список пожилых людей и инвалидов ВОВ г. Махачкалы, (в котором числюсь и я, составленный в еврейском культурном центре города)

которым перед еврейскими праздниками вручались подарочные пакеты с продуктами и сладостями, составляет свыше четырехсот человек!

Но это лишь список пожилых людей одного города! Они все живут в семьях, и пусть в этом списке окажется человек 10 одиноких, и то общая численность горских евреев, с которыми проживают пожилые люди, окажется свыше 1000 человек. А сколько еще молодых семей с малыми детьми осталось вне этого списка! М.Немировская, конечно, повторила чью-то ошибку. Будем надеяться, что редакция в очередном номере «Вестника» даст исправление этой цифры, иначе получится дезинформация, последствия которой могут быть непредсказуемыми и вызвать широкий резонанс.

Также не могу оставить без внимания и такой акцент статьи М.Немировской: она почему-то уверена, что все горские евреи должны выехать в Израиль, с чем не могут согласиться многие представители нашего народа. Являясь генетически субэтнической группой евреев (как и ашкеназы), горские евреи в то же время, в силу исторических обстоятельств, считаются одной из древних народностей Кавказа и Дагестана. Они веками жили в многонациональной среде: персов, татов, армян, тюрок Восточного Кавказа и особенно горских народностей Дагестана, что способствовало формированию их общекавказских и дагестанской черт характера, быта и культуры. Отсюда и название «горские евреи», закрепленное за ними в отечественной науке с XIX в.

Горские евреи делили со всеми народами Дагестана все превратности его истории, хотя, конечно, их не миновали беды и притеснения местных феодалов. Они внесли и свой вклад в развитие его экономики, ремесел и культуры. Их путь к светскому образованию, как и у других народностей Дагестана, относится в основном к концу XIX-началу XX в. Но в наше столетие они многого достигли. Из среды нашего народа выросла целая армия врачей, педагогов, инженеров, ученых, деятелей культуры, многие имена которых широко известны в республике. И когда в советский период решались проблемы социально-экономического преобразования их жизни, преодоления отсталости, развития их культуры, они, как уже отмечалось, никогда не решались вместе с татами – иранцами, т.к. руководители республики хорошо знали, что это этнически разные народы.

Более того, на начальном советском этапе проблемы горских евреев рассматривались в связи с решением еврейского вопроса в стране. Например, вопросы сельского населения горских евреев решались в свете созданного в середине 20-х гг. в стране специального «Отдела земельного трудоустройства еврейских трудящихся» (ОЗЕТ).

Большое внимание было уделено росту кадров специалистов, интеллигенции, и пока слабо была развита система высшего образования у нас, многие из горско-еврейской молодежи (вместе с представителями братских народов Дагестана), направлялись на учебу в центральные и крупные города страны - Москву, Ленинград, Ростов, Астрахань, Киев, Баку.

Люди чувствовали себя свободными и равноправными гражданами страны и своего Дагестана. Из их среды выросли и государственные деятели, наркомы и министры.

Во время Отечественной войны тысячи горских евреев добровольно встали на защиту нашей страны, многие из них сложили головы в борьбе с фашистскими захватчиками, многие были ранены. Среди множества героев войны, получивших награды за ратный подвиг, двое горских евреев из Дагестана были удостоены звания Героя Советского Союза.

В послевоенные годы семеро колхозников из Дербента удостоены звания Героя Социалистического труда.

А имя знаменитого нашего академика, хирурга, Героя Социалистического Труда, Лауреата Ленинской премии Г.А.Илизарова известно за пределами нашей страны. Также широко известно имя прекрасного хореографа, создателя и руководителя прославленного на весь мир Государственного ансамбля народного танца Дагестана «Лезгинка», удостоенного звания «Народного артиста СССР» Танхо Израилова (В многонациональном Дагестане только трое деятелей искусства удостоены столь высокого звания. Танхо Израилов был вторым).

Сегодня многие горские евреи, помня о своих исторических корнях, знакомясь более углубленно со своей историей, все же остаются в своей республике или переселяются в центральные города России в связи с событиями в Чечне. В настоящее время функционируют еврейские культурные центры во многих городах страны, где они могут приобщаться к еврейским национальным традициям. Никто не мешает желающим отмечать свои национальные праздники, ходить в синагогу, учить детей еврейскому языку и знакомить их с еврейской историей.

В Махачкале в последнее время почти каждый еврейский национальный праздник отмечается веселым торжеством в прекрасном здании Русского драматического театра республики. С приветствиями и поздравлениями представителей городских властей и общественных организаций часто эти торжества превращаются в праздник дружбы народов Дагестана.

По-видимому, сейчас в Москве проживает большое число горских евреев из Дагестана и Азербайджана, где недавно, по информации М.Немировской, была открыта первая синагога горских евреев. М.Немировская заканчивает свою статью рассказом о торжествах по случаю открытия этой синагоги, строительство которой финансировали братья Гилаловы (Гуршумовы), представители горских евреев из Азербайджана, проживающие ныне в Москве. На этих торжествах было много гостей, присутствовали главный раввин Москвы, деятели культуры.

В числе гостей был и специально приехавший в Москву, по этому случаю, главный сефардский раввин Израиля Элиягу Бакши-Дорон, который после торжественной молитвы обратился к присутствующим, как рассказывает М.Немировская, с напутственным словом:

«Открытие синагоги горских евреев не означает, что община разделяется на сефардскую и ашкеназскую: у нас, евреев, единая Тора, единый Закон. Многовековое проживание наших братьев на Кавказе наложило свой отпечаток на их традиции, и они должны сохраниться. Новая синагога не только станет святым местом для горских евреев, но и активизирует жизнь общины».

Выходит, и главный раввин Израиля, понимая самобытность горских евреев, не считает, что все они должны покинуть Россию.

И тем не менее, наверное, те, кто познакомились со статьей М.Немировской, будут, как и я, благодарны ей за то, что она затронула вопрос об истории горских евреев.

Хотелось бы пожелать, чтобы публикации на эту тему не были редкими на страницах газеты «Вестник ЕАР» и на страницах других газет.

Газета евреев Северного Кавказа «ЕСК». Нальчик.
№№ 10, 11 за октябрь и ноябрь 2000 г..

Якубов М.А., музыковед, д.и.
руководитель Издательства
нового собрания сочинений
Д.Шостоковича (Москва)

О МУЗЫКЕ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ

Музыкальная культура горских евреев — сложная многосоставная часть духовного наследия народа, в которой своеобразно запечатлен его этногенез, его историческое развитие и современное состояние, включая комплексное проживание отдельных групп этноса в России, Азербайджане, Израиле и США.

Широта расселения горских евреев обусловила богатство межэтнических культурных связей и наличие языковых диалектов. Это, в свою очередь, сказалось на разнообразии традиционного (внеконфессионального) музыкального искусства горских евреев, которое занимает важное место в национальном самосознании. В народных этнических представлениях, в древних верованиях и в современном миропонимании горских евреев музыка, песня, танец занимают особое важное место. В бытовых и волшебных сказках музыка оживляет предметы природы, воскрешает мертвых.

Традиционная музыка горских евреев в своих двух ипостасях — в культовых напевах, связанных с иудаизмом, и в неконфессиональном вокальном и инструментальном фольклоре — органично сочетает древнейшие самобытные истоки и разнообразные влияния, обусловленные необычной судьбой народа, его широкими и разнообразными контактами и длительным культурным взаимодействием с другими этносами.

Синагогальное пение представляет собой преимущественно короткие напевы в пределах небольшого диапазона со свободной, неметризованной речитацией, основное назначение которых состоит в произнесении нараспев текстов Торы и других молитвенных текстов.

Музыке принадлежит также большое место в различных календарных, трудовых и бытовых обрядах горских евреев. Исполнением специальных песен «Магън'и хори' дурини» отмечалось начало полевых работ (пахоты). Обряд вызывания дождя сопровождался песней «Гуди'л, гуди'л». Обряды семейного цикла: обручение («хофтен'») и свадьба («арси'»), совершаемые с участием своего рода «режиссеров» — организаторов праздничного веселья («хундекучи'» и «серпон'») и включающие торжественные шествия невесты в сопровождении музыкантов, песни и танцы отличаются

особым богатством репертуара и его большой функциональной дифференцированностью. В нем наличествуют, например, хоровые девичьи песни подруг невесты, песни, сопровождающие обряд окрашивания хной ногтей на руках родственников и гостей - «Эй, бенигору, бенигору»; церемонию преподнесения подарков или денежного взноса гостей - «Ай шомо'ш»; специальные песни в честь женщин, готовящих пищу для свадебного пиршества - «кейвони'». Во время свадебного пиршества поют профессиональные свадебные певцы-мужчины. Они используют подобно среднеазиатским исполнителям «катта' ашула'» в качестве своего рода тембротрансформатора небольшую тарелку («бишко'п»): во время пения исполнитель подносит бишкочку сбоку ко рту и, покачивая его, достигает эффекта особой вибрации и дополнительной полноты звука.

В поминальном обряде горских евреев центральное место занимают плакальщицы, исполняющие плачи и причитания («гирьегъо'», «домое'с»).

Среди детских песен наиболее распространены колыбельные, («магънигъо'й гуфериен'»); часто их называют также по первым словам «нену'й нене'м» («баю-баюшки»). Оригинальны песенки танцевального характера, с которыми учаг детей ходить: так ребенок буквально с первых шагов ассоциирует движение с музыкой, пением и танцем.

Среди замечательных представителей народного песенно-поэтического творчества горских евреев XIX-XX вв. выделяются Мардахай Овшолум (1850-1925), имя которого стало символом национально-поэтической традиции, и сказитель Хазгие Эми Дадашев, (1854-1954).

Инструментальная музыка связана, прежде всего, с сопровождением танцев. Среди самых популярных танцев горских евреев наибольшую известность получил «Харс». В национальном инструментари, кроме таких общераспространенных на Кавказе инструментов, как тар, кеманча (струнный, смычковый), гармоника, баян, аккордеон, кларнет, барабан, бубен, широко распространенный в прошлом, но ныне встречающийся значительно реже - дудук и полностью исчезнувшая из горско-еврейского музыкального обихода зурна, можно назвать не встречающейся у других народов древнейший еврейский инструмент; упоминающийся еще в Торе (Ветхом завете) - шофар - рог, используемый только в синагогальном обряде в праздник Нового года Рош-а-Шана, а также упоминающийся в сказках струнный музыкальный инструмент ашугув - тевердин.

Искусство свадебных музыкантов, особенно гармонистов, издавна славилось и высоко ценилось не только в среде горских евреев: их

приглашали на свадьбы других, живших бок о бок, народов. В свой репертуар они, разумеется, должны были включать танцевальную музыку и песни этих народов и, таким образом, естественно, способствовали распространению лучших образцов фольклора по всему региону, выступая в уникальной роли энергичных катализаторов процесса межнационального музыкально-культурного общения.

Изучение музыки горских евреев началось в первые десятилетия XX века. В 1990-е годы выдающийся немецкий ученый-кавказовед Адольф Дирр впервые осуществил в Дагестане (Хасавюрт, Аксай) фонографические записи горско-еврейских хоровых религиозных песнопений, но эти записи остаются до настоящего времени нерасшифрованными и неопубликованными.

К горско-еврейскому фольклору обращались в своем творчестве дагестанские композиторы Гасанов (первая дагестанская опера «Хочбар», 1937), Дагиров (Фантазия «Харс» на тему татского народного танца для фортепиано, 1964), С. Керимов.

На 20-30-е годы XX века приходится начало становления профессиональной музыкальной культуры горских евреев. Важное, во многом определяющее место занимала музыка в спектаклях Дербентского театрально-драматического кружка, возникшего в 1924 г. и превратившегося впоследствии в национальный театр. В 1935 г. в Баку при Татском рабочем театре возник «Первый ансамбль татского танца», который организовал Т.С. Израйлов, в будущем – создатель, художественный руководитель и главный балетмейстер ансамбля «Лезгинка», народный артист СССР.

Первым профессиональным горско-еврейским композитором стал Х.М. Ханукаев (1898-1970), заслуженный деятель искусств Дагестана, автор ряда камерных инструментальных сочинений (Струнный квартет, 1948, Соната и Вариации для скрипки и фортепиано), популярных песен (мелодия одной из них – «Советский Дагестан» – долгие годы служила позывными Дагестанского радио), произведений для оркестра народных инструментов. В начале 1920-х годов Х.М. Ханукаев был директором первой в республике музыкальной школы в Дербенте. В середине 1930-х годов стал одним из основателей Ансамбля песни и танца Дагестана, в котором долгие годы был руководителем оркестра. Большое место в его творческой биографии занимала педагогическая деятельность. Ханукаев явился создателем первых в Дагестане пособий для обучения на национальных дагестанских инструментах: самоучителя игры на агач-кумузе, самоучителя игры на таре, ему же принадлежит первая монография о музыкальном фольклоре Страны гор: «Дагестанская народная

музыка» (Махачкала, 1948), написанная совместно с М.И.Плоткиным.

Известность и признание получили песни и театральная музыка Д.Ш.Ашурова, который долгие годы работал музыкальным руководителем Татского театра в Дербенте и выступал как исполнитель на таре.

Заслуженный деятель искусств Дагестана, композитор В.Т.Шаулов (1952) – автор симфонических, камерных, хоровых сочинений, музыки к спектаклям кукольного театра. Среди наиболее значительных его произведений выделяется Концерт для скрипки с оркестром, драматическим, лирическим и жанровым образам которого присущ яркий национальный характер.

Глубинной связью с фольклором горских евреев, значительностью содержания, богатством фантазии и современностью мышления отмечено творчество композитора П.Элиягу, проживающего ныне в Израиле. В настоящее время Элиягу – художественный руководитель Академии восточной музыки Израиля, он возглавляет ансамбль народной музыки, его произведения исполняются в разных странах мира.

Первым профессиональным музыковедом стал в Дагестане Манашир Якубов, работы которого оценены как значительный вклад в развитие музыкальной культуры республики.

Первый среди горских евреев оперный и симфонический дирижер С.Ю.Ханукаев работал в различных оперных и оркестровых коллективах СССР и России, в том числе в Московском театре им. Станиславского и Немировича-Данченко, в Московском театре «Геликон-опера», гастролировал в странах Европы (Австрия, Венгрия, Бельгия, Германия и др.), около 10 лет работал в Израиле, где возглавлял камерный оркестр и дирижировал оркестром Иерусалимской оперы, в частности опер Мусоргского «Борис Годунов» с участием «Шалапина XX века» - Пааты Бурчуладзе. В настоящее время С.Ю.Ханукаев живет и работает в США. В репертуаре дирижера около тридцати опер и балетов от Моцарта («Свадьба Фигаро», «Так поступают все», «Дон Жуан»), Доницетти, Россини, Даргомыжского и Гуно до Верди, Мусоргского, Вагнера и Чайковского. С.Ханукаев – единственный из дагестанских музыкантов – лауреат Международного конкурса: в 1992 году он принимал участие в Международном конкурсе дирижеров в Австрии и завоевал там Специальный приз и звание лауреата.

Среди музыкантов-исполнителей прежде всего следует назвать выдающуюся певицу, солистку Дагестанского радиокомитета,

народную артистку Дагестана М.Щербатову. Огромной популярностью пользовался прекрасный певец (тенор), режиссер и артист Татского театра, мастер исполнения лирических газелей (на азербайджанском языке), заслуженный работник культуры Дагестана А.Авдалимов. Среди певцов-солистов Дагестанского радио назовем также М.Рабаева и Г.Сосунова. Талантливыми хормейстерами и педагогами зарекомендовали себя Ю.М.Ханукаев и Ю.З.Авшалумов. Легендарную славу снискал еще при жизни знаменитый гармонист-виртуоз (комончачи) Папа Иримов.

Ж. «Народы Дагестана», № 1, 2002, с. 59-60.

Семенов И.Г., м.н.с.
Института ИАЭ, к.и.н.

ИЗ ИСТОРИИ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ ДАГЕСТАНА

В наше время в Дагестане живут представители двух субэтнических групп еврейского народа - европейские евреи (ашкеназы) и горские евреи. Начало ашкеназской общины Дагестана было положено в XIX веке. В то время европейские евреи жили, главным образом, в западных губерниях Российской империи, выделенных русским правительством в так называемую «черту оседлости». Переселяться за пределы этой черты европейским евреям было запрещено. Но евреям, призванным в армию и отслужившим свой срок в русских военных частях, дислоцированных на Кавказе, разрешалось оседать в этом крае на постоянное жительство. Несколько позднее право на постоянное проживание на Кавказе было дано также и некоторым категориям купцов из «черты оседлости». Таким образом, к концу XIX века сложились сравнительно крупные группы ашкеназского населения в таких городах Дагестанской области, как Темир-Хан-Шура (совр. Буйнакск) и Дербент. Кроме того, довольно значительная группа ашкеназов проживала к этому времени в Кизляре, который тогда не входил в состав Дагестанской области.

В советский период в Дагестан постоянно направлялись выходцы из западных областей Советского Союза - врачи, учителя, инженеры, бухгалтеры, среди которых было довольно много европейских евреев.

Небезынтересно, что первое тесное знакомство горских евреев и ашкеназов, происходившее в XIX веке, не привело к их сближению, и это не удивительно, так как, несмотря на общую религию и общие исторические корни, они имели немало различий. Так, если в представлении горских евреев ашкеназы являлись европейцами, то по оценкам ашкеназов, горские евреи выглядели типичными кавказцами - и в своем повседневном поведении, и в отношении своей материальной культуры, и в отношении ментальности, и в отношении многих неписанных этических и юридических норм (адаатов). Лучшему пониманию друг друга мешал и языковой барьер: разговорным языком ашкеназов являлся идиш, в основе которого лежал один из немецких диалектов, а горские евреи говорили на джуури (жугъури), в основе которого лежал среднеперсидский диалект. Кроме того, русским языком горские евреи владели плохо, а европейские евреи, как правило, не знали ни азербайджанского, ни кумыкского языков, которые тогда

использовались всеми восточно-кавказскими народами как языки межнационального общения. Невозможно было активное общение и на древнееврейском языке, так как, во-первых, он был знаком очень немногим из горских евреев, а во-вторых, горские евреи и ашкеназы пользовались двумя различными системами огласовки древнееврейских слов. Кстати, этот же факт усложнял сближение горских евреев и ашкеназов на почве общей религии. Другим препятствием такого же рода являлось некоторое отличие синагогальной службы ашкеназов – так называемого ашкеназского носаса – от принятого в то время у горских евреев сефардского носаса. Все это приводило к тому, что во всех городах, где складывались достаточно многочисленные группы ашкеназов, они стремились открывать свои собственные синагоги – и в Темир-Хан-Шуре, и в Дербенте, и в Баку, и во Владикавказе и т.д.

Культурные и физико-антропологические различия между ашкеназами и горскими евреями являлись очевидными и для представителей русских властей. Именно ими в XIX веке и были введены в оборот сочетания «европейские евреи» и «горские евреи», которые затем попали и в этнографическую литературу. Определение же восточнокавказских евреев как горских объясняется тем, что в официально русской административной номенклатуре все кавказские народы числились как «горские». Самоназвание же горских евреев – джуур, мн. ч. джууру или джуурьо (жугьургьо).

Появление предков горских евреев на Восточном Кавказе исследователи относят к периоду правления в Иране династии Сасанидов (226-651 гг.). Вероятнее всего, переселение евреев в этот край было осуществлено Хосровом Ануширваном (531-579) в 532 году или несколько позднее. Это было время, когда персы активно укрепляли свою северную границу на Кавказе. Особенно много оборонительных укреплений было возведено в прикаспийской зоне. Для их охраны Хосров Ануширван переселил в этот край несколько сотен тысяч персов и несколько десятков тысяч евреев из юга-западных областей Сасанидского государства.

Современными потомками персов переселенных на Восточный Кавказ Ануширваном, являются кавказские таты, живущие в Азербайджанской республике и в Дербентском районе Дагестана. До недавних времен они сохраняли так называемое среднеперсидское наречие («татский язык»), унаследовавшие от своих предков, но в настоящее время уже полностью перешли на азербайджанский язык. Почти все кавказские таты являются мусульманами, и только жители нескольких селений исповедуют христианство армяно-григорианского толка.

Горские евреи тоже говорят на одном из среднеперсидских диалектов («еврейско-татский язык»), но он отличается от языка кавказских татов большим числом заимствований из арамейского и древнееврейского языков.

Исторические предания горских евреев свидетельствуют, что их предки первоначально были поселены в Ширване и Арране (на территории современной Азербайджанской Республики), а оттуда они переселились в более северные районы. Упоминал евреев и Мовсес Каланкатуаци (VII в.), автор «Истории страны Алван». Это единственное упоминание о восточнокавказских евреях в столь отдаленную эпоху. Все остальные упоминания такого рода относятся к XIII веку и еще более позднему времени.

Согласно тем же преданиям, наиболее древним местом поселения евреев в Дагестане является ущелье Джууд-Гатта или Джутла-Катта («Еврейское ущелье») в Кайтаге, где находилось семь еврейских селений. Другое древнее еврейское село – Салах – было расположено в Табасаране на реке Рубас.

В XVII-XIX веках местами наибольшего скопления еврейских селений являлись равнинно-предгорная зона Южного Дагестана и историческая область Кайтаг: в Южном Дагестане – селения Мамрач, Хошмемзиль, Джууд-Араг, Ханджелкала, Джарах, Ньюди, или Мюшкюр, Абасово и, частично, Аглаби, Мутарты, Карчаг, Бильгади, Хели-Пенджи, Сабнава и Джалган, а в Кайтаге – Маджалис, Ньюеди (Янгиюрт), Гимейди. Кроме того, небольшие группы горских евреев жили на Кумыкской плоскости и в Нагорном Дагестане.

Во время гражданской войны большая часть евреев переселилась из селений в города – Дербент и др. После Великой Отечественной войны начался значительный отток горских евреев из Дагестана в города Северного Кавказа, а также в Москву. А в 70-х годах XX века начался процесс эмиграции горских евреев в Израиль, страны Западной Европы и Северной Америки.

Примерно в этот же период в Дагестане был реанимирован старый тезис о том, что горские евреи ничего общего с другими субэтническими группами еврейского народа не имеют. Утверждалось также, что предки горских евреев принадлежали к иранскому племени татов и что они еще в Иране – до переселения на Кавказ – приняли иудейство, то есть горские евреи по своему происхождению являются татами, отличаясь от них лишь вероисповеданием. Все эти надуманные утверждения стали поводом для навязывания горским евреям этнонима «тат». При этом игнорировался тот факт, что никакого иранского племени «тат» в Иране никогда не было: «тат»

- это распространенное в Западном Иране тюркское наименование персов (термин «тат» известен и в Средней Азии, но там он имеет несколько иное содержание). На Кавказе татами тоже называют персов, и кавказские таты – это именно персы, причем они не пользуются термином «тат» как самоназванием и свой язык называют не татским, а фарси или парен.

Можно было бы думать, что в прошлом горские евреи действительно являлись частью кавказских татов и в средневековую эпоху приняли иудаизм. Однако данные физико-антропологических измерений свидетельствуют о том, что тип горских евреев не имеет ничего общего с татским.

Все эти более чем очевидные факты не принимались во внимание теми пропагандистами из числа самих горских евреев, которые включились в проводившуюся в советской прессе антиссионистскую кампанию. Одним из элементов этой кампании и стало навязывание горским евреям этнонима «тат». Именно тогда и именно под воздействием пропаганды около половины дагестанских евреев поменяли запись в документах – «горский еврей» на «тат». Таким образом, сложилась казусная ситуация: этноним «тат», который не применяют к себе даже сами таты (персы), вдруг стал применяться к горским евреям.

Другим следствием проводившейся, преимущественно в Дагестане, кампании по «татизации» горских евреев стало то, что в сознании горских евреев (и не только горских евреев) был внесен полнейший сумбур относительно их этнического происхождения и этнической принадлежности. И даже этнографы, знакомые с историей этого вопроса, не всегда ясно представляли себе суть проблемы.

В последнее время в этом отношении наметился некоторый перелом: проводятся научные конференции, в названиях которых фигурирует сочетание «горские евреи», например, «Первый Международный симпозиум «Горские евреи: история и современность» (Москва, Академия госслужбы при Президенте Российской Федерации, 29 марта 2001 года). Еще один научный форум проходил с 26 по 29 апреля 2001 года в Баку – «Научно-практическая конференция «Горские евреи Кавказа». Кстати, в Азербайджанской Республике горским евреям этноним «тат» никогда не навязывался; это происходило, преимущественно, в Дагестане, да и в наше время Дагестан является единственным уголком мира, где горских евреев все еще пытаются выдать за татов.

Фаралжев В.Л.,
член Союза кинематографистов
СССР и РФ

ДАГЕСТАНЕЦ Ю.РАБАЕВ – АРХИТЕКТОР МОСКВЫ

Вряд ли найдется на земле человек, хотя бы раз побывавший в Москве и не посетивший Красную Площадь, не поклонившийся национальным святыням нашего народа – Кремлю, могиле Неизвестного солдата... Всякий раз, проходя или проезжая мимо уютного Александровского сада, раскинувшегося у подножия древней Кремлевской стены, глядя на нескончаемый людской поток, в торжественном молчании к могиле, где горит Вечный огонь, я с гордостью вспоминаю имя человека, причастного к созданию этого уникального сооружения – архитектора, дагестанца Юрия Романовича Рабаева.

Да, наш земляк, горский еврей Ю.Рабаев в творческом содружестве с академиком архитектуры Д.Бурдиным и коллегой по «Моспроекту» В.Климовым выиграл конкурс на лучший проект и стал автором известного всему миру архитектурного сооружения – памятника-могилы Неизвестному солдату у Кремлевской стены, объявленного ныне руководством новой России постом номер один.

Путь к этой творческой победе был нелегким и долгим. Кто знает, быть может, мечта стать архитектором, еще не вполне осознаваемая, возникла в мальчишеском воображении, когда он вместе с другими сверстниками соорудил песчаные замки на морском берегу в Махачкале, куда он то и дело сбегал из-под присмотра своей бабушки Айбат – благо от Буйнакской улицы, где она жила и где он часто и подолгу гостил на каникулах, до городского пляжа было рукой подать. Тогда же, в детстве, пришла и страсть к рисованию...

Мечта исполнилась, Юрий Рабаев стал студентом Московского архитектурного... А в 1951 году, после успешной защиты диплома, молодой архитектор получает направление в архитектурную мастерскую № 7 «Моспроекта» при Мосгорисполкоме. Уже в то время в мастерской начал складываться коллектив архитекторов и инженеров, часть которого впоследствии и составила костяк новой мастерской «уникальных проектов» во главе с академиком Бурдиным, а затем сменившим его на этом посту Ю.Рабаевым.

Первые годы творчества Ю.Рабаева связаны с Тимирязевским районом Москвы. Это индивидуальные жилые дома в районе Бутырских улиц, кварталы по Тимирязевской улице и другие. В

1956 году, в соавторстве с архитектором И. Маркузе, Ю. Рабаевым осуществлен комплекс жилых домов в центре столицы – по улице Огарева и Брюсовскому переулку – со встроенным Всесоюзным Домом композитора. Испытывая жестокий жилищный голод, столица в те годы интенсивно застраивалась. Потребность как можно оперативнее обеспечить жильем тысячи и тысячи нуждающихся определила политику типовой застройки Москвы. Это в значительной степени сдерживало инициативу и творческие возможности архитекторов. Но и в этих трудных условиях истинные творцы-зодчие искали и находили оригинальные решения, пытались «оживить» типовой стандарт, используя фактуры различных строительных материалов, например сочетание цветного стекла и металла. Именно таким был задуман молодым архитектором и построен комплекс Московского аэровокзала на Ленинградском проспекте.

Тема решения фасадов зданий – металлическим фактуром с заполнением стеклом и стемалитом – получила дальнейшее развитие в 10-этажном здании Всесоюзного института легкой промышленности (ВИАЛегпром) на проспекте Вернадского.

В течение всех этих лет Ю. Рабаев работает в тесном творческом союзе с лауреатом Ленинской премии академиком архитектуры Д. И. Бурдиным, ставшим главным архитектором Москвы. Вместе они проектируют здание Министерства внешней торговли СССР на Крымском валу. Соседство строящегося здания Государственной картинной галереи, открытое пространство Парка искусств и Центрального парка культуры и отдыха имени Горького обусловили высотную композицию 40-этажного здания – главной вертикали района Октябрьской площади.

Тема административных зданий становится ведущей для мастерской, по проектам которой сооружается крупный комплекс на Октябрьской площади, состоящий из трех зданий, в том числе Государственного банка и Министерства внутренних дел СССР.

В 1971 году Юрий Рабаев был назначен ответственным за застройку центральной части Октябрьского района столицы и избран депутатом Октябрьского районного Совета народных депутатов.

Когда стало известно, что Москва станет столицей летней Олимпиады – 80, среди архитекторов был объявлен конкурс на лучшие проекты олимпийских объектов: спортивных сооружений и гостиниц. После успешного участия в таком конкурсе коллектив мастерской, возглавляемый Ю. Рабаевым, получил заказ на проектирование уникального гостиничного комплекса на 10 тысяч мест в Измайлово.

Работа над проектом шести тринадцатизэтажных зданий с киноконцертным залом на тысячу мест и строительство этого грандиозного сооружения потребовали десяти лет упорного творческого труда. Именно в эти годы проявились незаурядные организаторские и творческие способности Ю. Рабаева как руководителя авторского коллектива, способность решать самые ответственные задания. Гостиничный комплекс в Измайлове стал одной из ярких достопримечательностей столицы. За его создание коллективу авторов во главе с Юрием Рабаевым присуждена Государственная премия СССР.

Мог ли мечтать о таком признании босоногий мальчишка, соорудивший когда-то на Каспийском берегу песчаные замки?

Росли дома, спроектированные и возведенные Ю. Рабаевым, а с ними рос и его авторитет зодчего, ставшего одним из ведущих архитекторов советской столицы. Ему поручают проектирование и строительство важных зарубежных объектов – зданий торговых представительств СССР в ФРГ, Японии, Индии. При этом он в одном единственном лице представляет за рубежом целый коллектив – выполняет работу и архитектора, и инженера, и даже чертежника, чем приводит в изумление своих иностранных партнеров. Не может же он им объяснить, что делается это все из-за экономии государственных средств.

В семидесятых – восьмидесятых годах Ю. Рабаев – постоянный участник выставок живописи и графики московских архитекторов. В его лаконичных и точных черно-белых графических листах возникают образы великолепных ансамблей Средней Азии и русского Севера, панорама Байкала и Соловецкого монастыря, улицы Праги, Мюнхена, Токио, Рима и Монреаля.

Вместе с авторитетом и признанием, с заслуженной славой приходит и новое испытание: мастерская «уникальных проектов», оправдывая свое название, получает самый престижный за все время своего существования госзаказ – построить на территории Кремля здание Политбюро ЦК КПСС.

Здание было сформулировано кратко и внушительно – создать самое современное (по техническому оснащению) сооружение, сохранив при этом облик старинной кремлевской постройки. В художественном плане это должен был быть шедевр в стиле царских палат Большого Кремлевского Дворца.

Мастерской был дан полный «карт-бланш», а ее руководителю неслыханные полномочия. Стройматериалы и оборудование должны были быть лучшими в мире. Стройматериалы, кожу для стальных

панелей, сантехнику, подвесные потолки, керамику заказали в Германии, в Италии закупили каррарский мрамор – для колонн и скульптур, в Австрии – люстры и прожектора для светящихся потолков.

Завершение строительства объекта государственной важности ознаменовалось присвоением Юрию Рабаеву звания «Заслуженный архитектор РСФСР». Многие члены его команды также получили различные награды.

Последняя крупная работа Ю.Рабаева и возглавляемого им коллектива – реставрация и возведение нового комплекса зданий на территории древнего Свято-Данилова монастыря в Москве. Сюда по окончании строительства переселилась из Загорска русская Патриархия. Здесь же теперь и резиденция Святейшего Патриарха...

Огромный объем выполненных работ, постоянное напряжение и высокое чувство ответственности, выразившееся в полной самоотдаче порученному делу, в конце концов подорвали здоровье Юрия Романовича Рабаева. В мае 1993 года его не стало. Он ушел из жизни в возрасте неполных шестидесяти шести лет.

Остались возведенные им на Родине и в других странах мира дома. Остался памятник – могила Неизвестного солдата у Кремлевской стены. Осталась память. И твердая убежденность в том, что и малые народы могут давать миру больших людей.

Ж. «Народы Дагестана», № 1, 2002. С. 56-58.

Мусаханова Г.Б.,
к. филолог. н.

ИЗ ХРОНИКИ НАУЧНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ НАЧАЛА XXI В. (Вместо заключения)

«*Есть такой народ – горские евреи*» - это заголовки или основное содержание многих статей в международной прессе, посвященных работе состоявшегося в Тель-Авиве (5-7 февраля 2003 г.) Первого учредительного Съезда Конгресса горских евреев, который собрал более двухсот участников и гостей из восьми стран проживания горских евреев на современном этапе: России, Израиля, Азербайджана, Грузии, США, Канады, Австрии и Германии.

В работе съезда приняла участие большая делегация из России – из Москвы, Санкт-Петербурга, Северного Кавказа и Дагестана, представители которой выступили с интересными докладами и сообщениями по вопросам истории и культуры горских евреев и с поддержкой идеи создания такого не правительственного органа.

От имени Российской Академии наук Съезд приветствовал один из известных этнографов России, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор Сергей Александрович Арутюнов. Обращаясь с приветственным словом к участникам съезда, он сказал: «Большое счастье приветствовать вас всех на этой священной земле, самой древней земле человечества, по случаю такого знаменательного и радостного события, как Первый учредительный Съезд Конгресса горских евреев, неотъемлемой, одной из самых ярких частей великого еврейского народа... Я приветствую это замечательное собрание от имени отделения исторических и филологических наук РАН, от имени отдела народов Кавказа Института этнологии и антропологии РАН, заведующим которого я имею честь быть. Горские евреи, с одной стороны – это часть великого еврейского народа, которая несмотря на трудности, невзгоды, горные условия существования пронесла факел древнейших традиций еврейского народа, так что этот факел всегда горел и ничто не могло его погасить. В то же время горские евреи – один из 50 кавказских народов, такой же сочлен кавказской семьи, как грузины, осетины и т.д. и обладают всеми достоинствами, им присущими – гордостью, несгибаемостью. С научной точки зрения горские евреи – это колыбель уникального языка иранской группы, включивший в себя индоевропейское языковое наследие, притом его самые древние, самые ценные для филологических исследований корни.

Горские евреи включили в себя и наследие общееврейской культуры, и иранской культуры и наследие горско-кавказской культуры».

(Фаина Едигарова «Хвала идущим вместе». Кавказская газета. №19-20. май 2003 г. С. 12-13. Издание общины евреев – выходцев с Кавказа в Израиль, г. Нетания)

* * *

«Тон на этом своеобразном горско-еврейском фестивале задавали москвичи. Именно в их головах родилась идея создать международную неправительственную организацию. Именно они провели всю необходимую организационную работу, чтобы приступить к практическому осуществлению этой идеи. И они же взяли на себя львиную долю расходов, связанных с реализацией столь масштабного проекта... единственным рабочим языком в зале заседаний стал язык Пушкина. Оказалось, что на нем удобнее всего общаться братьям по вере и этническому происхождению, проживающие ныне в восьми различных государствах... На иврите в зале заседаний прозвучал только официоз – приветствия президента и премьер-министра Израиля, а также выступление израильского министра иностранных дел».

(Из статьи российского профессора Анатолия Красикова «Есть такой народ – горские евреи» в московской газете «Эхо планеты», перепечатанной израильским еженедельником «Глобус» (на русском языке) 7-13 апреля 2003 г.)

* * *

Съезд завершился избранием Президента Всемирного Конгресса горских евреев, принятием его устава и обращением делегатов этого исторического форума к правительствам и общественности не только тех стран, где проживают горские евреи, но и других стран, с просьбой рассматривать деятельность новой организации «как часть общих усилий, направленных на достижение мира, взаимопонимания, толерантности, координации усилий, направленных на повышение общего национального благосостояния, взаимопомощи и добросердечности в отношениях между людьми всех национальностей и религий». И заканчивается это обращение так: «Мы торжественно заявляем, что вся дальнейшая деятельность нашего Конгресса как в форме его очередных собраний, так и в форме отдельных семинаров, круглых столов, публикаций, культурных, художественных, общественных, благотворительных мероприятий, неизменно будет направлена на поддержание и дальнейшее творческое развитие духовного своеобразия и этнокультурной идентичности горских евреев,

в разных областях жизни среди народов - общин, в окружении которых живут горские евреи; на поддержание и развитие всесторонних связей с ними ради созидательного труда всех людей доброй воли вне зависимости от их национальности и религиозной принадлежности, ради благополучия, счастья будущего всего человечества».

(«Миньян». Т. № 9. 2003 г.).

* * *

Президентом Всемирного Конгресса горских евреев (ВКГЕ) единогласно был избран Заур Гилалов - Президент Российского фонда сохранения и развития еврейской культуры с именем которого и (см. фото) его брата Акифа Гилалова, уроженцев Азербайджана, связано осуществление многих проектов по оживлению и развитию общественной и культурной жизни горских евреев, как в Москве, где проживают сейчас примерно 15 тысяч горских евреев, так в Азербайджане, на Северном Кавказе, в Израиле.

ЗАУР ГИЛАЛОВ

Первые шаги в этом направлении предпринял их отец Таир Гилалович Гуршумов, который в 1979 г. переехал с семьей в Москву, где занялся предпринимательской деятельностью и основал этот фонд. После его трагической гибели в 1997 г. его сыновья решили в память о своем отце продолжить его общественную деятельность.

И уже в 2001 г. братья Гилаловы смогли организовать Первый Международный симпозиум в Москве по истории и современности горских евреев на высоком научном уровне с участием ученых Академии общественных наук при администрации президента России и Российской Академии наук, в частности известных ученых Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, центров по изучению иудаики Москвы и Санкт-Петербурга, ученых Национальной Академии наук Азербайджана, ученых Северного Кавказа и Дагестана.

С приветствиями к участникам симпозиума обратились руководители Института этнологии и антропологии РАН и Академии общественных наук при президента России, (где проходил этот научный форум) с пожеланиями плодотворной работы, а также выступили представители Министерства культуры и мэра г. Москвы, отмечая важность научной конференции в изучении истории и культуры одного из малочисленных народов Кавказа.

В работе научного собрания принимали участие представители шести зарубежных посольств стран проживания горских евреев, среди которых активностью выделялись израильская и азербайджанская делегации. Посол Азербайджана в Москве приветствовал участников симпозиума от имени президента своей республики Гейдара Алиева, отметившего значимость данного события не только в истории горских евреев, но и всего Кавказа.

Весьма знаменательным и плодотворным было участие в работе симпозиума не только еврейских духовных лиц, но и представителей лидеров главных конфессий России: христианства и ислама, приветствовавших ученое собрание горских евреев, при этом акцентируя внимание на близости основных канонов их религий с иудаизмом.

Среди участников симпозиума были деловые люди и люди искусства, делегация почетных горских евреев из Азербайджана, руководители общины горско-еврейского населения Баку и Кубы, представители прессы и многие дагестанцы, живущие в Москве.

В связи с тем, что работа научной конференции была блестяще организована, многие ее участники, завершая свои научные выступления, высказывались за то, чтобы Российский фонд сохранения и развития еврейской культуры, стал постоянно

действующим центром по изучению истории и культуры горских евреев, взяв на себя организацию и проведение хотя бы в год раз научных конференций по этой тематике.

С тех пор систематически проводятся научные конференции то в Москве, то в Баку, то в Израиле, результаты которых публикуются в «Материалах» и «Тезисах» этих конференций, широко освещаются в Московской, Бакинской, Нальчикской и зарубежной прессе.

На этих конференциях обнародованы значительные научные разработки и по истории, и по языку и культуре горских евреев.

Главное – все эти мероприятия проходят с участием ведущих академических центров России, и прежде всего Института этнологии и антропологии Российской Академии наук. Появляются новые имена исследователей не только из среды нашего народа, но и представителей других народов, в частности азербайджанцев и дагестанцев, включаются в эту работу ученые из Москвы и Санкт-Петербурга, многие из которых представлены статьями в этом сборнике.

За каждым таким научным форумом стоит колоссальная напряженная подготовительная работа команды профессионалов – единомышленников из Российского фонда сохранения и развития еврейской культуры во главе с братьями Гилаловыми, которые и сами выступают с докладами и публикациями, став аспирантами Академии общественных наук при администрации президента России.

* * *

Значительным событием истории и культуры горских евреев на современном этапе стала научная конференция в Москве 9 июля 2002 г., посвященная 140-летию Ильи Шербетовича Анисимова – первого представителя из горских евреев Кавказа (уроженец Дагестана), получившего высшее светское (инженерное) образование в Москве и ставшего затем, при поддержке выдающегося русского ученого-ираниста академика Всеволода Федоровича Миллера, и первым исследователем-этнографом из горских евреев.

Его работа «Кавказские еврей-горцы», опубликованная сначала в третьем выпуске «Сборника по этнографии, издаваемого при Дашковском этнографическом музее» в Москве в 1888 г. в том же году вновь вышла в Москве отдельным изданием в типографии Потапова тиражом в тысячу экземпляров и сразу же привлекла к себе внимание в среде ученых-кавказоведов.

За прошедшие 124 года после издания этот труд стал библиографической редкостью, его не найти даже в центральных

библиотеках Северного Кавказа. К началу конференции было приурочено великолепное переиздание книги И.Ш.Анисимова с двумя предисловиями Заура Гилалова и заведующего отделом Кавказа Института ЭА РАН, члена-корреспондента РАН Сергея Александровича Арутюнова.

Одновременно было издано и исследование в виде брошюры, посвященное жизни и деятельности И.Ш.Анисимова «Горско-еврейский этнограф Илья Шербетович Анисимов» Юрия Мурзаханова из Нальчика, представителя нового поколения наших ученых.

Обе работы вышли в издательстве «Наука» под редакцией С.И.Ванштейна, доктора философских наук, заместителя Президента Российского фонда сохранения и развития еврейской культуры впоследствии избранного и исполнителем - президентом ВКГЕ.

Следует напомнить, что первым в научной литературе обнародовал краткие сведения о жизни и деятельности И.Ш.Анисимова с привлечением архивных материалов, в частности шести его писем В.Ф.Миллеру, известный ученый-кавказовед Борис Александрович Калоев, ныне старейший ученый отдела Кавказа Института этнологии и антропологии РАН в монографии «В.Ф.Миллер – кавказовед», изданной в Ordжоникидзе в 1963 г.

Но специальных публикаций, посвященных первому ученому из горских евреев, не было. Спустя 40 лет Юрий Мурзаханов исполнил этот пробыт, дав более подробную биографию его с анализом его статей и основного его труда, с привлечением новых фактов о его трудовой и общественной деятельности в последние годы жизни его в Грозном до исторического отъезда его в Москву.

Кстати, профессор Б.А.Калоев в своей новой большой монографии «Записки кавказоведа» (Владикавказ, 2002), говоря о кавказоведах, вновь вспомнил о связях И.Ш.Анисимова с В.Ф.Миллером, а также рассказывает и о Михаиле Мататовиче Ихидове – первом советском исследователе после - анисимовского этапа истории изучения горских евреев, с которым автора связывала многолетняя дружба с аспирантских лет.

Конференция прошла как праздник не только национальной культуры одной из народностей Кавказа, но и академической науки России в русле одного из важных ее направлений: «Проблемы сохранения культуры и религий малочисленных народов и этнических групп Российской Федерации», весьма продуктивно исследуемая на современном этапе в академической науке, в том числе и этнографами Дагестана.

Материалы конференции подготовлены к изданию отдельной книгой, они значительно обогатят существующие представления о жизни и личности нашего выдающегося земляка. А присутствие многочисленных его портретов –

внуков и правнуков его трех сыновей и двух дочерей, большая часть которых живет за рубежом, в основном в США, Азербайджане, Израиле и тех, кто живет в России – в основном в Москве и выступления многих из них с демонстрацией материалов и документов семейных архивов, бесценных фотографий, с рассказами о судьбах его детей и внуков, среди которых оказалось много талантливых людей, проявивших себя в науке, культуре, медицине, искусстве, станет подлинным украшением этого издания.

Мне, как литературоведу, остается добавить к этому: у нас в Дагестане роль И.Ш.Анисимова осмысливается в истории кавказоведения в ряду нарождавшейся в Дагестане под влиянием русской культуры новой, европейски образованной интеллигенции, таких известных представителей культуры второй половины XIX в., как кумык Д.М.Шихалиев с его этнографическим очерком «Рассказ кумыка о кумыках» (1844-1848), с публикациями лакца А.Омарова «Воспоминания муталима» (1868-1869) и «Как живут лаки» (1870-1871), аварца А.Чиркеевского «Несколько слов об аварцах» (1869), даргинца Г.М.Амирова «Среди горцев Северного Дагестана» (1873) и др. авторов подобных работ, обнародованных в газете «Кавказ» и «Сборнике сведений о кавказских горцах» и других общекавказских изданиях, выходявших в Тифлисе. Все эти авторы заложили своими сочинениями не только основы русскоязычной научной традиции в XIX в. в Дагестане, знакомившие широкие круги читателей с собственной историей, но и способствовали формированию ростков художественной прозы у себя в стране гор на русском языке.

И этнографический труд И.Ш.Анисимова по своим принципам изложения, по языку и стилю во многом воспринимается как явление, имеющее эстетическую значимость в истории культуры нашего народа.

По ходу повествования в тексте научной работы И.Ш.Анисимова встречаемся с множеством художественных зарисовок и картин народной жизни, выраженных в форме художественной прозы. Живописны рассказы о характере горских евреев, об их жилище, внутреннем убранстве дома, costume мужчин и женщин. В настоящие сценические действия выливаются рассказы автора об обрядах и ритуалах, праздниках, рождении ребенка и свадьбе, воссоздающих национальную жизнь горских евреев во всех ее проявлениях, не говоря уже о мифах и легендах народа со своими сюжетами, образами, диалогами персонажей, представляющие настоящую художественную прозу.

Порой даже многие страницы, насыщенные конкретными

фактами истории народа, статистическими данными о количестве «дымов» в том или ином поселении, цифрами, сведениями о хозяйственной жизни народа, не несут «сухости» изложения. Они пронизаны особым повествовательным стилем, находящемся на грани между эмоциональной окрашенностью художественной прозы и научного объективного изложения.

К проявлениям художественности прозаического повествования можно отнести многие разделы и страницы работы исследователя, тяготеющие к жанру «вояжной» литературы с эмоциональным рассказом о проделанном автором пути из пункта в пункт, о встречах с местными жителями, о беседах с ними, об их гостеприимстве и образе жизни.

При этом автор проявляет себя не бесстрастным путешественником-бытописателем, а как человек просвещенный, видящий и недостатки, сожалеющий об отсталости своего народа, выражая свои чувства не прямо, а ироническим подтекстом, что также является одним из признаков художественного повествования. Такой принцип изображения сопутствует особенно рассказу о семейных отношениях и, в частности, наблюдаемой им в семье родственника-двоеженца, где происходят постоянные конфликты и драмы между этими женщинами, доходящие до драк.

Также иронический негативный подтекст сопровождает его рассказ о постановке дела обучения молодежи в горско-еврейской среде. Будучи сам сыном раввина, он хорошо знал эту систему обучения, очень обстоятельно рассказывает о ней, создавая интересную, выразительную картину запоминающимися образами раввина – учителя и его учеников, великовозрастных бородатых учеников, одновременно обучающихся в одной учебной комнате с малышами, каждая возрастная группа которых имеет свое место в этой комнате. Но главное – на что обращает внимание автор и о чем сожалеет, это уровень обучения в такой школе – классе, где давались самые изначальные азы чтения на древнееврейском языке, заключающиеся в умении читать, писать и заучивать отдельные главы Торы, молитвы, знать заповеди и определенные навыки для тех, кто решит стать резниками скотины или помощниками раввинов. Автор фиксирует низкий уровень полуграмотных учителей-раввинов в сельских общинах горских евреев.

Принципы подачи этого рассказа подводят к выводу о необходимости изменения этой системы обучения, расширения ее просветительских возможностей. А среди Главных раввинов всего Кавказа большими знатоками насчитывает лишь 5-6 человек. Среди

них с уважением называет, прежде всего, имя Главного раввина Дагестана Якова Ицхаки (Ицхаковича), о котором в этом сборнике публикуется статья выдающегося ученого-ирониста Михайла Занда, в сфере научных интересов которого в последние 30 лет вместе с таджикско-персидской литературной классикой, оказалась и история письменной культуры горских евреев.

Приверженец просвещения своего народа, И.Ш.Анисимов впоследствии, живя на Северном Кавказе – в Грозном открыл в начале XX в. первую «русско-горско-еврейскую» школу, как она называлась, положив начало светскому обучению там.

Характер повествования этнографического сочинения И.Ш.Анисимова и просветительские идеи, выраженные им, сближают его с авторами подобных работ, представителей почти всех народов Дагестана, перечисленных выше нами, свидетельствуя о единстве развития народов Дагестана в конце XIX-начале XX вв. По ходу повествования И.Ш.Анисимов часто акцентирует внимание читателя на близости черт быта своего народа с другими народами края, приводит примеры дружбы и взаимопомощи между ними.

Данный обзор хроники событий из общественной и культурной жизни нашего народа последних лет, к сожалению, не позволяет иллюстрировать здесь наши наблюдения выразительными примерами из самого текста сочинения И.Ш.Анисимова, т.к. пришлось бы процитировать большую часть его труда.

Остается только заключить, что И.Ш.Анисимов стоял у истоков русскоязычной прозы нашего народа, которая затем получила значительное развитие, наряду с традиционным руслом на еврейско-татском языке.

* * *

Среди новых публикаций в Москве при поддержке Российского фонда сохранения и развития еврейской культуры весьма значимым стал труд «Горские евреи. История. Этнография. Культура», изданный в виде большого тома под общей редакцией Иосифа Бегуна, составленный на основе перевода (Б.Мурадова) с иврита на русский язык, монографии профессора Иерусалимского университета Мордехая Альтшулера, вышедшей в Израиле в 1990 г., переработанного Александром Дымшицем из Санкт-Петербурга, при участии в 2-х главах Заура и Акива Гялаловых, спонсировавших это новое издание в память о своем отце.

Эта красиво изданная книга с множеством фотоиллюстраций, определенным образом восполняет полное отсутствие хотя бы одной

популярной объективной книги по истории горских евреев. Естественно, она опирается на основные историко-этнографические публикации прошлых эпох и на некоторые статистические данные и сведения из газетно-журнальных публикаций советского периода и на автореферат кандидатской диссертации Михаила Мататовича Ихилова, дополненные собственными разысканиями основных ее авторов М.Альтшулера и А.Дымшица. (Кстати, об этой книге речь шла в статье М.Немировской в газете «Вестник ЕАР», о которой говорилось выше в нашей статье).

Думаю, что этот труд дает достаточно четкий и ясный ответ на вопрос «Кто такие горские евреи?», поставленный на первых же его страницах, не обходя современной ситуации переосмысления («татизацией») истории народа, вызывая уважение спокойным академическим тоном изложения, не избегая при этом и акцента абсурдности навязанной народу идеи.

Достаточно полно рассказано об истории нашего народа в прошлом, о перипетиях его нелегкой судьбы, об его исторических гнездах на Кавказе, об исследователях его истории и о его лидерах.

Приведенный большой фактический и исторический материал, как и фотоиллюстрации дают много познавательного для всех, кто мало знаком с историей нашего народа, в том числе и самим его представителям, не располагающих до сих пор доступными современными историческими сочинениями о себе.

Особо значимым нам представляется и предисловие М.А.Членова не только образной постановкой актуальных вопросов исследования истории нашего народа, но и новым концептуальным подходом к осмыслению их, как и всех еврейских этнических групп России, Европы и мира в системе еврейской цивилизации, поднимающим нашу науку от эмпиризма к новым научным горизонтам.

Наверное читатели, как и я, с сожалением найдут в этом труде и неполноту данных современной истории народа и научных проблем, порой скороговорку вместо обстоятельного изложения их, неравномерность подачи фактов по историческим гнездам их расселения (Куба, Дербент и Северный Кавказа) и, конечно, «педалирование» негативных процессов судьбы народа в прошлом в ущерб обстоятельному изложению его истории в XX в., когда люди почувствовали себя равноправными, духовно и интеллектуально иными: членами единого сообщества народов Советского Союза, переживших вместе со всей страной и взлет творческой энергии, которых, как и всех, не миновали все беды, драмы и зигзаги истории

советского государства.

И потому для нас в этой книге несколько неожидан принцип подачи истории нашего народа в некоторой обособленности от общего фона, от истории народов Дагестана. В ней слабо проступает единство исторических судеб наших народов, особенно в XX в.

Вполне понятно, что в таком первом большом труде могут быть пробелы, но все это не умаляет значимости публикации первой в XX веке книги по истории горских евреев, отстаивающей от искажения его подлинную историю. А творческое содружество израильского профессора Мордехая Альтшулера и его российских коллег, переложивших на русский язык и дополнивших этот великолепно-изданный труд, ставший и фактом российской науки, заслуживает благодарности и признательности.

* * *

Также вызывает широкий резонанс и издаваемый в Москве с конца 2000 г. на русском языке Российским фондом сохранения и развития культуры горских евреев, прекрасно иллюстрированный журнал горских евреев «Миньян», который с седьмого номера выходит под грифом «Международный литературно-публицистический журнал». Его редактором является Сергей Ванштейн. В течение последующих трех лет издано еще 12 номеров. К началу ноября 2004 г. получен читателями тринадцатый номер. Этот единственный в мире журнал нашего народа распространяется бесплатно всем желающим в России и за рубежом.

Журнал рассказывает в основном о жизни горских евреев России и Азербайджана, о выдающихся представителях народа, публикуются отдельные материалы из общественной жизни выходцев с Кавказа в Израиле.

Со страниц первых номеров «Миньяна» мы узнали о двух выдающихся ученых – представителях нашего народа, москвичах – о талантливом юристе Г.Б.Мирзоеве и «главном химике страны» как его называли – Б.З. Шалумове.

Гасан Борисович Мирзоев – уроженец Азербайджана, президент гильдии российских адвокатов, ректор академии адвокатуры, доктор юридических наук, академик РАЕН, был депутатом Государственной думы РФ предыдущего созыва, заместителем председателя одного из его комитетов.

Он характеризуется как самый известный в мире (после академика Гавриила Илизарова) ученый из горских евреев. («Миньян». № 1).

А Биньямин Зоволунович Шалумов – наш земляк из Дербента

- доктор наук, профессор, более 20 лет был главным химиком Министерства химической промышленности СССР, возглавлял развитие науки и промышленности особо чистых химических веществ для электроники и оптики, работал и в оборонной промышленности в разработке топлива для космических кораблей. («Миньян». № 3).

О нем как и о Г.Б.Мирзоеве проникновенно рассказал Сергей Ванштейн, заместитель президента Российского фонда сохранения и развития еврейской культуры.

Из статьи о Биньямине Шалумове узнаем и такой интересный факт: оказывается его руководителем в аспирантуре был известный тогда ученый-химик, выходец из Кубы – Юханан Шаулов, один из первых наших докторов в области естественных наук.

Наш дербентский земляк представлен в статье многообразной одаренной личностью: уже будучи на пенсии, он проявляет себя замечательным художником, создав за несколько лет много интересных произведений искусства, сочетая это свое новое увлечение с серьезным образованием по эстетике и живописи, беря уроки и по мастерству у художников Москвы и США, где в последние 10 лет он живет. Часто бывает в России. Выставка его произведений состоялась в США и в Москве.

Не могу не остановиться и на новых для меня именах двух талантливых наших художниц, открытых нам журналом – это Стелла Шалумова и Фрида Юсуfoва. Обе представительницы более молодого поколения «сорокалетних». Стелла Шалумова – дочь химика Б.Шалумова, родилась в Москве. Ее работы находятся в частных собраниях США, Канады, Италии, Германии, России. Состоялись ее выставки в США и других странах, а в марте 2002 г. состоялась ее выставка в Москве, о которой рассказывает московский искусствовед Виктория Хан-Магомедова. («Миньян». № 5).

Фрида Юсуfoва родилась в Грозном, много лет жила в Баку, проявила себя не только талантливым художником и вышивальщицей, но и проникновенным поэтом-лириком. Живет сейчас в Израиле. Является членом редакционного совета «Миньян» (см. № 2).

Очень приятна новая встреча с нашим прославленным Героем Советского Союза – Шатием Абрамовым в интервью Манашира Азизова, члена редакционной коллегии журнала. («Миньян». № 10). В отличие от ряда последних публикаций о нашем Герое в дагестанской прессе, которые в основном повторяют всем известные факты из прежних публикаций и даже сопровождаются одной и той же фотографией, в публикации М.Азизова, Шатиев Абрамов представлен как интересный собеседник, непосредственно рассказывающий о себе,

о своей жизни в последние годы, о своих раздумьях. Приятно увидеть и новую цветную фотографию нашего земляка Шатиеля Абрамова, который вынужден был покинуть Грозный, где он преподавал в Институте, в связи с чеченскими событиями и живущего ныне в Москве, где и встретился с ним М.Азизов.

Больше всего этот красивый гляцевый журнал, уделяет внимание репортажам о ходе проходивших научных конференциях с красочными фотоиллюстрациями, охватывающих всех их участников, публикациями важных моментов их выступлений. А седьмой номер журнала (2003 г.) полностью посвящен юбилею И.Ш.Анисимова, приводятся некоторые новые архивные материалы, целый ряд уникальных фотографий, высказывания современных исследователей и его потомков.

Каждый новый номер «Мивьяна» несет определенную свежую информацию, расширяющую представление о духовном мире наших современников.

Вызывает большой интерес шестой номер журнала (2002), в котором дается обширная информация о ходе работы «Круглого стола» в Институте Европы РАН, посвященный теме «Наука и религия в новом тысячелетии».

Участниками дискуссии были выдающиеся ученые России астрофизики, религиоведы, философы и представители трех религий: христианства, ислама и иудаизма. Назову только фамилии астрофизика академика Виталия Гинзбурга и директора Института Европы РАН академика Николая Шмелева, чтобы представить уровень дискуссии.

Материалы «Круглого стола», великолепно переданные доктором исторических наук, московским профессором-религиоведом Анатолием Красиковым, полезны читателям журнала, заостряя внимание на одной из глобальных проблем современности.

Следует добавить, что большую роль в организации этой дискуссии вместе с центром социально-религиозных исследований Института Европы РАН сыграли и братья Гилаловы, с поддержкой которых была издана на русском языке книга американского физика Джеральда Л.Шредера «Шесть дней творения и Большой взрыв – поиски гармонии между современной наукой и Библией», презентация которой произошла в рамках «Круглого стола», придавшего дискуссии большую остроту, как отметил А.Красиков.

Особенно исторически значимым стал 9-ый номер, полностью посвященный работе Первого съезда Всемирного Конгресса горских евреев, в котором приводятся многие выступления ее участников и все принятые документы.

О новых тенденциях в общественной жизни Европы и Азии рассказывает и 11 номер «Миньяна», информируя читателей о ходе состоявшейся 13 февраля 2003 г. в Алматы Международной конференции мира и согласия, созванной по инициативе Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева, целью которой являлось сближение различных групп мирового еврейского сообщества и укрепление глобального иудейско-исламского диалога, который был достаточно успешным шагом в этом направлении. На конференции присутствовали все главы среднеазиатских стран и представители многих государств дальнего зарубежья и представители еврейских организаций – Европы, США, Канады, как и России, в том числе и делегация горских евреев во главе с Зауром Гилаловым и Сергеем Ванштейном, как признанных руководителей Всемирного Конгресса горских евреев.

Политики, ученые и религиозные деятели всесторонне обсуждали эту проблему. Принятая декларация участников Международной конференции мира и согласия намечает целую программу развития этого иудейско-исламского диалога.

«Миньян» публикует и ряд других материалов, касающихся национально-культурных традиций горских евреев, дает разъяснения по истории возникновения тех или иных праздников, касается и заповедей предков, знакомит с некоторыми материалами из Торы.

Все 13 номеров «Миньяна» представляют собой подлинные документы истории горских евреев начала XXI века, отражая рост их интеллектуального и духовного уровня, выход на международную научную и общественную арену в содружестве других народов, видных ученых современности, прежде всего российских ученых, и государственных деятелей многих стран. В то же время этот журнал не только основателен по содержанию, но и эстетически значим красочным дизайном, оригинальным расположением текстов статей и сопровождающих их фотодокументов, что является бесспорным творческим результатом вдохновенной работы его замечательного редактора, талантливого человека, доктора наук Сергея Ванштейна и его «команды».

Собранные вместе номера этого единственного в мире журнала горских евреев уже теперь представляют бесценный исторический «архив» поисков гармонии «малого» народа Кавказа с международным сообществом на новом витке истории человечества, уверена она не потеряется и в юбилейных собраниях других стран.

В ожидании новых интересных материалов и новых встреч с представителями нашего народа на страницах журнала «Миньян», хочется

бы пожелать редакции опубликовать интервью с еще одним выдающимся нашим ученым, имя которого в 1997 году я открыла для себя из газетных публикаций о нем и о его научных интересах в «Литературной газете» и в «Независимой газете», позже познакомилась с его последней книгой, великолепным необычайным исследованием, вызвавшим поначалу шок в литературном мире, а теперь, по-моему, все успокоились, т.к. трудно противостоять его логике, его фактам и доказательствам, изучению которых он отдал много лет в английских архивах, сумевшего даже заметить и исправить неточности перевода некоторых мест произведений своего Героя со староанглийского языка на современный английский язык, не говоря уже о привлеченном для глубокого анализа многих произведений великого поэта и документов, оставшихся вне внимания исследователей.

Это имя: Илья Гилилов, выдающийся шекспировед, корни которого относятся к дербентским Гилиловым. Профессор И.М.Гилилов убедительно доказывает и показывает кто скрывается под псевдонимом «Шекспир» в своем обстоятельном труде «Игра об Ульяме Шекспире или Тайна Великого Феникса», изданном в Москве в 1997 г.

* * *

Так Москва в начале XXI века становится международным центром по изучению истории и культуры горских евреев, привлекающий внимание и поддержку не только ученых, но и руководство республик Северного Кавказа, Республики Азербайджан, а также внимание правительств многих стран дальнего зарубежья, (где ныне проживают наши земляки), присылающих свои приветствия на научные форумы.

На этом фоне, к сожалению, не слышно голоса официального Дагестана, тогда как Дагестан является единственной республикой Кавказа, где наш народ является одним из титульных народностей (правда, не под своим этнонимом, а приписанным ему названием другого братского народа), и язык его считается одним из основных литературных языков многонациональной нашей республики, где в XX в. выросла интеллигенция, проявившая себя во всех областях хозяйства, культуры, науки и медицины, пожалуй, больше даже, чем в Азербайджане, многие представители которой обрели всероссийское признание, а некоторые и мировую известность.

В этой ситуации весьма знаменательно стремление редакции основного общественно-политического журнала республики «Народы

Дагестана» и его главного редактора Магомеда Рамазановича Курбанова отойти от односторонней «дозволенной» трактовки истории нашего народа и дать массовому читателю объективную картину его истории с разными подходами, опубликовав в первом номере журнала за 2002 г. девять статей, посвященных нашему народу. Этот номер журнала получил положительный резонанс и в нашей республике и за рубежом, о чем свидетельствуют отклики, поступающие в редакцию журнала и отдельным ее авторам.

Но те, кто исказили нашу историю, сумели настолько все запутать, что даже теперь в эпоху разительных перемен в нашей стране, пересмотра всей советской системы ценностей в политике, идеологии, экономике, культуре и религии, продолжают оставаться «на плаву» и публиковать статьи, будоражащие общественное мнение своим полицейско-угрожающим смыслом в духе 1937 года. как например, статья политолога Г.Османова «Татский вопрос в геополитической борьбе» («Дагестанская правда». 30.06.2002 г.), в которой утверждается, что ряд авторов этого журнала «льют воду на мельницу геополитических конкурентов России»!

Это чудовищное обвинение трёх авторов – М.-Р.Ибрагимова, И.Семенова, Г.Мусахановой, пытающихся говорить о действительной истории горских евреев, выдает заказной характер статьи политолога, который никакого представления не имеет о сути, затрагиваемого им вопроса, проигнорировав то, о чем говорится в статьях этих авторов. О предвзятости Османова свидетельствует то, что именно М.-Р. Ибрагимов, искренне обеспокоенный судьбой горских евреев, с тревогой отмечал, что «возникла реальная угроза исчезновения горских евреев с этнической карты Дагестана. Для преодоления этой тенденции необходимо разработать эффективную государственную программу возрождения и сохранения горских евреев как одного из самобытных этносов Дагестана».

Кстати, М.-Р.Ибрагимов - один из авторов фундаментальной монографии «Народы Дагестана» (изданной в Москве в 2002 г.), в которой имеется его обстоятельный историко-этнографический очерк по горским евреям. В статье даются краткие научно достоверные сведения по наиболее важным вопросам этнической истории, географии расселения, численности, основных компонентах материальной и духовной культуры горских евреев Дагестана. М.-Р. Ибрагимов представлен здесь новой статьей, подтверждающей его позицию, а И.Семенов той же статьей. Читатели могут судить сами о характере их работ.(Более подробно о статье Г.Османова см. И.Семенов «Чем бы заняться политологу?.Ж.

“Народы Дагестана”. № 5. 2002).

При этом хочу подчеркнуть, что и научная деятельность И.Г.Семенова, участника всех международных научных конференций по истории горских евреев, плодотворно развивается. Результатом его новых исследований является интересная работа “Горские евреи Кавказа. Некоторые аспекты этнической идентификации”, опубликованная в международном журнале “Центральная Азия и Кавказ”, издаваемом Центром социально-политических исследований в Швеции. Эта публикация очень глубокая и содержательная, отличается высоким уровнем научной аргументации. (См. “Центральная Азия и Кавказ” № 3(27), 2003, С. 191-200. Швеция. Русский вариант).

Не подобные ли политологу Г. Османову и иже с ним консультанты мешают участию представителя официального Дагестана в международных научных конференциях, проходящих в Москве и за рубежом, посвященных изучению истории одной из малочисленных его народностей, тем самым создавая, не заслуженный негативный имидж республике в научном мире.

Мне же остается процитировать хотя бы конец моей журнальной статьи, проигнорированный политологом Османовым: «... на симпозиуме (в Москве в 2001 г.) вновь была опровергнута идея «татизации» горских евреев, как не соответствующая истории народа и наоборот названная «политической спекуляцией» недавнего времени. Весьма знаменательным был первый доклад известного ученого-этнографа, доктора исторических наук, члена-корреспондента РАН, заведующего отделом Кавказа ИЭА РАН С.А.Арутюнова «Важность изучения горских евреев в этнографии Кавказа».

В докладах двух других ученых этого института – заведующего отделом демографических исследований и этнической статистики, доктора исторических наук П.П.Пучкова и старшего научного сотрудника М.А.Членова – прозвучала критика и в адрес бывшего руководства института за поддержку этой «политической спекуляции», отразившейся на результатах последней переписи (1989), особенно в разделении нашего народа на два этноса.

Не был забыт и тот факт, что нашей группе фальсификаторов каким-то образом удалось заполучить справку из этого института о том, что исконных татов и горских евреев можно считать одним народом. Все это упоминалось как «ошибочная» и даже «позорная страница» истории этого ведущего научного центра страны, что весьма

знаменательно накануне новой переписи населения России» (Ж. «Народы Дагестана». № 1. 2002. С. 45). И все это не заметить - явно имеет злой умысел!!! Уже название доклада профессора С.А.Арутюнова, одного из главных этнографов Российской Академии наук, говорит само за себя!

К этому могу добавить следующее: пожалуй, эта констатация необъективной позиции академического института в вопросе освещения истории горских евреев в недавнем прошлом, произнесенная устами его известных представителей, звучит своеобразным очищающим покаянием института и возможностью теперь свободно говорить об этом и о ситуации, в которой ученые оказались не по своей воле. Пожалуй, и наш оппонент - политолог оказался не по своей воле в этой ситуации.

И в знак понимания его роли "случайного прохожего" в этой недостойной игре, приведу замечательное восьмистишие выдающегося поэта современности, незабвенного Расула Гамзатова, сказанные им еще в начале хрущевской «оттепели»:

Ты, время, вступаешь со мной в рукопашную,
 Пытаешь прозреньем, караешь презреньем
 Сегодня клеймишь за ошибки вчерашние
 И крепости рушишь - мои заблуждения.

Кто знал, что окажутся истины зыбкими,
 Чего же смеешься ты, мстя и карая,
 Ведь я ошибался твоими ошибками,
 Восторженно слово твое повторяя!

(Р.Гамзатов. Высокие звезды.
 М., 1963. С. 181. Перевод Н.Гребнева)

Не пора ли и нашим амбициозным оппонентам покаяться и перестать искажать историю горских евреев и игнорировать происходящие в науке новые процессы, т.е. возвращение ее на "круги своя"?

НЕОЖИДАННОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ,

вызванное печальным сообщением центрального телевидения России о трагической гибели в Москве 5 марта 2004 г. Заура Гилалова – Президента Российского фонда сохранения и развития еврейской культуры и Президента Всемирного Конгресса горских евреев.

Составитель данного сборника, подготовленного к печати задолго до этого печального события, скорбит о трагической гибели Заура Гилалова, который, несмотря на свою молодость: ему было 29 лет, успел так много сделать доброго, полезного для своего народа, проявив себя значительной личностью, большим общественным деятелем!

Зауру Гилалову были присущи патриотические чувства гражданина России и своего Азербайджана и сыновнего долга перед своим горско-еврейским народом, являющегося одним из этносов содружества кавказских народов, процветанию которого он решил посвятить свою деятельность.

Высокий, красивый, обаятельный молодой меценат с открытым и добрым лицом, притягивал к себе внимание, а его многообразная деятельность, опиравшаяся на поддержку профессионалов – единомышленников, вызывала уважение к нему в Москве, Баку и Кубе, Нальчике и Дербенте, в Израиле, Канаде и США, в Узбекистане и Казахстане.

Размах его общественной деятельности по объединению горских евреев, разбросанных, к сожалению, теперь по трем континентам мира, завершившийся созданием Всемирного Конгресса горских евреев, обозначил новый этап в современной истории нашего народа.

Кто мог подумать, что в этом сборнике, посвященном памяти известного ученого Михаила Мататовича Ихилова, прожившего большую и достойную жизнь гражданина России, слова признательности ему пересекутся со словами скорби по поводу гибели молодого широко признанного лидера горских евреев Заура Гилалова, определившего своей общественной деятельностью новый международный уровень в осмыслении исторических судеб горских евреев в XXI веке и объединений их.

Пусть судьба продолжателей их дела будет благосклонна к ним!

Галина Мусаханова
7 марта 2004,
г. Махачкала

СОДЕРЖАНИЕ

I. Материалы вечера памяти Михаила Мататовича Ихилова, проведенного в Институте истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН в связи с его 85-летием 5 ноября 2002 г.	
Османов А.И. Человек – легенда	5
Телеграмма Института этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН	8
Агаширинова С.С. М.М.Ихидов – ученый, общественный деятель, гражданин	9
Алимова Б.М. Вклад М.М.Ихилова в развитие этнографии народов Дагестана	15
Гамзатов Г.Г. Добрым словом вспоминаю я Михаила Мататовича	19
Гаджиев В.Г. М.М.Ихидов – исследователь истории и этнографии лезгинской группы народностей	24
Каймаразов Г.Ш. Ученый и гражданин	28
Шихсаидов А.Р. Один из первых ученых – этнографов Дагестана	31
Алиева В.Ф. Не забываемый ученый отдела социологии	33
Семенов И.Г. М.М.Ихидов как исследователь этнографии горских евреев и народов Дагестана	35
Сосунов Г.С. Благодарность	37
II. Статьи из архива Михаила Мататовича Ихилова	
Горские евреи (из неопубликованного)	41
Город-музей мирового значения	66
III. В продолжение темы	
Ибрагимов М.-Р.А. Этнокультурные процессы у горских евреев Дагестана	78
Членов М.А. (Москва). Кто такие – эти «горские евреи»?	89
Гусейнов Р.А. (Баку). Иудаизм, кавказим и Хазарский каганат	91
Купольский М.С. (Москва). Причины и последствия формирования татского этнического мифа среди горских евреев	93
Занд М.И. (Иерусалим). Рабби Яков Ицхаки как лексикограф и лексиколог	95
Назарова Е.М. (Москва). Языковые аспекты татского этнического мифа: о терминологической ситуации с названием языка горских евреев	101

Мусаханова Г.Б. По поводу одной публикации о горских евреях	104
Якубов М.А. (Москва). О музыке горских евреев	113
Семенов И.Г. Из истории горских евреев Дагестана	118
Фарджев В.Т. (Москва). Дагестанец Ю Рабаев – архитектор Москвы	122
Мусаханова Г.Б. Из хроник научной и общественной жизни горских евреев в начале XXI в. (Вместо заключения)	126
Неожиданное послесловие	144

Подписано в печать 03.03.2005.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Печать дубликаторная. Уч. изд. л. 9, 2.
Тираж 200. Заказ 165.

ИХИЛОВ МИХАИЛ МАТАТОВИЧ
Сборник статей

Издательский дом «Народы Дагестана»
Миннацинформвнешсвязи РД.
367012, РД, г.Махачкала, ул.Пушкина, 6.

